PRONKSI-AJAST VARASE FEODALISMINI

Tagastage raamat õigeaegselt!
Возвратите книгу вовремя!

122381

~~9995~~		~~7388~~		~~20499~~	TR
~~10426~~	~~RVL-6 dets. 85~~			~~23454~~	
~~3636~~	~~RVL 27. rub. 86.~~			~~4309~~	TR
1928	7966	TR		18358	
~~5599~~					
~~414~~		~~17155~~	TR		
~~6587~~					

11 II 1154 II 65 100 000

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДО РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ ПРИБАЛТИКИ
И СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Под редакцией
Х. А. МООРА и Ю. Я. СЕЛИРАНДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЭСТИ РААМАТ» ТАЛЛИН 1966

NA XIII 807 A-27741

EESTI NSV TEADUSTE AKADEEMIA
AJALOO INSTITUUT

PRONKSIAJAST VARASE FEODALISMINI

UURIMUSI
BALTIMAADE JA NAABERALADE
ARHEOLOOGIAST

Toimetanud
H. MOORA ja J. SELIRAND

KIRJASTUS «EESTI RAAMAT» TALLINN 1966

KAANE JA ÜMBRISE KUJUNDANUD H. AAS

N=

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
122381

От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. На эстонском языке. Оформление Х. Аас. Издательство «Ээсти Раамат», Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Toimetajad E. Kasesalu, M. Kulišova ja E. Valdna. Kunstiline toimetaja L. Kruusmaa. Tehniline toimetaja P. Kass. Korrektorid M. Laido, M. Sepp ja L. Vladõtšina. Laduda antud 17. II 1966. Trükkida antud 20. V 1966. Paber 60×90, 1/16. Trükipoognaid 14,25+6 kleebist. Arvestuspoognaid 14,69. Trükiarv 800. MB-05018. Tellimise nr. 1184. Trükikoda «Kommunist», Tallinn, Pikk tn. 2. Hind rbl. 1.20.

PÜHENDATUD

DR. MARTA SCHMIEDEHELMILE

TEMA 70. SÜNNIPÄEVAKS

10. JUUNIL 1966

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДОКТОРУ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

МАРТЕ ХАНСОВНЕ ШМИДЕХЕЛЬМ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

10 ИЮНЯ 1966 ГОДА

DR. MARTA SCHMIEDEHELM

ZU IHREM 70. GEBURTSTAG

AM 10. JUNI 1966

GEWIDMET

Martha Schmiedeberg

MARTA SCHMIEDEHELMI 70. SÜNNIPÄEVAKS

Marta Schmiedehelm, Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituudi vanem teaduslik töötaja, ajaloodoktor, sündis 10. juunil 1896. aastal Kosel Harju maakonnas käsitöölise perekonnas. Kaotanud varases lapseeas surma läbi vanemad, kasvas ta emapoolsete sugulaste juures, alates 1908. aastast oma onu, kontoritöötaja J. Blumenfeldi perekonnas Peterburis. Sealsamas lõpetas Marta Schmiedehelm 1913. aastal Kolomna tütarlaste gümnaasiumi. 1914. aastal õiendas ta küpsuseksami, mis andis õiguse pääsuks kõrgemasse õppeasutusse, ja astus samal aastal üliõpilaseks Kõrgematele Naistekursustele, kus õppis vene filoloogiat, lõpetades selle ala 1917. aastal. Pärast seda õppis ta klassikalist filoloogiat ning arheoloogiat. Aastail 1920—1921 töötas Marta Schmiedehelm Materiaalse Kultuuri Ajaloo Akadeemias, algul registraatorina, hiljem noorema teadusliku töötajana. 1921. aastal asus Eestisse, kuhu ta kasuvanemad juba varem olid tagasi tulnud. 1921.—1923. aastal õppis Marta Schmiedehelm Tartu Ülikoolis, valides erialaks esiajaloolise arheoloogia. Marta Schmiedehelm oli arheoloogia alal esimene Tartu Ülikooli lõpetaja. 1924. aastast kuni 1947. aastani töötas ta Tartu Ülikooli Arheoloogia Kabinetis ja Muuseumis konservaatorina, hiljem konservaatorina-assistendina ning pärast nõukogude võimu taastamist arheoloogia kateedri vanemassistendina.

1920. aastal oli Tartu Ülikooli uuesti loodud arheoloogia õppetoolile kutsutud väljapaistev soome teadlane A. M. Tallgren, kes pani aluse järjekindlale arheoloogilisele uurimistööle Eestis. Tema juhatusel rajati ülikooli juurde Arheoloogia Kabineti ja Muuseumi näol baas, mis sai Eesti vanima ajaloo uurimise keskuseks. Marta Schmiedehelmil on suuri teeneid selle asutuse väljaarendamises, sinna koondatud kogude uuestikorraldamises, kataloogimises, esemete konserveerimise ning säilitamise tagamises ja mitmesuguste nende uurimiseks vajalike abinõude ning materjalide soetamises. Vaatamata aineliste vahendite piiratusele ja kasutada olevate ruumide kitsikusele, kujunes Arheoloogia Kabinet ja Muuseum Marta Schmiedehelmi enda ning tema poolt juhendatud abijõudude aastate-

pikkuse väsimatu töö ja hoole tulemusel hästi korraldatud varasalveks ning uurimiskoldeks. Nende kogude organiseerimiseks tehtud töö on suureks kergenduseks ja soodustuseks kõigile uurijaile, kes küll lähedalt, küll kaugemalt on käinud või veel käivad Eesti arheoloogilist ainest kasutamas.

Marta Schmiedehelm on ühtlasi palju kaasa aidanud nende kogude kasvamiseks ja rikastamiseks. Ta on paljude aastate jooksul teinud arheoloogilisi kaevamisi ja muid väliuurimisi peaaegu kõigis Eesti osades ning isegi väljaspool, Põhja-Lätis. Neist suurimaks, mitmel aastal järjest toimetatud tööks oli Põhja-Virumaa kivikalmete uurimine. Kaevamistööde viljana on Marta Schmiedehelm maapõuest päevavalgele toonud palju uut arheoloogilist materjali, rikastanud meie teadmisi hulga uute tähelepanekutega, mis on jäädvustatud sadadel aruandelehekülgedel. Ta on nende tööde käigus oluliselt kaasa aidanud teaduslike kaevamiste tehnika ja metoodika täiendamisele.

Kohalikule arheoloogilisele ainesele lisa- ja võrdlusandmete kogumiseks on Marta Schmiedehelm teinud mitmeid pikemaid uurimisreise Baltimaade, Nõukogude Liidu suurte keskuste, Soome, Poola ja omaaegse Ida-Saksamaa muuseumidesse. Kõigi nende rohkete materjalide läbitöötamise tulemusena on ta kirjutanud kümneid teaduslikke uurimusi.

Marta Schmiedehelmi uurimistöö peamiseks lõiguks kujunes m. a. I aastatuhande esimese poole kultuuri, majanduse ja etniliste suhete ajalugu Eestis ning naaberaladel. Seda ajalõiku on ta siis kummalegi poole ümmarguselt poole aastatuhande võrra laiendanud, nii et kogu ta uurimistegevus hõlmab pikka ajavahemikku alates pronksiajast ja lõpetades varase feodalismiga, ajaarvamise-eelse aastatuhande keskelt kuni meie ajaarvamise II aastatuhande alguseni.

Eriti palju tööd ja vaeva on Marta Schmiedehelm pühendanud Eesti ja teiste Baltimaade kultuurisuhete uurimisele edelapoolse naaberalaga, endise Ida-Preisimaa ja Visla suudme ümbruskonnaga. Muistsete preisi hõimude kodumaad Ida-Preisimaad püüdsid varemalt mõned uurijad, nende seas balti saksa asjaarmastajad-arheoloogid, kujutada gootide asumisalana ja näidata, et gootid on Baltimaade rahvaid mitte ainult kultuuriliselt mõjutanud, vaid sealt ka asunikena nende hulka tunginud. Et küsimus oli vaieldav, pakkusid Ida-Preisimaa ja Baltimaade vahelised kultuurisuhted suurt huvi. Professor A. M. Tallgreni ja omaaegse Königsbergi arheoloogiaprofessori Max Eberti soovitusel asus Marta Schmiedehelm seepärast 1923. aastal uurima preislaste ala, nimelt Lääne-Masuuria muistsete hõimude arheoloogilisi mälestusmärke. Selle teemaga oli seotud juba tema magistriväitekiri «Beiträge zur sogenannten goti-

schen Frage im Baltikum». Võtnud endale uue ulatusliku ülesande, pühendas ta selle lahendamisele järgnevail aastail palju energiat. Ta hankis kirjandusest, sageli raskesti kättesaadavatest vanadest väljaannetest, kõik varasemad teatmed, käis korduvalt kogumas arheoloogilist ainest Königsbergi ja teiste linnade muuseumides ning võttis osa ka kohapeal toimuvaist kaevamisist. Selle töö viljana avaldas ta esialgu mitmeid lühiuurimusi, millest väärib esiletõstmist artikkel Eesti ja Visla suudme ümbruskonna suhetest. See väike uurimus laiendas ja täpsustas oluliselt meie teadmisi Eesti muistse elanikkonna kultuurisuhetest ning tõestas, et neil oli meie ajaarvamise algul ühendus Läänemere lõunarannikuga mitte ainult maad mööda teiste hõimude vahendusel, vaid ka otse merd kaudu.

Vahepeal pidi preisi ala uurimine mõnevõrra kõrvale jääma, sest kaevamised kodumaal ja siit saadud uute leidude läbitöötamine nõudsid peaosa ajast endale. Marta Schmiedehelm avaldas trükis osa Põhja-Virumaa kalmete uurimisel saadud rohkest leiuainesest. Tal oli õnnestunud leida Lüganusel Jäbara suures kalmeterühmas üks kivikirstkalme, mis kuulus I aastatuhande esimesse poolde e. m. a. ja sisaldas tolle aja kohta haruldasi pronks- ja raudesemeid. Kõneldes rauaaja algusest Eestis peavad kõik uurijad ikka jälle peatuma selle leiukompleksi juures ja kasutama Marta Schmiedehelmi vastavat uurimust.

1923. aastal avastati Haapsalu lähedal Kirimäel kalme, mille harukordselt rikas leiuaines oli oluliseks lisaks m. a. I aastatuhande keskelt seni teadaolevale vähesele materjalile. Soome Muinasuurijate Seltsi Ajakirjas andis Marta Schmiedehelm leiu eeskujuliku analüüsi, määras selle ajalise koha ja temas kajastuvad kultuuriloolised suhted. Sellele uurimusele lisandusid artikkel kahest Kambjast leitud samaaegsest aardest ja veel paar lühemat uurimust, mis käsitlesid seni vähetuntud nn. keskmise rauaaja muistiseid.

Töödest, mille aineks on I aastatuhande teise poole muistised, nimetatagu vastavat peatükki 1926. aastal Riias väljaantud koguteoses «Latvijas archaioloģija». Hiljem käsitles Marta Schmiedehelm mõnes lühiuurimuses samast perioodist pärinevaid Eesti maa-alalt saadud leide.

Silmapaistvale nõukogude arheoloogile A. A. Spitsõnile pühendatud juubeliväljaande jaoks kirjutas Marta Schmiedehelm lühema artikli, milles analüüsis Riiklikus Ermitaažis säilitatavat Tartust leitud aaret, dateerides selle 12. sajandi esimesse poolde. Selle ajamäära võttis hiljem omaks ka nõukogude arheoloog ja kunstiajaloolane A. Banck. Mainitud kirjutisega oli Marta Schmiedehelm laiendanud oma uurimistöö temaatikat ka II aastatuhande algusele. Seda perioodi käsit-

les ta veel hiljemgi, avaldades töö tema enda poolt Viru-Nigula lähedal Iilas avastatud haruldase kalme kohta, millesse oli maetud jõukas mees tõenäoliselt ühes kahe orjaga.

1930-ndate aastate teisel poolel, kui linnuste uurimine järjest laienes, võttis Marta Schmiedehelm ka sellest tööst osa. Ta juhatas Kuusalus II aastatuhande algusest pärineva «Linnapao» kaevamisi ja avaldas üksikasjaliku uurimuse selle töö tulemustest.

Teadusliku uurimis- ja muuseumitöö kõrval täitis Marta Schmiedehelm paljusid ülesandeid ühiskondlikus korras. Ta oli aastail 1930—1938 «Ajaloolise Ajakirja» toimetuse liige ja kirjutas nimetatud ajakirjas 1929. kuni 1937. aastani hulgaliselt arheoloogiliste teoste arvustusi ja aastaülevaateid arheoloogiliste kogude kasvust ning uurimistöö tulemustest. 1930. kuni 1935. aastani oli ta Õpetatud Eesti Seltsi sekretäriks ja tegi ära suure töö seltsi paljude väljaannete toimetajana. Peale jooksvate väljaandesarjade on tema toimetatud ka I. Mannineni kaheköiteline «Die Sachkultur Estlands».

Suures Isamaasõjas sai Tartu linn raskesti kannatada. Tänu Marta Schmiedehelmi ja ta kaastööliste hoolele ning ennastsalgavale tegevusele suudeti Arheoloogia Muuseumi kogud linnast evakueerida ja seega hävimisest päästa.

1947. aasta algul viidi arheoloogilised kogud ja töövahendid Tartu Riiklikust Ülikoolist üle Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituuti, kus need moodustasid uue uurimiskeskuse, arheoloogia sektori aluse. Marta Schmiedehelm siirdus uude asutusse vanema teadusliku töötaja kohale. Siin avanesid talle endisest palju soodsamad võimalused viljakaks uurimistööks. Ta võis end pühendada suuremate, keksemate probleemide lahendamisele ega tarvitsenud enam killustada oma jõudu kõrvaliste ülesannete täitmisega. Seepärast sai ta nüüd lõpule viia oma kõige ulatuslikumad tööd. Marta Schmiedehelm jätkas veel Põhja-Virumaa kalmete kaevamist ja uuris siis täienduseks ka selle maaosa vanemaid linnuseid, kus varemalt veel keegi arheoloog ei olnud kaevamisi teinud. Võttes kokku nii varematel aastatel kogutud rohke materjali kui ka sõjajärgsete aastate töö tulemused, kirjutas Marta Schmiedehelm suurema monograafilise uurimuse «Kirde-Eesti arheoloogilised muistised sugukonnakorra lagunemise perioodist (5. sajandist e. m. a. kuni m. a. 5. sajandini)». See uurimus on tüsedaks nurgakiviks kõigile edaspidistele töödele, mis selle perioodi olusid Eesti alal ja lähematel naaberaladel käsitlevad. 1956. aastal kaitses Marta Schmiedehelm Moskvas NSV Liidu Teaduste Akadeemia Arheoloogia Instituudis seda tööd edukalt doktoriväitekirjana.

Vahepeal oli Marta Schmiedehelm asunud uurima Kagu-

Eesti seni vähetuntud muistiseid. Ta kaevas mitmel aastal Rõuge linnamäge, mis tema töö tulemusel kujunes meie vabariigi esimeseks täiesti läbiuuritud muinaslinnuseks. Kaevamiste tulemused esitas ja analüüsis ta sellekohases põhjalikus uurimuses. Marta Schmiedehelm toimetas ulatuslikke kaevamisi ka Rõuge linnusega kokkukuulunud asulakohal. Linnuse ja asula kaevamistega rikastas ta oluliselt meie teadmisi seni väga nõrgalt tuntud ajalõigu — I aastatuhande teise poole ühiskondlik-majanduslike ja kultuuriliste olude kohta. Taotledes uurida korraga ja süstemaatiliselt selle ajajärgu kõiki võimalikke mälestusmärke, kaevas Marta Schmiedehelm mitmel aastal samas piirkonnas, Lindoras, leiduvaid kääbaskalmeid. Neil kaevamistel tehtud täpsete tähelepanekute põhjal võis ta vastavas uurimuses selgitada selle kalmeliigi ehitust ja kujunemiskäiku, mis nõukogude arheoloogide seas oli kaua olnud vaidlusaineks.

Nüüd jõudis Marta Schmiedehelm lõpule viia ka oma pika aja eest alustatud töö Lääne-Masuuria muistsete elanike kultuurist.

Marta Schmiedehelmi teaduslikule loomingule on omane suur põhjalikkus. Ta rajab oma otsused hoolikalt kogutud igakülgsele ainesele ja kaalub otsuse langetamisel alati niihästi selle poolt kui vastu kõnelevaid fakte. Seepärast on ta töödel kauakestev väärtus ja need on läinud Baltimaade arheoloogilise kirjanduse raudvara hulka. Teadusliku töö kõrval on Marta Schmiedehelm jõudumööda osa võtnud ka Teaduste Akadeemia töötajate ühiskondlikust tegevusest. Suure andumusega tehtud viljaka töö eest on teda korduvalt esile tõstnud nii Ajaloo Instituudi direktsioon kui ka Teaduste Akadeemia Presiidium. Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium hindas Marta Schmiedehelmi tööd 1956. aastal oma aukirjaga. 1959. aastal sai ta koguteose «Eesti rahva etnilisest ajaloost» koostamisest osavõtu eest Nõukogude Eesti esimese preemia teaduse alal ja 1960. aastal autasustas NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidium teda Tööpunalipu ordeniga. Soome Muinasuurijate Selts ja Białystoki Teaduslik Selts on valinud Marta Schmiedehelmi oma välismaiseks liikmeks.

Peale rahulduse, mida Marta Schmiedehelm võib tunda oma tööde kordaminekust ja nendele osakssaanud tunnustusest, on tal põhjust rõõmustuda ka üksmeelse lugupidamise ning austuse üle, mille ta on võitnud töökaaslastelt tänu oma isiklikule tagasihoidlikkusele ja alatisele sõbralikule abivalmidusele ning osavõtule kõigi teiste hoolte ja rõõmude puhul. Seepärast saadavad Marta Schmiedehelmi ta tähtpäeva puhul kõigi tema kaastööliste ja sõprade tänu ning parimad õnnesoovid.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ МАРТЫ ХАНСОВНЫ ШМИДЕХЕЛЬМ

Марта Хансовна Шмидехельм, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Эстонской ССР, доктор исторических наук, родилась 10 июня 1896 года в Козе Харьюского (Ревельского) уезда в семье ремесленника. В раннем детстве потеряв родителей, она воспитывалась у родственников со стороны матери; с 1908 года жила в Петербурге в семье своего дяди, конторского служащего И. Блюменфельда. В 1913 году окончила Коломенскую женскую гимназию, в 1914 году поступила на Высшие женские курсы, где изучала русскую филологию, а позже специализировалась по классической филологии и археологии. В 1920—1921 году работала в Академии истории материальной культуры в должности регистратора, а затем — младшего научного сотрудника. В 1921 году переехала в Эстонию, куда уже ранее возвратился ее дядя, и поступила в Тартуский университет, который окончила в 1923 году по специальности первобытная археология. С 1924 по 1927 год занимала в Археологическом кабинете и музее Тартуского университета должность консерватора, позже — ассистента-консерватора, а после восстановления в Эстонии Советской власти — старшего ассистента кафедры археологии.

Марта Хансовна имеет значительные заслуги в организации и развитии основанного по инициативе профессора А. М. Тальгрена Археологического кабинета и музея Тартуского университета. Своим неутомимым трудом она много содействовала тому, что это учреждение, в котором были сосредоточены фонды нескольких прежних музеев, превратилось в научно-исследовательский центр археологии Эстонии.

Помимо работы по организации накопленных прежде коллекций Марта Хансовна много сделала также для пополнения их новыми материалами. Из года в год она возглавляла археологические экспедиционные работы во многих районах республики. Крупнейшими из проведенных в 1920—1930 гг. под ее руководством полевых исследований

были многолетние систематические раскопки могильников первой половины I тысячелетия на северо-востоке республики. В ходе этих работ она неустанно совершенствовала методику исследования названных памятников.

С целью сбора сравнительного материала для местных памятников Марта Хансовна работала во многих музеях Прибалтики и крупнейших центров Советского Союза, а также в ряде музеев ближайших зарубежных стран.

Результаты своих полевых и музейных исследований Марта Хансовна изложила в полусотне научных и целом ряде популярных печатных трудов.

Печатные труды Марты Хансовны, в особенности ранние ее работы, посвящены, главным образом, уяснению вопросов материальной культуры, хозяйства и этнического состава населения Эстонии и смежных территорий в первой половине I тысячелетия н. э. Со временем тематика ее работ расширилась и охватила также предшествующие и последующие периоды, начиная с эпохи бронзы и кончая ранним феодализмом.

Ввиду того, что для развития культуры древнего населения Прибалтики важное значение имели связи с прусскими племенами, однако характер этих связей оставался во многом неясным, Марта Хансовна уже в самом начале своей научно-исследовательской деятельности занялась изучением археологических памятников древней прусской территории, в частности Мазурского поозерья. С данной темой была связана уже ее магистерская диссертация: «К так называемой готской проблеме в Прибалтике». Начиная с 1923 года она в течение ряда лет работала в Кенигсбергском музее и в других зарубежных хранилищах, изучая относящиеся к ее теме археологические материалы и принимая также участие в ведущихся там раскопках. В результате этих работ она опубликовала несколько статей, из которых особый интерес представляет небольшое исследование о связях Эстонии и приустья Вислы, в котором она доказала, что в первой половине I тысячелетия н. э. древне-эстонские племена сносились с юго-восточной Прибалтикой не только по суше, при посредничестве балтских племен, но и непосредственно, морским путем. Это наблюдение имеет большое значение для понимания исторической обстановки того периода на севере Прибалтики.

Другие неотложные обязанности, связанные с увеличением объема археологических работ в республике, не дали Марте Хансовне возможности завершить задуманное ею монографическое исследование о материальной культуре

Мазурского поозерья. Ее интерес все более стали привлекать богатые материалы, получаемые ею в результате раскопок могильников северо-восточной Эстонии. В обширной группе Ябараских погребальных памятников ей посчастливилось найти, наряду с более поздними могильниками, каменный курган с ящиками, содержащий редкие для Эстонии бронзовые и железные предметы, позволившие отнести данный курган к середине I тысячелетия до н. э. и тем самым решить спорный до того времени вопрос датировки курганов названного типа.

В 1923 году в Киримяэ близ Хаапсалу было найдено исключительно богатое погребение, восходящее к середине I тысячелетия н. э. Погребение содержало, помимо множества бронзовых и серебряных украшений, большое количество оружия. Это уникальное погребение имеет тем большую ценность, что данный период в Эстонии представлен относительно небольшим количеством археологических находок. В небольшой монографии, опубликованной в трудах Финского археологического общества, Марта Хансовна дала подробный анализ и этого важного комплекса. Ее статья остается в Прибалтике одним из основных исследований по археологии названного периода. Позже она опубликовала работу о двух одновременных кладах, найденных в Камбья, неподалеку от Тарту.

Из ранних работ, предметом которых являются памятники второй половины I тысячелетия, можно назвать соответствующую главу в коллективном труде «Археология Латвии», вышедшем на латышском языке в 1926 году в Риге. В последующие годы Марта Хансовна рассмотрела также ряд относящихся к тому же периоду памятников Эстонии.

Для юбилейного издания, выпущенного А. М. Тальгреном в Хельсинки в честь известного советского археолога А. А. Спицына к его семидесятилетию, Марта Хансовна написала исследование о хранящемся в Государственном Эрмитаже кладе 12 века, найденном в городе Тарту. С опубликованием этой статьи в тематику ее исследований вошли уже и археологические памятники II тысячелетия н. э. К началу II тысячелетия относится также рассмотренное ею позже в небольшой статье интересное тройное погребение в Ийла на северо-востоке Эстонии, содержавшее, очевидно, скелеты зажиточного хозяина и двух его рабов.

Во второй половине 1930-х годов, с началом систематических раскопок эстонских городищ, Марта Хансовна активно включилась и в эту работу. Она произвела раскопки

своеобразного болотного городища начала II тысячелетия в Куусалу, на севере Эстонии, и подробно изложила в соответствующей статье результаты этих раскопок.

Помимо исследовательской и музейной работы Марта Хансовна выполняла немало заданий на общественных началах. С 1930 по 1938 год она входила в редакционный коллектив эстонского «Исторического журнала». В эти годы она опубликовала в названном журнале ряд рецензий на археологическую литературу, а также годичные обзоры результатов археологических исследований в Эстонии. С 1930 по 1935 год она была секретарем Ученого эстонского общества и в этой должности не только редактировала издания Общества, но вообще ведала всей его издательской деятельностью.

В ходе Великой Отечественной войны город Тарту сильно пострадал. Благодаря большой, самоотверженной заботе Марты Хансовны и ее сотрудников, коллекции археологического музея удалось эвакуировать из города и таким образом спасти от гибели.

В начале 1947 года фонды археологического музея и все его оборудование были переданы Тартуским Государственным университетом Институту истории Академии наук Эстонской ССР и составили базу его сектора археологии — нового центра археологической работы в республике. Марта Хансовна перешла на работу в новое учреждение, в котором она с тех пор занимает должность старшего научного сотрудника. Здесь для нее открылись совершенно новые, по сравнению с прежними несравненно более благоприятные возможности для научно-исследовательской работы. Она смогла полностью сосредоточиться на систематической разработке крупных исторических проблем. Ей не надо было больше распылять свои силы на множество посторонних дел, у нее теперь имелись необходимые условия для завершения своих самых обширных основных трудов. В течение нескольких лет она продолжала еще исследования погребальных памятников северо-восточной Эстонии. Затем произвела в том же районе раскопки ряда древнейших городищ, в которых до этого еще не производил раскопок ни один археолог. На основании богатейших материалов, накопленных как до войны, так и в послевоенные годы, Марта Хансовна написала крупное монографическое исследование «Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.)». Этот труд является, можно сказать, краеугольным камнем для всех дальнейших исследований археологии данного пе-

риода в пределах Эстонии и смежных территорий. В 1956 году Марта Хансовна успешно защитила эту работу в Институте археологии АН СССР в качестве докторской диссертации.

По завершении работ на северо-востоке республики Марта Хансовна приступила к исследованию слабо до этого изученных археологических памятников юго-восточной Эстонии. В течение ряда лет она вела раскопки Рыугеского городища. Это городище первым из древних эстонских укреплений было ею полностью раскопано. Результаты раскопок она осветила в статье, опубликованной в первом томе Трудов Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Под руководством Марты Хансовны была вскрыта также значительная часть остатков примыкающего к городищу поселения. Материалы, полученные при раскопках Рыугеского городища и поселения, существенно обогатили наши познания относительно мало известной нам истории хозяйственных и общественных отношений второй половины I тысячелетия н. э. Добиваясь комплексного изучения по возможности всех видов одновременных археологических памятников названного района, Марта Хансовна в течение нескольких лет раскапывала длинные курганы в Линдора, неподалеку от Рыуге. Сделанные при этих раскопках точные наблюдения, изложенные в соответствующей статье, позволили ей проследить устройство длинных курганов и тем самым внести свой вклад в уяснение спорного вопроса о процессе возникновения этого типа погребальных памятников.

Помимо докторской диссертации Марта Хансовна в последние годы завершила и другую свою крупную работу — начатое четыре десятилетия тому назад исследование археологических памятников племен западной части Мазурского поозерья.

Все научные труды Марты Хансовны отличаются большой основательностью и солидностью. Ее выводы в каждом отдельном случае построены на богатом, тщательно собранном фактическом материале. Свои заключения она всегда делает, лишь взвесив все как положительные, так и отрицательные доводы. Благодаря этому ее труды долго не теряют своей ценности; они вошли в золотой фонд нашей археологической литературы. Марта Хансовна принимала и продолжает принимать участие также в общественной деятельности коллектива Академии наук Эстонской ССР. За свой самоотверженный, плодотворный труд она не раз была отмечена в приказах дирекции Института истории и Пре-

зидиума Академии наук Эстонской ССР. В 1956 году Президиум Верховного Совета Эстонской ССР наградил ее Почетной грамотой. В 1959 году за участие в составлении сборника «Вопросы этнической истории эстонского народа» Марта Хансовна была удостоена первой премии Советской Эстонии в области науки. В 1960 году Президиум Верховного Совета СССР наградил ее орденом Трудового Красного Знамени. Финское археологическое общество и Белостокское научное общество избрали ее своим иностранным членом.

Марта Хансовна имеет полное основание испытывать удовлетворение своими трудовыми достижениями и общим признанием их со стороны коллег. С неменьшим основанием она может радоваться глубокому уважению и любви, которыми она пользуется в коллективе не только как ученый, но и как человек исключительно отзывчивый к заботам и радостям других. Все товарищи по работе и друзья Марты Хансовны выражают ей в связи с ее юбилеем свою большую благодарность, от души желают ей здоровья и дальнейших творческих успехов.

MARTA SCHMIEDEHELM ZU IHREM 70. GEBURTSTAG

Marta Schmiedehelm, ältere wissenschaftliche Mitarbeiterin am Institut für Geschichte an der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR, Doktorin der Geschichtswissenschaften, wurde am 10. Juni 1896 in Kose, Kreis Harju, Estland, geboren. Da sie schon im frühen Kindesalter ihre Eltern durch den Tod verlor, wurde sie von ihren Verwandten, seit 1908 in der Familie ihres Onkels J. Blumenfeld, in Petersburg erzogen. Sie besuchte daselbst das Kolomnaer Mädchengymnasium und bezog danach 1914 die Höheren Frauenkurse, wo sie russische Philologie, später klassische Philologie und Archäologie studierte. 1920—1921 nahm sie an der Akademie der Geschichte der Materiellen Kultur zuerst die Stelle eines Registrators, nachher die eines jüngeren wissenschaftlichen Mitarbeiters ein. 1921 siedelte sie nach Estland über, wohin schon früher ihre Stiefeltern zurückgekehrt waren. 1921—1923 studierte sie an der Universität Tartu, als Hauptfach Urgeschichte. 1924—1947 bekleidete sie am Archäologischen Kabinett und Museum der Universität Tartu die Stelle eines Konservators, nachher die eines Konservator-Assistenten und seit 1941, nach der Wiederherstellung in Estland der Sowjetmacht, die Stelle eines älteren Assistenten am Katheder für Urgeschichte.

Marta Schmiedehelm hat grosse Verdienste um die Organisierung und Entwicklung des von Professor A. M. Tallgren an der Universität Tartu gegründeten Archäologischen Kabinetts und Museums. Sie hat dazu tätig mitgewirkt, dass diese Anstalt, in der die Bestände mehrerer früheren archäologischen Sammlungen vereinigt wurden, sich zur zentralen Forschungsstelle für die Urgeschichte Estlands gestaltete.

Neben der an der Neuordnung, Katalogisierung und Konservierung der früheren Bestände geleisteten Arbeit hat Marta Schmiedehelm auch viel zur Bereicherung der Sammlungen durch neuen wertvollen Fundstoff beigesteuert. Von Jahr zu Jahr hat sie archäologische Geländearbeiten in fasst ganz Estland ausgeführt. Als die umfangreichsten der von ihr in den

zwanziger und dreissiger Jahren geleiteten Geländearbeiten sind die systematischen Ausgrabungen der nordostestnischen Gräberfelder der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends besonders hervorzuheben. Sie hat nicht nur die Kenntnis dieser eigenartigen Denkmäler wesentlich vertieft, sondern auch zur Vervollkommnung ihrer Ausgrabungsmethodik viel beigetragen.

Zum Sammeln von Vergleichsmaterial hat Marta Schmiedehelm zahlreiche Studienreisen in die Museen des Baltikums, der übrigen Sowjetunion, Finnlands, Polens und Ostdeutschlands unternommen.

Die Ergebnisse ihrer im Gelände und in den Museen betriebenen Forschungen hat sie in einer grösseren Anzahl wissenschaftlicher Schriften sowie in einer Reihe populärer Aufsätze veröffentlicht. Die Forschungen Marta Schmiedehelms, insbesondere ihre früheren Arbeiten, befassen sich vor allem mit der materiellen Kultur, der Wirtschaft und den ethnischen Verhältnissen der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. Mit der Zeit hat sie ihr Arbeitsfeld auch auf die vorhergehenden und späteren Perioden erweitert, so dass es nun die lange Zeitspanne von der Bronzezeit bis zum frühen Feudalismus umfasst.

Es war seit langem bekannt, dass für die Kulturentwicklung der ostbaltischen Bevölkerung ihre Beziehungen zum altpreussischen Gebiet von grosser Bedeutung gewesen waren. Die Art dieser Verbindung verblieb indessen in vieler Hinsicht unklar. Deswegen wandte sich Marta Schmiedehelm gleich am Anfang ihrer wissenschaftlichen Tätigkeit der Erforschung der altpreussischen, insbesondere der westmasurischen Altertümer zu. Sie hatte die Frage nach der Verbindung zwischen dem Ostbaltikum und Altpreussen bereits in ihrer Magisterdissertation «Zu der sogenannten gotischen Frage im Ostbaltikum» gestreift. 1923 und in mehreren folgenden Jahren betrieb sie im Königsberger Prussia-Museum sowie in mehreren anderen ausländischen Sammlungen eingehende Museumsstudien und nahm auch an in Masuren stattfindenden Ausgrabungen teil. Die ersten Ergebnisse ihrer Studien veröffentlichte sie in mehreren Aufsätzen, von denen ein Artikel über die Kulturverbindungen zwischen Estland und dem Weichselmündungsgebiet besonders hervorzuheben ist. Hier wurde zum ersten Mal nachgewiesen, dass am Anfang unserer Zeitrechnung die Bevölkerung Estlands mit den um die Weichselmündung gelegenen Gebieten nicht nur auf dem Landwege, durch Vermittlung der baltischen Stämme, sondern auch direkt, auf dem Seewege, Verbindungen hatte. Diese Tatsache hat für das

Verständnis der Kulturverhältnisse im nördlichen Ostbaltikum ausschlaggebende Bedeutung.

Die Fülle der Marta Schmiedehelm in ihrer Heimat obliegenden Arbeiten und Aufgaben gestattete ihr nicht die geplante Monographie über die westmasurischen Gräberfelder zum Abschluss zu bringen. Auch fesselte das durch die in Nordostestland ausgeführten Ausgrabungen erhaltene reiche Material ihr Interesse in zunehmender Masse an sich. Die meisten von ihr untersuchten Grabanlagen gehörten, wie erwähnt, in die erste Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. Auf dem grossen Gräberfeld von Jäbara in Nordostestland war es ihr gelungen ausser Steinsetzungen der genannten Periode einen früheren Hügel mit Steinkisten aufzudecken, der mehrere für Estland seltene Eisen- und Bronzegegenstände enthielt, auf Grund derer er sich der Mitte des 1. Jahrtausends v. u. Z. zuweisen liess. Damit war ein fester Anhalt für die Datierung der ostbaltischen Steinkistengräber gegeben, deren zeitliche Stellung bis dahin strittig gewesen war.

1923 war in Kirimäe, in der Gegend der Stadt Haapsalu, ein ausserordentlich reiches Begräbnis gefunden worden, das aus der Mitte des 1. Jahrtausends u. Z. stammte. Es enthielt ausser einer Menge von Bronze- und Silberschmuck zahlreiche Waffen und bot aussergewöhnliches Interesse, da die Gräber dieser Zeit in Estland sonst sehr spärliche Beigaben enthalten. Marta Schmiedehelm widmete diesem seltenen Fund eine in der Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft veröffentlichte kürzere Abhandlung, in der sie ihn vorbildlich analysierte und bewertete. Diese Arbeit gehört zu den besten Untersuchungen, die die genannte Periode im Baltikum betreffen. Später hat sie in einem Artikel zwei aus derselben Zeitstufe herrührende Schatzfunde besprochen.

Von ihren früheren Arbeiten, die die Kultur der zweiten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. zum Gegenstand haben, sei das entsprechende Kapitel im Sammelwerk «Lettlands Archäologie» genannt, das in lettischer Sprache 1926 in Riga erschien. Später hat sie einige estnische Funde derselben Periode behandelt.

Für die dem bekannten sowjetischen Altertumsforscher A. A. Spizyn zu seinem 70. Geburtstag gewidmete Festschrift, die von A. M. Tallgren in Helsinki herausgegeben wurde, schrieb Marta Schmiedehelm einen Artikel über einen in der Staatl. Ermitage aufbewahrten, in der Stadt Tartu gehobenen Schatzfund, der dem 12. Jahrhundert entstammt. Mit diesem Artikel erweiterte sie die Thematik ihrer Forschungen auch auf das 2. Jahrtausend u. Z. Auf den Anfang des 2. Jahrtausends

bezieht sich auch eine weitere Untersuchung, in der eine einzigartige Bestattung in Iila, Nordostestland, besprochen wird. Diese Bestattung enthielt drei Skelette, von denen das eine einem wohlhabenden Mann gehörte, während die übrigen vermutlich von seinen zwei Sklaven stammten.

Als um die Mitte der dreissiger Jahre in Estland mit der systematischen Erforschung der Burgberge begonnen wurde, schloss sich Marta Schmiedehelm auch dieser Arbeit an. Sie leitete die Ausgrabungen der in einem kleinen Moor bei Kuusalu, Nordestland, gelegenen, aus dem Anfang des 2. Jahrtausends herrührenden Befestigung und erörterte hernach in einem Artikel eingehend die Resultate dieser Grabung.

Neben ihrer Forschungs- und Museumsarbeit nahm Marta Schmiedehelm auch an mehreren gesellschaftlichen Vorhaben teil. 1930 bis 1938 war sie Mitglied des Redaktionsausschusses, der estnischen «Historischen Zeitschrift». In dieser Zeitschrift veröffentlichte sie mehrere Besprechungen archäologischer Schriften sowie Jahresübersichten über die Ergebnisse der estnischen Urgeschichtsforschung. 1930—1935 gehörte sie als Sekretär dem Vorstand der Gelehrten Estnischen Gesellschaft an und leitete in dieser Eigenschaft die Herausgabe sämtlicher Schriftenreihen der Gesellschaft.

Während des Grossen Vaterländischen Krieges erlitt die Stadt Tartu grosse Schäden. Dank der aufopferungsvollen Tätigkeit Marta Schmiedehelms und ihrer Mitarbeiter konnten die Bestände des archäologischen Museums evakuiert und dadurch gerettet werden.

Anfang 1947 wurden die Sammlungen und Einrichtungen des archäologischen Museums von der Staatlichen Universität Tartu dem Institut für Geschichte an der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR übergeben. Sie bildeten die Basis für die archäologische Abteilung des Instituts — den neuen Mittelpunkt der estnischen Urgeschichtsforschung. Marta Schmiedehelm trat zur neuen Forschungsanstalt über, an der sie seitdem die Stelle eines älteren wissenschaftlichen Mitarbeiters inne hat. Hier lagen für ihre wissenschaftliche Arbeit bedeutend günstigere Bedingungen als früher vor. Sie konnte sich nun völlig auf die Erforschung grösserer historischen Fragen konzentrieren und brauchte nicht mehr ihre Kräfte mit der Erfüllung nebensächlicher Aufgaben zu zersplittern. Infolgedessen erhielt sie nun die Möglichkeit ihre umfangreichsten Werke zu vollenden. Im Laufe einiger Jahre setzte sie noch die Untersuchungen der nordostestnischen Gräberfelder fort. Danach führte sie in demselben Gebiet Estlands auch auf mehreren älteren, bisher völlig unerforschten Wallburgen

Ausgrabungen aus. Unter Zugrundelegung des reichen Materials, das sie sowohl vor dem Kriege als in der Nachkriegszeit zutage befördert hatte, verfasste sie dann ihre grosse in russischer Sprache veröffentlichte Abhandlung «Die archäologischen Denkmäler in Nordostestland aus der Zeit des Verfalls der Gentilordnung (5. Jh. v. u. Z. — 5. Jh. u. Z.)». Diese Arbeit darf als grundlegend für alle weiteren kulturgeschichtlichen Forschungen gelten, die diese Periode in Estland oder in seinen nächsten Nachbargebieten betreffen. 1956 erhielt Marta Schmiedehelm durch das Archäologische Institut an der Akademie der Wissenschaften der UdSSR nach erfolgreicher Verteidigung letztgenannter Schrift den Doktorgrad.

Nach Abschluss der Arbeiten im Nordostestland wandte sich Marta Schmiedehelm der Erforschung der bis dahin weniger bekannten Denkmäler im Südosten des Landes zu. Im Laufe mehrerer Jahre leitete sie die Ausgrabungen auf dem Burgberge Rõuge. Als erste der estnischen Burgberge wurde diese Verteidigungsanlage von ihr in vollem Umfang untersucht. Die Ergebnisse der Grabung legte sie in einer ausführlichen Studie im ersten Bande der «Arbeiten der Baltischen Vereinigten Komplexexpedition» dar. Sie untersuchte durch Grabungen auch einen beträchtlichen Teil der zur Burg gehörenden gleichzeitigen Siedlung. Der bei den Grabungen der Burg und Siedlung erhaltene reichhaltige Fundstoff hat unsere Kenntnisse der wirtschaftlichen und sozialen Verhältnisse der zweiten Hälfte des 1. Jahrtausends wesentlich bereichert. Marta Schmiedehelm strebte die Erforschung möglichst aller Arten der aus dieser Zeitstufe im genannten Gebiet Estlands bekannten Bodenaltertümer an. Aus diesem Grunde ging sie nach Abschluss der Grabungen in Rõuge zur Erforschung der in derselben Gegend sich findenden gleichzeitigen Hügelgräber slawischer Art über. Die Resultate ihrer mehrjährigen Untersuchung dieser Gräber hat sie in einem längeren Aufsatz niedergelegt. Die bei den Grabungen gemachten genauen Beobachtungen gestatteten es ihr den Aufbau dieser Grabart festzustellen und damit einen wichtigen Beitrag zur Lösung der bisher strittigen Frage nach ihrem Entstehen zu liefern.

Ausser der Doktorabhandlung hat Marta Schmiedehelm in der Nachkriegszeit auch ihr zweites grosses Werk abschliessen können, nämlich die vor vier Jahrzehnten begonnene Arbeit über die westmasurischen Gräberfelder.

Marta Schmiedehelms sämtliche wissenschaftlichen Arbeiten zeichnen sich durch grosse Gründlichkeit und Gewissenhaftigkeit aus. Ihre Folgerungen fussen stets auf reichem,

sorgvoll gesammeltem Material. Sie zieht ihre Schlüsse immer erst nach sorgfältiger Abwägung aller für und wider sprechenden Tatsachen. Infolgedessen sind ihre Arbeiten von dauerndem Bestand und gehören zum besten, was aus dem Gebiete der ostbaltischen Ur- und Frühgeschichtsforschung geleistet worden ist. Marta Schmiedehelm ist auch aktiv an den gesellschaftlichen Unternehmen des Arbeiterkollektivs der Akademie der Wissenschaften der ESSR betätigt. Sie ist ihrer verdienstvollen, mit grosser Hingabe geleisteten Arbeit wegen wiederholt in den Dienstbefehlen sowohl der Direktion des Instituts für Geschichte wie des Präsidiums der Akademie der Wissenschaften der ESSR hervorgehoben worden. 1956 wurde sie vom Präsidium des Obersten Sowjets der Estnischen SSR mit einer Ehrenurkunde ausgezeichnet. 1959 wurde ihr für die Mitarbeit am Sammelwerk «Zur ethnischen Geschichte des estnischen Volkes» die erste Prämie der Estnischen SSR verliehen. 1960 verlieh das Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR ihr den Rotbannerorden der Arbeit. Die Finnische Altertumsgesellschaft und die Gelehrte Gesellschaft zu Bialystok haben sie zu ihrem ausländischen Mitglied gewählt.

An ihrem Festtage darf Marta Schmiedehelm nicht nur durch die Erfolge ihres langjährigen wissenschaftlichen Schaffens und die diesen zuteilwerdende Anerkennung innere Befriedigung finden, sondern sich auch der aufrichtigen Schätzung und Zuneigung erfreuen, die sie unter allen ihren Mitarbeitern und Freunden durch ihr zuvorkommendes Wesen und ihre warme Anteilnahme an den Sorgen und Freuden ihrer Mitmenschen gewonnen hat. In dankbarer Anerkennung all dessen begleiten sie die besten Wünsche ihrer Kollegen und Freunde.

M. SCHMIEDEHELMI TEADUSLIKUD TÖÖD — НАУЧНЫЕ ТРУДЫ М. Х. ШМИДЕХЕЛЬМ — M. SCHMIEDEHELMS WISSENSCHAFTLICHE ARBEITEN

1. Beiträge zu der sogenannten gotischen Frage im Baltikum. Sb. GEG 1922, Dorpat 1923, lk. 76—103.
2. Der Fund von Kirimäe in Estland. SMYA XXXV : 1, Helsinki 1924, lk. 1—36.
3. Kivikalmed. Koguteoses: Eesti kinnismuistised, muinasaegsed ja poolajaloolised. Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabineti Toimetused, III, Tartu 1925, lk. 36—51.
4. Ein Grabfeld der vorrömischen Eisenzeit in Lüganuse. ÕES Ar. 1925, Tartu 1926, lk. 119—134.
5. Einiges über den Stand der Vorgeschichte in Estland. Vorgeschichtliches Jahrbuch, II, Berlin 1926, lk. 306—309.
6. Vidējais dzelzs laikmets. Koguteoses: Latvijas archaioloģija. Rīgā 1926, lk. 54—69.
7. Eesti rauaaeg. Peatükk teoses: A. M. Tallgren, Euroopa muinasaeg. Tartu 1927, lk. 147—156.
8. Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit in Lüganuse (Estland). ESA III, Helsinki 1928, lk. 93—121.
9. Ein Depotfund aus Tartu. ESA IV, Helsinki 1929, lk. 263—271.
10. Einige Funde der mittleren Eisenzeit in Estland. Recueil d'Etudes dedié au Dr. Włodzimierz Demetrykiewicz. Poznań 1930, lk. 318—329.
11. Über die Beziehungen zwischen dem Weichselgebiet und Estland zur römischen Eisenzeit. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII 1930. Rigae 1931, lk. 395—405.
12. (Arvustus:) E. Brastiņš, Latvijas pilskalni. Riia 1923—1930. Ajalooline Ajakiri 1931, lk. 53, 54.
13. (Arvustus:) Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII 1930. Rīgā 1931. Ajalooline Ajakiri 1932, lk. 174.
14. (Arvustus:) Muinasteaduslik osa teoses «Eesti rahva ajalugu». Ajalooline Ajakiri 1933, lk. 173—176.
15. Keskmise rauaaja aareleide Kambjast. Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, IX—X, 1933/34. Tartu 1934, lk. 212—224.
16. Die estländischen Scheibennadeln. Excavationes et studia, opuscula in honorem Alfred Hackman. SMYA XL, Helsinki 1934, lk. 106—112.
17. Kahe viimase aasta muinasleidudest ja Arkeoloogia Kabineti tegevusest. Ajalooline Ajakiri 1934, lk. 95, 96.
18. Kümme aastat esiajalooliste muististe kaitset. Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, XI, 1935. Tartu 1937, lk. 1—13.
19. Arheoloogilisest uurimistööst 1934. ja 1935. a. Ajalooline Ajakiri 1935, lk. 140—142.

20. (Ülevaade:) Eurasia Septentrionalis Antiqua X. Helsinki 1936. Ajalooline Ajakiri 1936, lk. 94—96.
21. (Arvustus:) C. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. I. Band. Königsberg i. Pr. 1935. Sealsamas, lk. 184—186.
22. (Ülevaade:) Viljandi muuseum. Sealsamas, lk. 186.
23. (Koos R. Indrekoga) Muinasteaduslikust tööst 1936. aastal. Ajalooline Ajakiri 1937, lk. 91—94.
24. Ein münzdatierter jungeisenzeitlicher Grabfund aus Iila. Liber Saecularis. ÕES Toim. XXX, Tartu 1938, lk. 633—652.
25. Die Steinsetzung in Mūŗi, Gem. Baižkalns, Kr. Cēsis. Senatne un Māksla, 1938, I. Rīgā 1938, lk. 100—109.
26. Ein Ringanhänger mit Vogelfiguren aus Masuren. Festschrift Bruno Ehrlich zum 70. Geburtstag dargebracht. Elbinger Jahrbuch, 15, Elbing 1938, lk. 57—60.
27. (Koos R. Indrekoga) Ülevaade Arkeoloogia Kabineti töödest 1937. a. Ajalooline Ajakiri 1938, lk. 92—94.
28. Kuusalu Pajulinn. Muistse Eesti linnused. 1936.—1938. a. uurimiste tulemused. Tartu 1939, lk. 121—138.
29—33. (Bibliograafiad:) Muinasteadus. Eesti filoloogia ja ajaloo aastaülevaade, XII (1929), lk. 138—143; V—VI (1922—1923), lk. 125—133; XIII (1930), lk. 131—137; XIV (1931), lk. 122—131; VII—VIII (1924—1925), lk. 171—182; Tartu 1933—1940.
34. Das Gräberfeld am Jaskowska-See in Masuren, Studien zur westmasurischen Kultur der römischen Eisenzeit. I. Teil. 370 lehekülge + 43 tahvlit + 7 kaarti (masinakirjas käsikiri).
35. Rauaaja algus ja viljakasvatuse kujunemine põhiliseks elatusviisiks Kirde-Eesti alal. ENSV TA Toimetised 1952, nr. 3, lk. 13—20.
36. Каменные могилы в северо-восточной Эстонии. КСИИМК XLII, Москва 1952, lk. 76—85.
37. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин 1955. 269 lehekülge + 18 tahvlit.
38. Historiograafia. Eesti NSV ajalugu, I köide, I osa. Tallinn 1955, lk. 7—10.
39. Kirde-Eesti hõimudest I aastatuhande viimasel poolel e. m. a. ja m. a. I aastatuhande algupoolel. Kogumik «Eesti rahva etnilisest ajaloost», Tallinn 1956, lk. 147—159.
40. О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. Сборник статей «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин 1956, lk. 172—186.
41. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, Москва 1959, lk. 154—185.
42. Историография. История Эстонской ССР, том I, раздел первый. Таллин 1961, lk. 7—11.
43. Фибулы с бычачьей головкой первой половины I тысячелетия н. э. с Мазурского поозерья. Światowit, XXIV, 1962, Warszawa 1962, lk. 335—341.
44. Некоторые результаты археологических исследований в Советской Эстонии. СА 1963, № 3, lk. 136—144.
45. Arheoloogide ja etnograafide sessioon Minskis. ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria, 1963, nr. 3, lk. 300—302.
46. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Artiklite kogumik. Tallinn 1965, lk. 17—62, kahe tahvliga.

47. Некоторые вопросы изучения археологических памятников первой половины I тысячелетия н. э. в западной части Мазурского поозерья (trükis, ilmub Poola Rahvavabariigis, ca 1 trp.).
48. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. в западной части Мазурского поозерья (trükis, ilmub Poola Rahvavabariigis, ca 15 trp. + 15 tahvlit).

EINIGE BEMERKUNGEN ÜBER DEN GETREIDEBAU UND DIE VIEHHALTUNG BEI DEN WESTBALTISCHEN STÄMMEN IN DER FRÜH- UND MITTELEISENZEIT

JERZY ANTONIEWICZ

Es besteht wohl kein Zweifel darüber, dass die Entwicklung des Getreidebaus und der Viehhaltung bei den im Waldgürtel ansässigen Stämmen anders verlief als bei der Bevölkerung des Schwarzerdegebiets oder der der Übergangszone (Waldsteppe). Unter den polnischen Forschern herrscht seit langem die Anschauung, dass die Entwicklung der Landwirtschaft sogar im Norden des heutigen polnischem Gebiets (z. B. in Pommern oder Ostpreussen) einen anderen Verlauf genommen hat als in seinem Süden.[1] Ähnlich musste sich die Sache auch im heutigen Litauen, Lettland oder Weissrussland verhalten. In diesem ganzen Bereich ging die Entwicklung der Landwirtschaft nicht überall gleichartig vor sich und konnte wohl auch der Pflugbau nicht gleichzeitig entstehen. Die Viehhaltung nahm in verschiedenen Gebieten verschiedene Formen an, zugleich wechselte ihre wirtschaftliche Bedeutung. Zweifellos war die Viehhaltung in ihren Anfangsperioden (Neolithikum und Bronzezeit) u n g e r e g e l t (zufällige Viehpaarung). Mit der Zeit wurde sie in ihrer Entwicklung aufs engste mit der des Getreidebaus verbunden. Damit ist selbstverständlich nicht gemeint, dass das Vieh vornehmlich zur Düngung des Bodens notwendig war und dass die Grösse der Herde durch das Ausmass der Ackerfläche oder des von der Sippe bewohnten Landes jeder einzelnen Gemeinschaft bestimmt wurde. Dies war unmöglich, denn in der zu betrachtenden Zeit wurde das Vieh auf Brachland, am häufigsten in Wäldern oder

[1] W. H e n s e l, Proba periodyzacji rozwoju rolnictwa na ziemiach polskich w starożytnosci i początkach wczesnego średniowiecza. *Archeologia Polski, B. 1* (1957), S. 11 ff.; A. G a r d a w s k i, J. W i e l o w i e j s k i, Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce, Band 1 (Warszawa 1964), S. 31—173; В. Й. Довженок, Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Київ 1961.

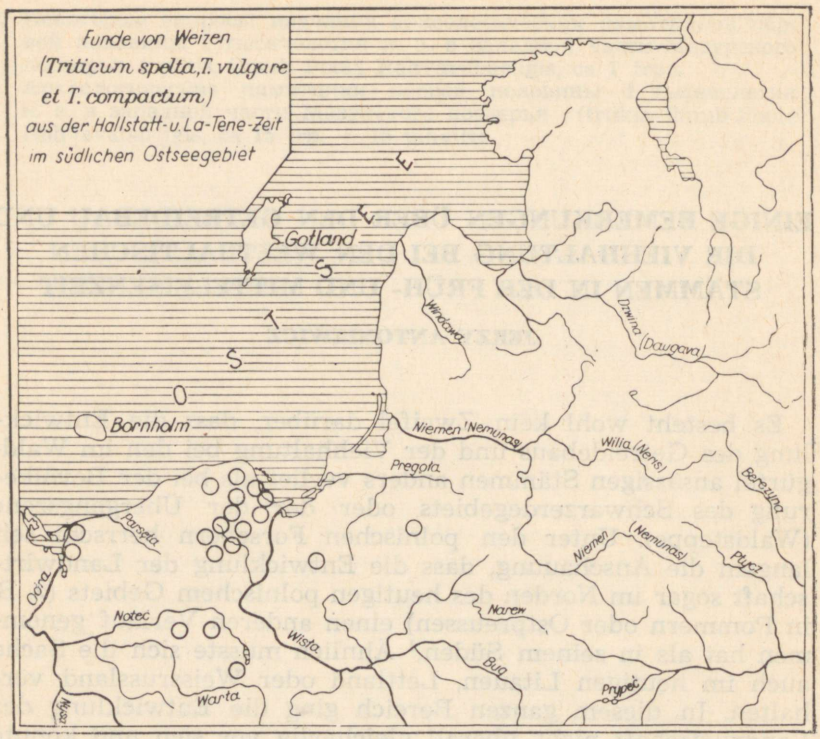


Abb. 1. Funde von Weizen aus der Hallstatt- und La-Tène-Zeit.

Waldenklaven geweidet und das Füttern des Viehs hing nicht von der Grösse der Ackerfläche ab. Zweifellos musste sich auch der Bestand der im Besitz jeder einzelnen Menschengruppe befindlichen Herde im Laufe der Jahrhunderte verändern, und zwar in Richtung zunehmender Wirtschaftlichkeit und entsprechend der sowohl quantitativen wie qualitativen Entwicklung des Getreidebaus.

Was die Früh- und Mitteleisenzeit anbetrifft, so verfügen wir nur über spärliche Quellen zur Erforschung der derzeitigen Bodenbaumethoden. Auch liegt uns kein genügendes Knochenmaterial vor, um den Bestand der Herde in den Gebieten der einzelnen baltischen Stämme, d. h. der Vorfahren der Preussen, Litauer und Letten charakterisieren zu können. Seit langem aber wird in der Literatur die Ansicht vertreten, dass es die Mitteleisenzeit (Römische Zeit) war, in der sich der

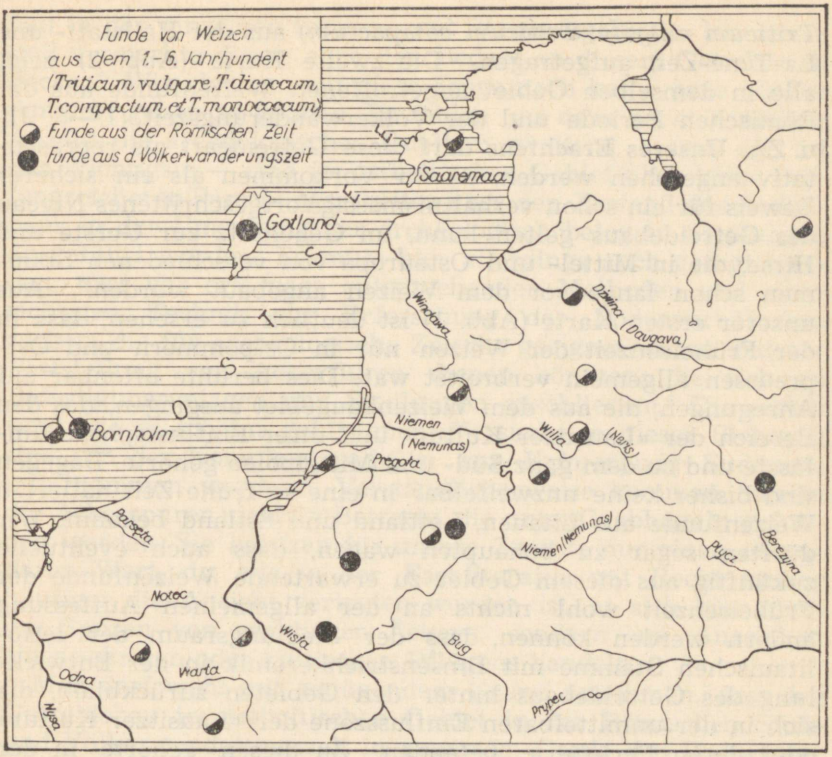


Abb. 2. Funde von Weizen aus dem 1.—6. Jahrhundert u. Z.

Bodenbau und somit auch die Produktion von Brotgetreide in grösserem Masse entwickelte.[2] Diese Ansicht ist unseres Erachtens wohlbegründet. Sie wird ausreichend durch die diesem Artikel beigefügten Karten veranschaulicht. Auf die erste Karte (Abb. 1) sind alle uns aus den südlichen und südöstlichen Ostseeländern bekannten Funde von Weizen (*Triticum speltu,*

[2] F. Balodis, L'agriculture chez les Lettons. *Filologu biedribas Raksti*, Rīgā 1930, S. 55—62; H. Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas teritorijā. Rīgā 1952, S. 65; H. Strods, Zemkopības sistemu attīstība Latvijā. Rīgā 1957, S. 15 ff; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius 1961, S. 250 ff.; P. Dundulienė, Žemdirbyste Lietuvoje. Vilnius 1963, S. 27; J. Antoniewicz, Senoves baltų žemdirbystės technikos klausimu. *Iš lietuvių kultūros istorijos, IV* (1964), S. 164—170.

Triticum vulgare, Triticum compactum) aus der Hallstatt- und La-Tène-Zeit aufgetragen. Die zweite Karte (Abb. 2) zeigt alle in demselben Gebiet angetroffenen Weizenfunde aus der Römischen Periode und der Völkerwanderungszeit (1.—6. Jh. u. Z.). Unseres Erachtens darf diese Getreideart als repräsentativ angesehen werden, da ihr Vorkommen als ein sicherer Beweis für ein schon verhältnismässig fortgeschrittenes Niveau des Getreidebaus gelten kann, im Gegensatz zur Gerste und Hirse, die in Mittel- und Osteuropa von verschiedenen Stämmen schon lange vor dem Weizen angebaut wurden.[3] Aus unserer ersten Karte (Abb. 1) ist deutlich zu ersehen, dass in der Früheisenzeit der Weizen nur in Ostpommern und Ostpreussen allgemein verbreitet war. Dies beruhte offenbar auf Anregungen, die aus dem Weizenbaugebiet ausgingen, das den Bereich der «Lausitzer Kultur» und ihrer Einflusssphäre umfasste und zu dem ganz Süd- und Mittelpolen gehörte. Dagegen sind bisher keine unzweifelbar in eine so frühe Zeit datierten Weizenfunde aus Litauen, Lettland und Estland bekannt. Wir dürften sogar zu behaupten wagen, dass auch eventuelle zukünftig aus diesem Gebiet zu erwartende Weizenfunde der Früheisenzeit wohl nichts an der allgemeinen Auffassung ändern werden können, dass der Siedlungsraum der lettolitauischen Stämme mit Binsenstrichkeramik in der Entwicklung des Getreidebaus hinter den Gebieten zurückblieb, die sich in der unmittelbaren Einflusszone der «Lausitzer Kultur» oder deren Peripherie befanden. Zu diesen gehörte in der Hallstatt- und La-Tène-Zeit ja auch das Gebiet der altpreussischen Stämme.

Ein anderes Bild bietet dagegen die Karte der aus der Römischen Stufe und der Völkerwanderungszeit stammenden Funde (Abb. 2). Es ist bezeichnend, dass aus dieser Zeit zahlreiche Funde von Weizen aus dem ganzen ostbaltischen Gebiet vorliegen. Die recht gleichmässige Verbreitung der Fundstellen im Ostbaltikum lässt vermuten, dass der Weizenbau in diesen Zeiten schon allgemein betrieben wurde und dass wir es hier nicht mit nur sporadischen Vorkommen dieser Getreideart zu tun haben. Es entsteht jedoch die folgende Frage, die für den weiteren Fortschritt der Forschung über die Wirtschaft der Frühzeit sehr wichtig ist: in welchem Ausmass wurde Weizen-

[3] W. La Baume, Frühgeschichte der europäischen Kulturpflanzen. Giessen 1961; M. Klichowska, Znaleziska zbóż na terenie ziem polskich od neolitu do XII wieku n. e. *KHKM, IX* (1961), S. 675 ff.; H. Hjelmquist, Die älteste Geschichte der Kulturpflanzen in Schweden. Lund 1955; Über den Anbau von Gersten. P. E. C. Curwen, Early Agriculture in Denmark. *Antiquity, XII* (1938), S. 136 ff.

bau in den einzelnen Sippen- und Stammesgebieten betrieben, und vermochte dieser auch den Bedarf an diesem Getreide zu decken? Wir glauben, auf diese Frage noch keine ganz genaue Antwort geben zu können. Es fehlen uns dazu noch in nötiger Anzahl die archäologischen Quellen; zweitens — und dies ist das Wichtigste — sind im ostbaltischen Gebiet noch keine umfangreicheren Forschungsarbeiten über den Zustand des Bodenbaus in der Umgebung der archäologisch belegten Siedlungen ausgeführt worden. Es muss hier allerdings auch gesagt werden, dass wir erst nach entsprechenden Methoden und einer richtigen Technik zur Erforschung der Bodenverhältnisse suchen, die für archäologische Zwecke geeignet wären und zur Feststellung von Ackerfluren dienen könnten, die sich an Befestigungsanlagen und Siedlungen anschliessen.[4] Die ersten (und wie es scheint gelungenen) Versuche in dieser Richtung sind von der Komplexexpedition zur Erforschung Sudauens unternommen worden.[5] Verständlicherweise kommen hierbei die Ackerspuren nicht in Betracht, die unter Grabhügeln gefunden werden. Sie besitzen für unsere Zwecke nur einen sekundären Wert, da, wie in der Fachliteratur mit Recht immer häufiger die Ansicht vertreten worden ist, es sich hier nicht um Spuren von wirklichen Äckern, sondern um Anzeichen eines sakralen oder kultischen Pflügens handelt.

Man darf wohl mit genügendem Grund annehmen, dass der Getreidebau im ostbaltischen Gebiet in der Römischen Stufe und Völkerwanderungszeit in gewissem Grade den Bedarf der damaligen Bevölkerung an Pflanzennahrung zu decken vermochte. Es ist jedoch durchaus wahrscheinlich, dass der Ertrag an Getreide und Hülsenfrüchten bei einzelnen Sippen nicht fürs ganze Jahr ausreichte. Der Hauptgrund dafür lag in der niedrigen Ergiebigkeit des Bodens, da zu deren Hebung in jenen Zeiten noch keine agrotechnischen Mittel angewandt wurden. In Anbetracht dessen ist es möglich, dass die Früchte des Feldes zumindest in manchen Gegenden des ostbaltischen Gebietes eine typische Saisonnahrung bildeten.

In der polnischen archäologischen Literatur der fünfziger Jahre wurde das Problem diskutiert, welche Wirtschaftsform bei den Einwohnern der befestigten Siedlungen der «Lausitzer Kultur» überwog. Nach der Ansicht mancher Forscher

---

[4] M. Strzemski, Znaczenie badań z zakresu historii kultury materialnej dla poznania tła przeobrażeń stosunków przyrodniczych. *Zeszyty Problemowe Postępów Nauk Rolniczych*, nr. 7, Warszawa 1956, S. 7—11.

[5] J. Stasiak, Badania nad starożytnym krajobrazem Pojezierza Suwalskiego w rejonie Szwajcarii. Białystok 1965, S. 30—34 u. Abb. 5.

sollte der Bodenbau das Übergewicht über die Viehhaltung[6] gehabt haben, andere wollten der letzteren den Vorrang vor dem primitiven Bodenbau einräumen.[7] Einige Forscher vertraten einen gewissermassen vermittelnden Standpunkt. So behauptete z. B. W. Hensel — und wie es scheint, mit Recht —, dass es von den örtlichen Bedingungen abhing, ob der einen oder anderen dieser Wirtschaftsformen das Übergewicht zukam[8]; noch tiefer fasste dieses Problem der polnische Historiker H. Łowmiański an[9], der mit Recht bemerkte, dass das bisher vorliegende archäologische Material dazu noch nicht ausreicht, um beurteilen zu können, welcher dieser beiden Wirtschaftstypen (Bodenbau oder Viehhaltung) überwiegend war. Der Verfasser dieses Beitrags war dagegen der Ansicht, dass, obgleich die Gebiete der altpreussischen Stämme in der Früheisenzeit ihrem Klima und ihrer Bodenbeschaffenheit nach gewisse Abweichungen von ganz Mittel- und Nordpolen aufweisen, das Niveau ihres Bodenbaus und ihrer Viehhaltung dem der entsprechenden Wirtschaftszweige im Gebiete der «Lausitzer Kultur» in Nord- und Mittelpolen nicht nachstand. Im Osten Altpreussens wies die Wirtschaft unserer Ansicht nach einen anderen, primitiveren Charakter auf, was die Folge abweichender Klima- und Bodenverhältnisse war.[10] Als wir einst diese Ansicht äusserten, liessen wir jedoch die Frage unbeantwortet, ob bei den altpreussischen Stämmen in der Früheisenzeit der Ertrag des Bodenbaus den der Viehhaltung übertraf.

Die richtige Beurteilung dieser beiden Produktionszweige vom Standpunkt des Gesamtwertes der Erzeugnisse ist nicht einfach und besitzt viele Aspekte. Erstens standen die einzel-

---

[6] J. Kostrzewski, Pradzieje Polski. Poznań 1949, S. 88; K. Jażdżewski, Atlas do pradziejów Slowian, II. Łódź 1948; K. Tymieniecki, Ziemie polskie w starożytnosci. Poznań 1951, S. 719—720; J. Filip, Pradzieje Czechoslowacji. Poznań 1951, S. 237—238.

[7] W. Holubowicz, Zagadnienie periodyzacji społeczeństwa przedklasowego na terenie Polski. *Sprawozdania PMA, IV, H. 1—2,* (1951), S. 8—9; W. Szafrański, Z badań nad epoką patriarchalnej wspólnoty pierwotnej. *Wiadomości Archeologiczne, XX* (1954), S. 110 ff.

[8] W. Hensel, Poznań w starożytnosci i we wczesnym średniowieczu. *Przegląd Zachodni, IX* (1953), S. 42—45; J. Antoniewicz, Zagadnienie wczesnożelaznych osiedli obronnych na wschod od dolnej Wisły i w dorzeczu rzeki Pregoly. *Wiadomości Archeologiczne, XX* (1954), S. 359—360.

[9] H. Łowmiański, Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa 1953, S. 19, 34—36, 39—40.

[10] J. Antoniewicz, Osiedla obronne okresu wczesnożelaznego w Prusach. *Światowit, XXV* (1964), S. 206.

nen Gemeinschaften in wirtschaftlicher Hinsicht zweifellos einander nicht gleich, da sie in verschiedenen ökologischen Verhältnissen lebten. Durch die ursprünglichen Naturverhältnisse war die Viehhaltung gegenüber dem Getreidebau infolge der niedrigen Ergiebigkeit des Bodens und dem Vorhandensein ausgedehnten grossen Weidelandes bevorzugt. Zweifellos haben wir beim heutigen Stand der archäologischen Forschung noch nicht die Möglichkeit uns eine richtige Vorstellung vom Umfang des von den einzelnen Gemeinschaften landwirtschaftlich genutzten Landes zu bilden und die Grösse ihrer Aussaatflächen auch nur annähernd zu bestimmen. Zweitens ist die Anzahl der Funde aller Art Tierknochen aus den archäologisch erforschten befestigten und offenen Siedlungen immer noch unzureichend. Man darf wohl behaupten, dass die bisher geborgenen Tierknochen sowohl quantitativ wie qualitativ nur in minimalem Grade die Art und den Bestand der Herde in der frühen Eisenzeit und Römischen Zeit wiederzuspiegeln vermögen.[11] Man muss bedenken, dass jede Kultur- und chronologische Schicht der Existenz von 2 bis 3 Generationen entspricht. Dazu kommt der Umstand, dass nicht alle Reste der in den einzelnen Kulturschichten gefundenen Haustierknochen vom Vieh der betreffenden Menschengruppe stammen.

Die bisher über fossile Tierknochen vorliegenden Untersuchungen begnügen sich gewöhnlich mit dem Errechnen des Prozentverhältnisses der Knochen wilder Tiere zu denen von Haustieren. Daraus wird dann die Schlussfolgerung gezogen, dass die entsprechende Menschengruppe ein ansässiges Leben geführt und sich vornehmlich mit Haustierhaltung und nur in geringerem Masse mit Jagd beschäftigt hat. Dies ist eine oberflächliche Folgerung, die uns keineswegs zufriedenstellen kann soweit wir bestrebt sind, die Art der Landwirtschaft in einem bestimmten Zeitabschnitt zu klären.[12] Heutzutage müssen wir von den Zoologen ausführlichere Angaben erfordern als die blosse Bestimmung der Knochen je nach Art und Stückzahl

---

[11] K. Krysiak, Wartosci poznawcze badań zoologicznych dla archeologii. *Archaelogia Polski, B. 1* (1957), S. 103 ff.; M. Kubasiewicz, O metodyce badań wykopaliskowych szczątków kostnych zwierzęcych. *Materiały Zachodnio-Pomorskie, II* (1956), S. 235.

[12] Als Beleg dafür, dass nicht alle Forscher das Alter der in den verschiedenen Kulturschichten gefundenen Tierknochen berücksichtigen, kann die folgende Arbeit angeführt werden: В. И. Цалкин, К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. *МИА 107*, Москва 1962. Dort wird u. a. auch das Knochenmaterial aus der befestigten Siedlung Dignāja in Lettland behandelt, deren Hauptteil aus der La-Tène-Zeit stammt.

der Tiere. Vor allem ist es für uns von Interesse zu wissen, ob die Knochenreste von jungen oder alten Tieren stammen und ob sie normal sind oder irgendwelche pathologischen Veränderungen aufweisen. Wir bedürfen dieser und ähnlicher Einzelheiten um uns auf Grund der Knochenfunde eine Vorstellung über den Bestand der Herde bilden zu können, um zu wissen, in welchem Alter die Haustiere geschlachtet wurden u. a. m. Die Knochen alter Tiere können als Beweis dafür dienen, dass die fragliche Menschengruppe eine Auslese der Tiere, also bereits eine gewisse Viehzucht durchführte. Es ist beobachtet worden, dass Knochen geschlachteter junger Stücke am häufigsten in denjenigen Siedlungen auftreten, deren Bewohner sich nur nebenbei mit Bodenbau und Viehhaltung beschäftigten, ihren Lebensunterhalt aber vornehmlich durch Gewinnung und Verarbeitung von Rohstoffen zum Verkauf in weite Gebiete erwarben.[13] Das Schlachten junger Tiere könnte auch als Anzeichen dafür dienen, dass die Tiere als Raub- oder Kriegsbeute bzw. durch Austausch erworben waren und dass die entsprechenden Knochenfunde somit nicht den eigentlichen Bestand der Herde der betreffenden Menschengemeinschaft wiederspiegeln.

Aus diesen Gründen glauben wir, dass das bisher vorliegende archäologische Material noch nicht gestattet die Frage eindeutig zu beantworten, ob im Bereich der «Lausitzer Kultur» in Polen sowie in der Peripherie derselben — in den altpreussischen Gebieten in der Früheisenzeit dem Getreidebau das Übergewicht über die Viehhaltung zukam. Es ist aber höchst wahrscheinlich, dass bei den übrigen baltischen Stämmen, in den Flussgebieten der Memel (Nemunas) und der westlichen Düna (Daugava), die Viehhaltung von grösserer wirtschaftlicher Bedeutung als der Bodenbau war. Von Bedeutung musste, trotz der Fortentwicklung des Bodenbaus, die Viehhaltung in Altpreussen, Litauen und Lettland auch noch in der Römischen Stufe sein. Dafür sprechen nicht nur die im archäologischen Fundstoff vorkommenden Schmucksachen mit Tierattributen,[14] sondern auch Erwägungen allgemeiner Art. Es ist, wie

---

[13] Diese Tatsache ist in einer neolithischen Siedlung von Bergleuten beobachtet worden, die in dem Swiętokrzyskie-Gebirge Feuerstein förderten, vgl. Z. Podkowińska, Osada neolityczna na Gorze Gawroniec w Cmielowie, pow. Opatów. *Wiadomości Archeologiczne, XVII* (1950), S. 131.

[14] М. Х. Шмидехельм, Фибулы с бычачьей головкой первой половины I тысячелетия н. э. из Мазурского поозерья. *Swiatowit, XXIV* (1962), S. 335—341; W. Gaerte, Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg 1929, Abb. 122; W. La Baume u. W. Gronau, Das Gräberfeld von Raczki. *Altpreussen, B. V* (1941), S. 59—61.

gesagt, wahrscheinlich, dass in den vorangegangenen Zeiten bei den westbaltischen Stämmen die Viehhaltung den massgebenden Wirtschaftszweig bildete. Mit der Zeit, besonders am Ende der La-Tène-Zeit und in der Römischen Periode, begann der Getreidebau eine immer wichtigere Rolle zu spielen. Aller Wahrscheinlichkeit nach verringerte sich aber damit nicht die Bedeutung der Viehhaltung. In Anbetracht der örtlichen ökologischen Verhältnisse sowie zugleich auch des primitiven Ackergeräts konnte der Bodenbau keine so reichen Erträge liefern, dass sich ein Überschuss an Getreide für den Austausch ergeben hätte. Es ist dagegen nicht zu bezweifeln, dass in der Viehhaltung viel leichter entsprechende Überschüsse erzielt werden konnten. Die Möglichkeit, einen Überschuss zu erlangen, wurde und wird immer auch bei den rückständigen Völkern unserer Zeit sehr erstrebt, denn nur auf diesem Wege können sie von aussen die Stoffe und Erzeugnisse erhalten, an denen es ihnen selbst mangelt. Ähnlich muss sich die Sache auch im Altertum bei den westbaltischen Stämmen verhalten haben, die sich in der Spät-La-Tène- und Römischen Zeit aus verschiedenen Gegenden Europas technische Errungenschaften und Luxuserzeugnisse anzueignen vermochten.[15]

Wir dürften sogar die Behauptung wagen, dass der Getreidebau im ostbaltischen Gebiet in der Früh- und Mitteleisenzeit höchstwahrscheinlich nicht so entwickelt war, dass er den Bedarf der dortigen Bevölkerung für das ganze Jahr gedeckt hätte. Obwohl die Ergiebigkeit des Bodenbaus im Wachsen war, musste der Viehhaltung auch weiterhin eine wichtige Rolle zukommen, da sie nicht nur die Bevölkerung das Jahr hindurch mit Fleischnahrung versorgte, sondern ausserdem auch einen Überschuss abgab. Dies wird aber selbstverständlich nicht fürs ganze Gebiet der westbaltischen Völkerstämme gelten. Sowohl in Altpreussen wie in Litauen und Lettland gab es wohl örtliche Abweichungen von diesen allgemeinen Verhältnissen. Es ist sehr wahrscheinlich, dass sich dort Gegenden fanden, in denen der Getreidebau weiter fortgeschritten war, während in anderen dieser Wirtschaftszweig sich auf einer niedrigeren Entwicklungsstufe befand. Von örtlichen Besonder-

---

[15] V. Ģinters, Romas imports Latvijā. *Senatne un Māksla, 1936, II*, S. 47 ff.; J. Antoniewicz, Several imported objects from Roman and Great Migration Periode found on the Sudovian tribal territory. *Swiatowit, XXIV* (1962), S. 329 u. ff.; М. М. Михельбертас, Римский импорт в Литве. Автореферат диссертации. Вильнюс 1965, S. 1—28.

heiten der Wirtschaft zeugen z. B. die bedeutenden Unterschiede im Auftreten von Erntegerät (Sicheln und Sensen) in den verschiedenen Gegenden Litauens im 1. Jahrtausend u. Z.[16]

[16] Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai, S. 181—182; A. Tautavičius. *Acta Baltico-slavica, B. II* (1965), S. 355—356.

MÄRKUSI LÄÄNE-BALTI HÕIMUDE MAAHARIMISEST JA LOOMAPIDAMISEST VARASEL NING KESKMISEL RAUAAJAL

JERZY ANTONIEWICZ

Lühikokkuvõte

Maaharimise arengutaset väljendab kõige paremini nisu ilmumine. Otra ja hirssi, mis levisid laialdaselt palju varem kui nisu, ei või pidada küllalt iseloomulikuks näitajaks maaviljeluse taseme kohta. Kaardilt joon. 1 ilmneb, et varasel rauaajal (Hallstatti ja La-Tène'i perioodil) külvati nisu ainult Balti mere maade lõunaosas, sealhulgas lääne-balti hõimude alal, kes omandasid selle teravilja lužitsi kultuuri asukatelt. Järgmisel ajal (rooma rauaajal ja rahvasterändamise ajal), mida tähistab märgatav edu maaharimise arengus, levib nisu laialt ka Ida-Baltimaadel (joon. 2). Ei tohi aga unustada, et sellelgi perioodil kuulus majanduses endiselt tähtis koht maaharimise kõrval koduloomapidamisele. Viimast võib järeldada juba üksnes sellest, et ainult loomakasvatus võis anda mõningat ülejääki, mida oli vaja vahetuseks. Loomakasvatuse iseloomu ja karja koosseisu väljaselgitamiseks on vaja edaspidi uurida loomaluude leide üksikasjalisemalt kui seni, tuleb püüda määrata tapetud loomade vanust, neil esinenud haigusi jne.

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ И ЖИВОТНОВОДСТВЕ У ЗАПАДНОБАЛТИЙСКИХ ПЛЕМЕН В РАННЮЮ И СРЕДНЮЮ ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

ЕЖИ АНТОНЕВИЧ

Резюме

Степень развития земледелия наиболее точно характеризуется появлением культуры пшеницы. Возделывание ячменя и проса, получивших широкое распространение намного раньше пшеницы, не может считаться показательным. Из карты на рис. 1 видно, что в раннюю эпоху железа (гальштатский и латенский периоды) пшеницу сеяли только в южной Прибалтике, в том числе на территории за-

паднобалтийских племен, воспринявших эту культуру от населения лужицкой культуры. В последующее время (римский период и период переселения народов), ознаменовавшееся заметными успехами в развитии земледелия, пшеница получает распространение также у населения восточной Прибалтики (рис. 2). Не надо, однако, забывать, что и в этот период, наряду с земледелием, значительное место в хозяйстве продолжало занимать животноводство; это следует уже хотя бы из того, что лишь животноводство могло давать некоторый избыток, необходимый для обмена. Для выяснения характера животноводства и состава стада необходимо в дальнейшем исследовать костные остатки животных подробнее, чем это делалось до сих пор, следует пытаться установить возраст убиваемых животных, встречавшиеся у них болезни и т. п.

О НАХОДКАХ СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ В ЛИТВЕ

В. ДАУГУДИС

До недавнего времени мы не знали находок сетчатой керамики в Литве. Как известно, эта керамика нередко встречается в северо-восточных районах Прибалтики, основной же территорией ее распространения является область дьяковской культуры, где она встречается уже с середины II тысячелетия до н. э. и продолжает бытовать вплоть до первых веков н. э.[1]

В результате произведенных в последние годы раскопок в Литве также было найдено в двух разновременных памятниках небольшое количество сетчатой керамики.

Ранняя сетчатая керамика обнаружена близ города Каунаса в неолитическом поселении Эйгуляй *D* I[2] (среди небольшого комплекса стоянок каменного века). Поселение *D* I расположено на песчаном холме, южнее поселения В.[3] Здесь в 1957 году была раскопана площадь в 60 м^2 и обнаружены два разновременных культурных слоя. В нижнем слое, коричневого цвета, были найдены два очага и несколько кремневых изделий свидерского типа. В верхнем слое, отличавшемся коричневато-сероватым оттенком, был вскрыт один очаг и обнаружены следы небольшой ямы. В этом слое найдено небольшое количество обломков сетчатой керамики (табл I: 1—5) и несколько кремневых предметов: ланцетовидный наконечник стрелы, микрорезец, прямой, хорошо обработанный скребок, несколько отщепов. Кроме сетчатой керамики, там были найдены в небольшом количестве об-

---

[1] См. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена. Москва 1953, стр. 94; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин 1956, стр. 81—84.

[2] Отчеты о раскопках и добытый материал хранятся в Каунасском историческом музее. См. Р. Яблонските-Римантене, Стоянки каменного века Эйгуляй. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, 1. Москва 1959, стр. 11—31.

[3] Яблонските-Римантене, стр. 11, рис. 1.

ломки сосудов со слабо штрихованной поверхностью. Следует отметить, что слабые штрихи прослеживаются и на некоторых обломках сетчатой керамики. Обломки сетчатой посуды имеют либо темно-серый, либо красновато-желтый цвет, они содержат много примеси дресвы и отличаются сравнительно плохим обжигом. Толщина стенок составляет 0,7—0,8 см. Восстановить формы сосудов сохранившиеся обломки, к сожалению, не позволяют.

Р. Римантене датирует данное поселение на основании его инвентаря и топографии началом второй половины II тысячелетия до н. э. и считает появление в нем сетчатой керамики результатом экзогамных связей.[4]

Поздняя сетчатая керамика была найдена на городище Аукштадварис, расположенном недалеко от одноименного местечка, примерно в 60 км западнее города Вильнюса. Раскопки, произведенные в 1957—1960 годах, показали, что это укрепление существовало со 2 века до н. э. вплоть до 15—17 веков н. э.[5]

Обломки сосудов с сетчатой поверхностью были найдены среди остатков длинной постройки столбовой конструкции, расположенной у края юго-западной части площадки городища, в слое первой половины I тысячелетия н. э. Кроме обломков сетчатой посуды, в том же слое была найдена в небольшом количестве черная лощеная керамика и значительное количество керамики со штрихованной поверхностью. Из остальных находок упомянем несколько железных серповидных ножей, булавки посоховидного и других типов и часть дьяковского грузика.

Всего на городище Аукштадварис было найдено лишь 5 обломков сетчатой посуды (табл. I : 6—10). Один из обломков сохранил часть днища, судя по которому диаметр днища сосуда составлял около 12 см. Остальные обломки являются лишь небольшими частями стенок и не позволяют восстановить форму сосудов.

Найденные обломки имеют желтый, либо коричневатый цвет. По обжигу и качеству эта керамика заметно лучше эйгуляйской. Стенки, толщиной около 0,7 см, содержат в небольшом количестве песок. По своему качеству данная керамика походит на желтую керамику, близкую по форме сосудов черной лощеной посуде, в небольшом количестве

---

[4] R. Rimantienė, Akmens ir žalvario amžiaus gyvenviečių periodizacija ir topografija Lietuvos teritorijoje. Рукописная кандидатская диссертация. Вильнюс 1962, стр. 330.

[5] V. Daugudis, Aukštadvario piliakalnio įtvirtinimai ir pastatai. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, I (2)*, 1962, стр. 43—69.

встречающейся в поселениях Литвы, особенно в I тысячелетии н. э. Судя по отдельным из найденных нами обломков, отпечатки тонкой сетки на некоторых сосудах сосредоточивались, главным образом, в нижней их части. Подобное явление, как известно, наблюдается иногда и на лужицкой глиняной посуде.[6] В областях, расположенных к северу и северо-востоку от территории Литвы, сетчатая керамика имеет иной характер. Там сосуды обычно бывают сравнительно плохого обжига и имеют более толстые стенки, содержащие крупную дресву.

В качестве более близкой аналогии аукштадварской сетчатой керамике можно назвать обломок сосуда, найденный на соседней территории Польской Народной Республики, на селище городища Езёрко, в слое раннего железного века.[7]

В нашем распоряжении имеется пока слишком мало материала для решения вопроса о происхождении сетчатой керамики, найденной на территории Литвы. Тот факт, что эта керамика по своему качеству близка к некоторым видам местной керамики, позволяет предположить, что она изготовлена на месте. Кроме того, имея в виду отдаленность как польского памятника Езёрко, так и области распространения дьяковских памятников, было бы трудно объяснить появление данного типа керамики в пределах Литвы либо экзогамными связями, либо культурными влияниями. Поэтому у автора возникла мысль, что среди балтских племен вплоть до первых веков нашей эры, возможно, существовали небольшие островки финно-угорского населения, от которых сетчатая керамика и могла проникнуть в Езёрко, Аукштадварис и другие места. Это предположение, конечно, является пока лишь рабочей гипотезой, проверить которую помогут только будущие раскопки древних поселений в Литве и на смежных территориях.

---

[6] F. Dąbrowski, Dwa cmentarzyska kultury łużyckiej w Zeńboku, pow. Ciechanów. *Materiały starożytne, III,* Warszawa 1958, табл. XXIII:1,4; XXIV:8 и др.; J. Kostrzewski, Wielkopolska w pradziejach. Warszawa-Wrocław 1955, стр. 83, рис. 171, 175.

[7] J. Antoniewicz i J. Okulicz, Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w latach 1951—1954 w Jeziorku, pow. Giżycko. *Materiały starożytne, III,* Warszawa 1958, стр. 29.

TEKSTIILKERAAMIKA LEIDUDEST LEEDUS

V. DAUGUDIS

Lühikokkuvõte

Alles hiljuti ei olnud Leedust teada tekstiilkeraamika leide. Viimastel aastatel korraldatud ulatuslike kaevamistega on nüüd nende esinemine kindlaks tehtud kahes kohas. Vanemast, II aastatuhande esimesse poolde e. m. a. kuuluvast tekstiilkeraamikast leiti mõned killud (tahv. I : 1—5) Kaunase külje all paiknevast neoliitilisest asulast Eiguliai D I. Mõned hilisema tekstiilkeraamika killud (tahv. I : 6—10) leiti m. a. I aastatuhande esimesest poolest pärineva eluhoone jäänuste seas Aukštadvarise linnamäel, mis asub ligikaudu 60 km Vilniusest lääne pool. Kuna seda laadi keraamikat esineb peamiselt soome-ugri hõimude asumisalal, püstitab autor esialgse tööhüpoteesina oletuse, et kuni m. a. I aastatuhandeni võis Leedus leiduda väikeste saarekestena soome-ugri rahvaste esindajaid.

ÜBER DIE FUNDE VON TEXTILKERAMIK IN LITAUEN

V. DAUGUDIS

Zusammenfassung

Bis vor kurzem waren keine Funde von Textilkeramik aus Litauen bekannt. Durch die in den letzten Jahren ausgeführten umfangreichen Grabungen ist nun ihr Vorkommen an zwei Orten festgestellt worden. Von den älteren, der ersten Hälfte des 2. Jahrtausends v. u. Z. angehörenden Textilkeramik wurden einige Scherben (Taf. I : 1—5) unweit der Stadt Kaunas in der neolithischen Siedlung Eiguliai D I angetroffen. Einige Bruchstücke einer jüngeren Art dieser Keramik (Taf. I : 6—10) fanden sich unter den Überresten eines aus der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. herrührenden Wohnbaus auf dem Burgberge Aukštadvaris, der etwa 60 km westlich der Stadt Vilnius liegt. Da diese Gattung von Tonware vornehmlich in den von den finnisch-ugrischen Stämmen besiedelten Gebieten angetroffen wird, spricht Verf. als vorläufige Arbeitshypothese die Vermutung aus, dass es in Litauen bis ins 1. Jahrtausend u. Z. kleine, inselartige Reste einer finnischen Bevölkerung gegeben haben könnte.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МОГИЛЬНИКОВ С КАМЕННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ

Я. Я. ГРАУДОНИС

В эпоху поздней бронзы и раннего железа для территории центральной и восточной Латвии характерны курганные могильники с захоронениями в каменных ящиках. По своему характеру эти памятники, однако, неоднородны.[1]

Э. Штурмс в центральной и восточной частях Латвии различал четыре группы могильников с каменными ящиками[2]: 1) Екабпилсскую группу, датируемую II/III—IV периодами эпохи бронзы, 2) Саласпилсскую группу — II/III—V периодов бронзы, 3) Гауенскую группу — V периода бронзы и 4) Лимбажи-Виранескую группу — конца эпохи бронзы и раннего железного века. Гауенскую группу он считал памятниками балтского населения, остальные приписывал финской этнической группе. Происхождение и этническую принадлежность отдельных групп памятников Э. Штурмс объясняет проникновением с востока волн финских элементов на рубеже II и I тысячелетий и около 600 лет до н. э., а также распространением балтов с юга в нижнее течение р. Гауи около 500 лет до н. э.

Л. Ванкина на той же территории выделяет: 1) курганные могильники — а) с каменными ящиками и б) с каменными кладками и 2) грунтовые могильники с ящикообразными каменными кладками.[3] Каменные курганы с каменными ящи-

---

[1] R. Hausmann, Steinreihengräber und Hügelgräber. *Sb. GEG 1891*, Dorpat 1892, стр. 89 и сл.; L. Schroeder, Die archäologische Exkursion des Sommers 1889 (vom 22. Juli bis 3. August 1889 im Verein mit Prof. G. Loeschcke und R. Hausmann ausgeführt). *Sb. GEG 1894*, Dorpat 1895, стр. 133; H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I. Teil, Die Funde. *Verh. GEG XXV*, Tartu 1929, стр. 4—15, 184—186.

[2] Ed. Šturms, Die Steinkistengräberkulturen Nordlettlands. *Acta Instituti Baltici, 1*, Hamburg 1950.

[3] Л. В. Ванкина, Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. *КСИИМК* XLII, Москва 1952.

ками к северу от Даугавы она считает памятниками финской этнической группы, грунтовые могильники к югу от р. Даугавы — принадлежащими балтским племенам.

После выхода в свет работы М. Шмидехельм о памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа в Эстонии[4] назрела необходимость пересмотреть также материалы, относящиеся к памятникам этой эпохи на территории Латвии. Пересмотр накопившихся материалов может в какой-то мере способствовать уяснению вопросов хронологии и этнической принадлежности рассматриваемых памятников.

Могильники эпохи поздней бронзы и раннего железа в центральной и восточной Латвии подразделяются на *грунтовые* и *курганные*.[5] Грунтовые могильники с подпочвенными каменными конструкциями[6] обнаружены на левом берегу Даугавы в Екабпилсском районе на Раганукалнс, в Пормали и Леясдопелес, а также в Баускском районе в бассейне реки Лиелупе у Зиедоньской школы, Леяскрогс и в других местностях (рис. I : 1). Эти могильники, очевидно, можно связать с погребениями в каменных ящиках, которые во второй половине эпохи бронзы бытовали во всей Прибалтике, в северной Польше, в Финляндии и на других территориях. Однако рассматриваемые южнолатвийские погребения представляют собой локальную группу могильников этого типа. За пределами Латвийской ССР аналогиями им, по-видимому, могут считаться грунтовые могильники в бассейне реки Немана у Ланкишки[7] и, возможно, погребения в Павейсникай[8] на юго-западе Литвы. Сходство форм древнейших бескурганных погребений в ящикообразных кладках, либо в обложенных небольшими камнями могилах, либо с камнями в изголовье и в ногах покойного, с одной стороны, и позднейших погребений Резнесского и Калниеш-

---

[4] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин 1955.

[5] Полное описание всех известных памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Латвии дается автором этой статьи в исследовании, которое находится в печати.

[6] V. Ģinters, Beiträge zur vorrömischen Eisenzeit Lettlands. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae 19.—23. VIII 1930, Rigae 1931, табл. I и II; его же, Kādas nezināmas senas kultūras pēdas Lielupes krastos. *Senatne un Māksla, 1940, I*, рис. 4—10.

[7] ЛОИА ф. I, дело 239/1915; W. Szukiewicz, Cmentarzysko szkieletowo w Łankiszkach. *Przegląd Archeologiczne, II* (1921).

[8] P. Kulikauskas, Jotvingiu pėdsakais. *Mokslas ir Gyvenimas, 1965, 3*, стр. 30—31. См. также статью П. Куликаускаса в настоящем сборнике.

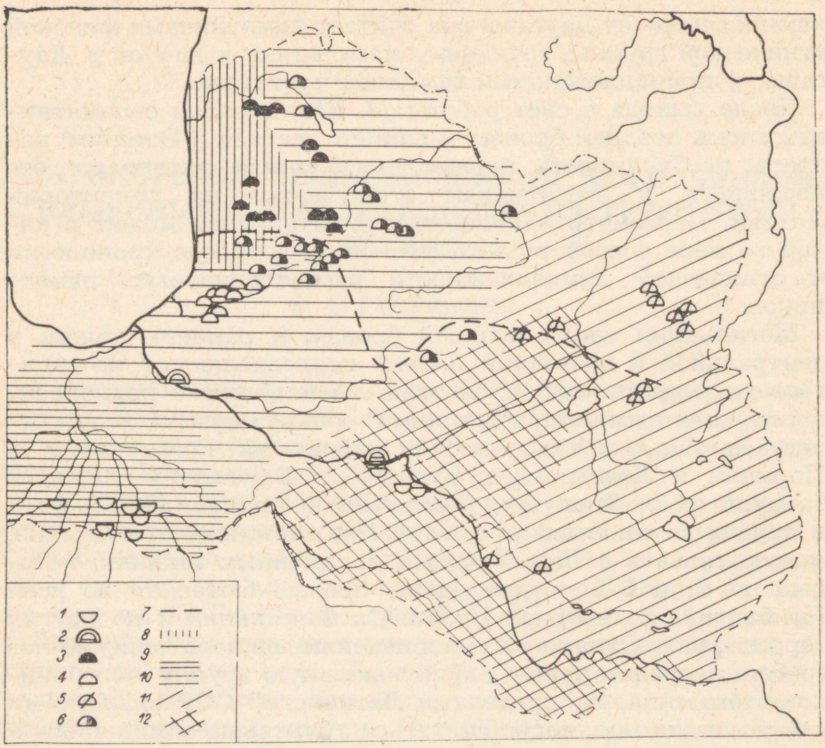


Рис. 1. Распространение могильников с каменными конструкциями в Латвии.

1 — могилы с подпочвенными конструкциями; 2 — курганы с многоярусными погребениями; 3 — каменные курганы с ящиками; 4 — Гауенские песчаные курганы с ящиками; 5 — восточнолатвийские песчаные курганы; 6 — курганы с ящиками в центральной Видземе. 7 — контактная зона областей распространения каменных могильников с оградками и балтских курганных могильников 2—4 веков н. э.; 8 — территория распространения ливского диалекта латышского языка, 9 — среднего диалекта, включающего земгальский говор (10) и 11 — аугземского диалекта, включающего селский говор (12).

ского курганных могильников[9] — с другой, позволяет датировать названные грунтовые погребения концом эпохи бронзы. Железная пластинка из могильника у Зиедоньской шко-

[9] J. Graudonis, Reznu kapulauks. *Arheoloģija un etnografija, III*, Rīgā 1961, рис. 20 (ящики VI, VII, X), 21; L. Vankina, Kalniešu pirmais kapulauks. LPSR Vēstures muzeja raksti. Arheoloģija. Rīgā 1962, рис. 25, 26; стр. 12—14.

лы свидетельствует о том, что могильники этого типа бытовали также в эпоху раннего железа.[10]

Среди других могильников выделяются курганы с многоярусными погребениями в Калниеши Екабпилсского района и в Резнес Рижского района (рис. 1 : 2).[11] Бескаменные трупоположения и трупосожжения и более поздние трупосожжения и трупоположения в каменных ящиках расположены в курганах в большинстве случаев радиально. Насыпь курганов нарастала постепенно, по мере увеличения числа захоронений.[12] Эти погребальные памятники, единственные в своем роде в Восточной Прибалтике, относятся к последней четверти II и первой половине I тысячелетия до н. э.[13] Могильники подобного рода известны только на территории западнобалтских племен в нынешней Калининградской области.[14]

Особую группу памятников образуют каменные курганы с ящиками в северо-западной Видземе, встречающиеся в Валмиерском районе Лимбажу Буллюмуйжа, в Катвару Айшены, у оз. Баужу и в др. местностях (рис. 1 : 3).[15] Для этих курганов[16] характерны каменные венцы из крупных валунов у подножия насыпи, каменные конструкции в центре кургана (на материке), засыпки могильных конструкций песком без камней, но с включением мелких угольков и, наконец, мощный и плотный каменный покров насыпи.[17] Трупоположения или, позднее, трупосожжения (от 1 до 8 под одним курганом) помещены в ящики, аккуратно сложенные из крупных валунов. Ящики обычно имеют

---

[10] В. Гинтер грунтовые могильники датировал ранним железным веком (Ģinters, Beiträge zur vorrömischen Eisenzeit, стр. 157), Э. Штурмс — II/III—IV периодами эпохи бронзы (Šturms, Die Steinkistengräberkulturen Nordlettlands, стр. 9).

[11] Ed. Šturms, Pirmās bronzas laikmeta kapenes Latvijā. *Senatne un Māksla, 1936, I;* Graudonis, Reznu kapulauks; Vankina, Kalniešu pirmais kapulauks.

[12] Vankina, Kalniešu pirmais kapulauks, стр. 7—8, рис. 13, 14; Graudonis, Reznu kapulauks, рис. 20, 22.

[13] Graudonis, Reznu kapulauks, табл. I, стр. 26, 28; Vankina, Kalniešu pirmais kapulauks, рис. 37, 38, стр. 22.

[14] C. Engel, Aus ostpreussischer Vorzeit. Königsberg 1935, стр. 77.

[15] Moora, Die Eisenzeit in Lettland I, стр. 4—8; Ванкина, Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры, рис. 23, стр. 70.

[16] V. Ģinters, Die Steinkistenhügelgräber von Bullu muiža. Congressus Secundus, стр. 423 и сл. Раскопки Буллюмуйжского могильника, произведенные в 1965 г. под руководством автора, позволили создать довольно полное представление об устройстве курганов.

[17] Эту группу памятников в Латвии было бы наиболее правильным охарактеризовать как курганы с каменным покровом.

вымощенное дно, а иногда покрытие из больших плит; ящики заполнены песком и слоем мелких камней. Захоронения обычно ориентированы с севера на юг. На основании вещевых находок[18], а также полного сходства с аналогичными могильниками в Эстонии[19] эти памятники датируются концом эпохи бронзы и ранним железным веком.

От описанных памятников резко отличаются курганы, расположенные по одному или небольшими группами по песчаным берегам долины реки Гауя примерно от Вангажи до Сигулды (рис. 1 : 4). К этой группе, впервые выделенной Э. Штурмсом, относятся, например, курганы в Рижском районе у Клинтсдзирнавас, у Вилетаи и Плитес Сейского сельсовета, у Вангажского кладбища и др. Эти курганы насыпаны из песка и опоясаны у основания венцом из небольших камней. Под насыпью находятся ориентированные с запада на восток каменные ящики с трупоположениями или трупосожжениями. Встречаются, впрочем, курганы и без каменных могильных конструкций.[20] Судя по наконечнику бронзового втульчатого копья, найденному в подобном кургане близ Клинтсдзирнавас[21], курганы этого типа появляются в конце эпохи бронзы, но часть из них, по всей вероятности, может датироваться и эпохой раннего железа.

Для рассматриваемого периода в восточной Латвии, например, в Варкавас Гаваришки, Пунтузисе и других местностях (рис. 1 : 5), характерны песчаные курганы, покрывающие одиночные захоронения в простых каменных конструкциях (обрамление отдельных могил небольшими камнями, каменные вымостки, ряды камней или отдельные камни) или без таковых; в этих курганах наблюдаются сильные следы ритуальных кострищ. Янтарная пуговица из 6-го кургана Пунтузисского могильника позволяет датировать эти могильники концом эпохи бронзы и ранним железным веком.

Особо следует, наконец, назвать курганы с каменными ящиками у Калнамежини Драбежского сельсовета и Кайкуни Косаского сельсовета Цесисского района, в Граши Мадонского района и в других местностях центральной Видземе

---

[18] Ģ i n t e r s, Die Steinkistenhügelgräber von Bu||u muiža, табл. VIII; M o o r a, Die Eisenzeit in Lettland I, табл. 1:2—4.

[19] Ш м и д е х е л ь м, стр. 18 и сл.

[20] M o o r a, Die Eisenzeit in Lettland I, стр. 184—185; Š t u r m s, Die Steinkistengräberkulturen Nordlettlands, стр. 3—6.

[21] E d. Š t u r m s, Die bronzezeitlichen Funde in Lettland. Congressus Secundus, стр. 107, № 10, табл. 11 : 4.

(рис. 1 : 6).[22] Насыпь этих курганов состоит из песка, иногда с включением камней, однако сплошного каменного покрова она не имеет. Каменные ящики сложены довольно аккуратно, иногда они имеют вымощенное дно. Данных для более полной характеристики этих могильников мы пока не имеем, но ряд вскрытых ящиков позволяет отнести их к периоду до начала или, возможно, к самому началу нашей эры.

Важно отметить, что захоронения с камнями у изголовья и в ногах погребенного обнаружены как в Раганукалнсе, так и в Калниешском I курганном могильнике; простое (ящикообразное) каменное обрамление могилы наблюдается и в грунтовых могильниках, и в курганах с многоярусными погребениями, а также в Пунтузисских курганах.

Этническую принадлежность выделенных нами групп памятников Латвии нельзя объяснить иммиграцией финских или балтских этнических групп. Э. Штурмс не привел для обоснования построенной им соответствующей теории по существу никаких доказательств.[23] Непосредственная генетическая связь курганов с каменным покровом в северо-западной Видземе с каменными могильниками с оградками, характерными для первой половины I тысячелетия н. э., не оставляет сомнения в принадлежности этих курганов финским племенам.[24] Грунтовые могильники и курганы с многоярусными захоронениями[25], а также курганные могильники Гауенской группы[26], как на основании аналогии погребальных обрядов с соответствующей обрядностью западнобалтийских племен, так и по характеру обнаруженных в этих могильниках находок, исследователи считают памятниками балтских племен. Пунтузисские и Гаваришские курганы по своему

---

[22] Sb. Riga 1913, Riga 1914, стр. 228; Архив Музея истории Латвийской ССР.

[23] См. Graudonis, Reznu kapulauks, стр. 33—34. Против теории инвазий и вторжений в конце II и в I тысячелетии до н. э. говорят археологические материалы более обширных областей. См. Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен *СА 1958 № 2*, стр. 20; П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена. Москва 1953, стр. 41 C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. *SMYLA 54*, Helsinki 1954, стр. 196.

[24] H. Moora, Pirmatnēja kopienas iēkarta un agrā feodālā sabiedriba Latvijas PSR teritorijā. Rigā 1952, стр. 63; Шмидехельм, стр. 18 и сл.

[25] Моора, О древней территории, стр. 23; Graudonis, Reznu kapulauks, стр. 33—34; Vankina, Kalniešu pirmais kapulauks, стр. 26.

[26] Šturms, Die Steinkistengräberkulturen Nordlettlands, стр. 91 и сл.; Моора, О древней территории, стр. 23, примеч. 46; Ванкина, Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры, стр. 75.

устройству и погребальному обряду (одиночные захоронения под насыпью) близки могильникам Гауенской группы. Характер погребального обряда сближает их и с Раганукалнским могильником, для которого характерны ящикообразные кладки и могилы без камней. Поэтому Пунтузисский и Гавариишский могильники следует отнести к памятникам балтской этнической группы. В этих могильниках обнаружены, однако, и захоронения на каменных вымостках, подобные которым вскрыты в Буллюмуйжском, Салениекском (Резекненский район) и Рийниекском (Балвский район) могильниках. Возможно, что эти вымостки являются результатом влияния финских племен, у которых каменные могильные сооружения более распространены.

Принадлежность разных групп памятников названным племенам подтверждается и некоторыми другими соображениями.

Каменные могильные конструкции, подобные найденным в грунтовых могильниках, а также в Пунтузисских курганах, встречаются также в латвийских погребальных памятниках первой половины I тысячелетия, например, в Стинкас[27], Иле[28], в Рубас Русиши[29]. Напомним, что и обычай класть камни по бокам или у изголовья покойного сохраняется в I тысячелетии н. э.[30] Таким образом, в погребальных обычаях между названными памятниками первой половины I тысячелетия н. э. и соответствующими памятниками предыдущего периода в южной и центральной Латвии прослеживается известная генетическая связь. О генетической связи грунтовых могильников с погребениями первой половины I тысячелетия н. э., по всей вероятности, свидетельствует и то, что в бассейне реки Лиелупе в этот период наряду с курганными сохраняются и бескурганные могильники.

Э. Штурмс считает отсутствие каменных конструкций в некоторых курганах Гауенской группы (а также в Пунтузисском могильнике — Я. Гр.) результатом закономерного развития от более ранних погребальных обрядов к более поздним, для которых каменные могильные конструкции уже не характерны. В начале нашей эры курганные могиль-

---

27 Moora, Die Eisenzeit in Lettland I, №. 180, стр. 146.

28 Там же, № 47, стр. 54.

29 P. Stepiņš, Senkapi «Liepu kalnā» Rubas pag. Rūsīšos — Debešos, Jelgavas apr. *Senatne un Māksla, 1939, I*, рис. 5.

30 Л. Ванкина, Археологические раскопки Бокского могильника в 1961 г. Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посв. итогам арх. и этн. экспедиций 1961 года. Рига 1962, стр. 46.

ники без четко выраженных каменных могильных конструкций характерны именно для балтских племен восточной Латвии. Таким образом, можно проследить некоторые генетические связи курганных погребальных памятников начала нашей эры и более ранних могильников.

Небезынтересно отметить, что области распространения выделенных выше шести групп могильников совпадают, в общем, с территориями распространения диалектов латышского языка (рис. 1).[31] Область распространения курганов с каменным покровом совпадает с ареалом ливского диалекта в северо-западной Видземе (рис. 1 : 3,8). Западная часть грунтовых могильников, относительно самый ранний Резнесский могильник и курганы Гауенской группы и средней Видземе распространены в зоне среднего диалекта, причем первые расположены в области распространения земгальских говоров (рис. 1 : 1,10), а последние в области видземских говоров среднего диалекта (рис. 1 : 2, 4, 9). Остальные могильники находятся в области распространения аугшземского диалекта (рис. 1 : 11). Пунтузисский и Раганукалнский могильники расположены в области распространения селских говоров (рис. 1 : 12).[32]

Генетическая связь памятников северо-западной Видземе от эпохи поздней бронзы до середины I тысячелетия н. э. свидетельствует о том, что данная территория в течение длительного периода имела финское население. В южной Видземе и Латгале, а также южнее Даугавы в это время обитали балты. Локальные варианты погребальных памятников на территории, занятой балтской этнической группой, могут служить признаком того, что начало формирования тех племенных групп, которые выделяются наиболее характерными чертами материальной и духовной культуры во 2—4 веках н. э., восходит уже к предыдущему периоду.

Надо, однако, признать, что материалы, которыми мы располагаем, еще недостаточны для вполне удовлетворительного решения вопроса об этническом составе населения северной Видземе и Латгале. Если курганные могильники по своему устройству близки балтским могильникам, то другие памятники, в том числе поселения конца I тысячелетия до

---

[31] M. Rudzīte, Latviešu dialektoloģija. Rīgā 1964, карта на стр. 408—409.

[32] Rudzīte; К. Я. Анцитис, А. Я. Янсон, Некоторые вопросы этнической истории древних селов. *Советская этнография, 1962, № 6,* рис. 1.

н. э. и начала нашей эры (Калнапиляс в Цесисском районе, Кивты в Лудзенском районе и др.), а также появляющиеся во 2—3 веках н. э. на этой территории могильники с каменными оградками[33] носят финский характер.

---

[33] Moora, Pirmatnējā kopienas iēkarta, рис. 43.

LĀTI KIVIKONSTRUKTSIOONIGA KALMETE ETNILISEST KUULUVUSEST

J. GRAUDONIS

Lühikokkuvõte

Autor eristab pronksi- ja varasest rauaajast pärinevate laiba- ja põletusmatustega kalmete seas järgmisi kohalikke rühmi. 1. Maa-alused kalmistud kivipiiretega Väina (Daugava) ja Lielupe piirkonnas (joon. 1 : 1). 2. Kääbaskalmed mitmekorruseliste matustega Väina ääres (joon. 1 : 2). 3. Kividest ja mullast kuhjatud kääbaskalmed kivikirstudega Limbaži ümbruskonnas (joon. 1 : 3). 4. Liivast kuhjatud kääbaskalmed kivikirstudega Koiva (Gauja) ääres Vangaži ja Sigulda vahel (joon. 1 : 4). 5. Ida-Läti liivast kuhjatud kääpad (joon. 1 : 5) matustega kirstulaadsetes kivipiiretes, kiviridade või üksikute kividega maetute juures. 6. Liivast, mõnikord liivast ja kividest kuhjatud kääbaskalmed kivikirstudega Cēsise ja Madona piirkonnas (joon. 1 : 6). Leiumaterjalis, erinevate kalmerühmade ehituses ja matmisviisis täheldatavate välisühenduste kui ka iga rühma kääbaste geneetilise seose põhjal m. a. I aastatuhande esimesel poolel esinevate kalmetüüpidega omistab autor 3. rühma kalmed läänemeresoome hõimudele, 1., 2., 4. ja 5. rühma — balti hõimudele. 6. rühma kuuluvus jääb lahtiseks.

ÜBER DIE ETHNISCHE ZUGEHÖRIGKEIT DER GRÄBER MIT STEINKONSTRUKTIONEN IN LETTLAND

J. GRAUDONIS

Zusammenfassung

Verf. unterscheidet unter den aus der Bronze- und frühen Eisenzeit stammenden Gräbern mit Körper- und Brandbestattungen folgende örtliche Gruppen: 1. Flachgräber mit aus Steinen gesetzten Einfassungen im Gebiet der Daugava (Düna) und Lielupe (Abb. 1 : 1). 2. Hügelgräber mit mehrstöckigen Bestattungen an der Daugava (Abb. 1 : 2). 3. Aus Steinen und Erde aufgeführte Hügelgräber mit Steinkisten in der Umgebung von Limbaži (Abb. 1 : 3). 4. Aus Sand aufgeschüttete Hügelgräber mit Steinkisten an der Gauja zwischen Vangaži und Sigulda (Abb. 1 : 4). 5. Ostlettische Sandhügelgräber (Abb. 1 : 5) mit Bestattungen in kistenartigen Steinfassungen oder mit Steinreihen oder einzelnen Steinen bei den Bestatten. 6. Die aus Sand, manchmal aus Sand und Steinen aufgeführten Hügelgräber in den Gebieten von Cēsis und

Madona mit Steinkisten (Abb. 1 : 6). Auf Grund der Art des Fundstoffs, der im Aufbau und in der Bestattungsweise der verschiedenen Gruppen zu beobachtenden Aussenverbindungen sowie der genetischen Zusammenhänge der Gräber jeder Gruppe mit den Grabformen der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. weist Verf. die 3. Gruppe den finnischen Stämmen, die Gruppen 1, 2, 4 und 5 den baltischen Stämmen zu. Die Zugehörigkeit der 6. Gruppe bleibt offen.

TRU Raamatukogu

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИМПОРТ В ПОНЕМАНЬЕ В 10—13 ВВ.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

Проникновение славянского населения в Понеманье к концу I и началу II тысячелетия н. э. завершается возникновением ряда древнерусских городов. Во второй половине 10 века зарождается жизнь в Новогрудке.[1] Археологические материалы Волковыска указывают на то, что город здесь был уже в 11 в.[2] К концу 11 в. относится древнейший поселок в Гродно.[3] Вероятно, к этому же времени относятся ранние поселения в Слониме[4] и Турийске[5]. Города обрастают сельскими поселениями, от которых сохранились как собственно селища, так и ряд курганных могильников.[6]

В культуре древнерусских городов Понеманья, а также и в сельских поселениях этой территории прослеживаются определенные связи с соседней Прибалтикой, одним из проявлений которых являются изделия прибалтийского происхождения. Основными материалами, которыми мы располагаем, являются данные Новогрудка, раскапываемого автором с 1956 года.

Традиционным предметом экспорта для Прибалтики с глубокой древности служил янтарь. В Понеманье ввозились, преимущественно, необработанные куски янтаря. Так, в Новогрудке найдено около 30 кусков янтаря и лишь шесть готовых изделий из него. Ассортимент готовых изделий из янтаря представлен зонной и биконической бусами и узкими

---

[1] Ф. Д. Гуревич, Об окольном городе летописного Новгородка. *СА 1962, № 1,* стр. 25.

[2] В. Р. Тарасенко, Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. *Материалы по археологии БССР, I,* Минск 1957, стр. 267.

[3] Н. Н. Воронин, Древнее Гродно. *МИА 41,* Москва 1954, стр. 45.

[4] Раскапывается Г. И. Пехом. Материал хранится в Слонимском музее.

[5] Раскапывается К. Т. Ковальской. Материалы хранятся в Гродненском историко-археологическом музее.

[6] Ф. Д. Гуревич, Древности Белорусского Понеманья. Москва—Ленинград 1962, стр. 84—111.

перстнями, один из которых с расширяющимся щитком.[7] В Волковыске во время раскопок в 1954 году встречено 36 кусков необработанного янтаря. Готовых изделий встречено всего пять (бусины, нательный крестик и обломок перстня).[8] Отдельные изделия из янтаря встречены в Гродно.[9] Преобладание необработанных кусков янтаря над готовыми изделиями отмечается и в городах Латвии (Даугмале, Рига).[10]

Характерная особенность прибалтийского янтаря, который обменивался в необработанном виде, была отмечена еще в 1 в. н. э. Тацитом. «Сами же они (жители Прибалтики — *Ф. Г.*) его (янтарь) не употребляют. Собирается он в грубом виде и приносится (на рынок) без всякой отделки и они получают за него плату с удивлением».[11] При наших раскопках городища Грачевки в Калининградской области, расположенного вблизи янтарного берега, в слоях до 5 в. н. э. найдено свыше 500 кусков янтаря и лишь единичные заготовки и готовые изделия из него.[12] Судя по материалам Новогрудка, в 10—11 вв. янтарь поступал менее интенсивно, чем в 12—13 вв. — время, к которому относится основная его масса. Правда, в Новогрудке это может объясняться и тем обстоятельством, что в 12—13 вв. в окольном городе, откуда происходит основная масса археологического материала, жила почти исключительно зажиточная прослойка древнерусского города.[13]

Поставщиками янтаря в Понеманье могли быть древние пруссы, в землях которых было богатое месторождение этого материала, а возможно и курши, жившие на восточном берегу Балтийского моря, где издавна собирали янтарь. Более определенный ответ зависит от установления различий химического состава янтаря, происходящего из отдельных областей Балтийского побережья.

Кроме янтаря, весь остальной прибалтийский импорт в Понеманье представлен готовыми изделиями. Как обычно, среди привозных изделий преобладают украшения и предметы убора. Наиболее популярными изделиями являются некоторые виды подковообразных пряжек из цветного метал-

---

[7] Хранится в ЛОИА.

[8] Тарасенко, стр. 272.

[9] Воронин, рис. 31 : 12.

[10] Э. С. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига 1965, стр. 60.

[11] Древние германцы. Сборник под ред. А. Д. Удальцова. Москва 1937, стр. 80—81.

[12] Ф. Д. Гуревич, Из истории юго-восточной Прибалтики. *МИА 76*, Москва—Ленинград 1960, стр. 351.

[13] Гуревич, Об окольном городе, стр. 25.

ла. Чаще всего это пряжки (диам. 3—5 см) с округлой и треугольной в сечении дужкой и со спирально загнутыми концами. В Новогрудке, преимущественно в слоях 10—11 вв., найдено пять экземпляров бронзовых пряжек этого типа. Такие же пряжки найдены в Гродно, как в древнейшем поселке конца 11 в., так и в слоях 12—13 вв. Укажем также бронзовые пряжки со спирально загнутыми концами в могильнике Городиловка вблизи Новогрудка и в могильнике Навры.[14] Восходящие к прибалтийским украшениям 7—8 вв. подковообразные пряжки со спиральными концами прочно внедряются в обиход древнерусского населения Понеманья, довольно рано воспроизводящего формы этих украшений в виде железных изделий. Железные пряжки со спиральными концами найдены в одном из курганов могильника Городиловка вместе с бронзовой пряжкой такой же формы.[15] В самом Новогрудке насчитывается около 10 таких пряжек из железа (диам. 5—6 см), которые также были изготовлены самими древнерусскими мастерами. Новогрудские ювелиры, как можно судить по незавершенному экземпляру, стремятся воспроизвести подковообразные пряжки этого типа и в бронзе. Привозными изделиями в Новогрудке можно считать лишь две бронзовые пряжки со спирально загнутыми концами (табл. II : 1), которые относятся к 10—11 вв. — начальному периоду в истории города.

Подковообразные пряжки со спирально загнутыми головками в виде массовых украшений встречаются в могильниках Литвы и Латвии. Так, в одном лишь Нукшинском могильнике найдено 187 таких пряжек.[16] Подковообразные пряжки со спиральными головками проникают не только в древнерусские памятники Понеманья. Они широко внедряются вообще на всей территории северо-запада[17] и очень

---

[14] Воронин, рис. 16:9, 31:5; E. Cehak-Holubowiczowa, Material i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego kolo wsi Nawry w pow. Postawskim. *Rocznik archeologiczny*, Wilno 1937, табл. IV:9, 10.

[15] Гуревич, Древности, рис. 60 : 9,12.

[16] P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius 1961, стр 476; Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд, Нукшинский могильник. *Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I*, Рига 1957, стр. 35.

[17] А. А. Спицын, 1) Курганы С.-Петербургской губернии. МАР 20, С.-Петербург 1896, табл. IX : 9, 11; 2) Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. *МАР 29*, С.-Петербург 1903, табл. XXII : 3, 4; А. Н. Лаўданскі, Археалогічныя раскопкі у м. Заслаў Менской акругі. Праці матерялаў археалогічнай катэдры инстытуту Беларускай культуры. Минск 1928, табл. II : 7, III : 6. М. В. Седова, Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). *МИА 65*, Москва 1959, рис. 6 : 12.

скоро становятся изделиями, которые производятся самим местным населением.

Одним из вариантов подковообразных пряжек являются пряжки с отогнутыми концами. В Понеманье они встречены в Гродно. Здесь известны две пряжки диам. около 3 см. — одна в раннем поселке, вторая в слое 12—13 вв.[18] Аналогичная пряжка найдена в Литве (клад в Микитай, Салантайского района).[19]

Еще одним вариантом подковообразных пряжек является найденная в Новогрудке бронзовая пряжка диам. 4 см с округлой в сечении дужкой и с окончаниями в виде маковых головок (табл. II : 5). Чаще всего эти пряжки встречаются в древностях Восточной Прибалтики. В Литве, судя по данным могильника в Гинтелишкяй, они появляются уже в 10 в.[20]

Особую группу бронзовых подковообразных пряжек составляют пряжки с утолщенными концами. В Новогрудке такая пряжка (диам. 4,5 см) с глазковым орнаментом (табл. II : 4) найдена в постройке второй половины 12 в. В Гродно в слое 12—13 вв. и в могильнике Навры пряжки этого типа были со спиральным орнаментом.[21] Пряжка, инкрустированная серебром, была найдена на поселении в Сулятичах недалеко от Новогрудка.[22] Наряду со славянскими памятниками Понеманья подковообразные пряжки с утолщенными концами встречаются в литовских памятниках этой территории (могильник Засвирь).[23] Подковообразные пряжки с утолщенными концами довольно типичны для могильников западной Литвы. Наиболее ранние из них датируются 10—11 вв.[24]

Характерными прибалтийскими изделиями, входившими в состав украшений, являются бронзовые трапециевидные подвески. В славянские древности разнообразные трапециевидные подвески проникают еще с конца I тысячелетия н. э. В Новогрудке найдено всего шесть бронзовых трапециевидных подвесок от 2 до 5 см длины. К привозным изделиям мы относим лишь две крупные подвески, найденные в наиболее древних слоях. Обе они со штампованным орнамен-

---

[18] Воронин, рис. 16 : 7, 31 : 3.

[19] Lietuvių liaudies menas. Vilnius 1958, № 443.

[20] Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius, стр. 478.

[21] Воронин, рис. 31:6; Cehak-Holubowiczowa, табл. IV:7.

[22] Гуревич, Древности, рис. 78 : 1.

[23] Ф. В. Покровский, К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. *Труды X археологического съезда, т. I*, Москва 1899, табл. III : 3.

[24] Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius, стр. 483.

том, одна была даже во вторичном использовании (табл. II : 2). Остальные трапециевидные подвески, мелкого размера, судя по заготовкам, изготовлялись самими новогрудскими ювелирами.

Остановимся на единичных находках, попавших в Понеманье из Прибалтики и известных лишь по материалам Новогрудка. В 1957 году была найдена верхняя часть бронзовой крестовидной булавки 6 см длины, покрытой оловом (табл. II : 7). Форма этих украшений восходит к прибалтийским изделиям 6—8 веков. Булавки с двумя перекрестиями, к которым относится и данный обломок, особенно типичны для материковой части Эстонии в 10—11 веках.[25] За пределами Эстонии найдены лишь единичные булавки этого типа.

В культурном слое окольного города найдена четырехчастная подвеска 16 см длины. Она состояла из прямого и витого стержней, разделителя и двух бубенчиков с прорезью (табл. II : 9). Близкие по форме украшения входили в состав убора латгалов и пруссов.[26]

В постройке первой половины 12 в. найден массивный бронзовый перстень с треугольным в сечении щитком и заходящими концами. Перстень орнаментирован насечкой (табл. II : 3). Наиболее близкую аналогию ему можно видеть в перстне из Алтонишкяй (в районе Каунаса), относящемся к 11—12 вв.[27]

Помимо украшений, к изделиям прибалтийских мастеров нужно отнести бронзовое перекрестье меча 9 см длины со стилизованными головками птиц по краям (табл. II : 8), найденное в богатом доме первой половины 12 в. Меч с таким же перекрестьем найден в могильнике Пассельн в Латвии.[28] Эти мечи относятся к древностям куршей.[29] Ин-

---

25 A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B VIII:1*, Dorpat 1925, стр. 79 и сл., табл. VI:2—6; L. Nakaitė, Sidabro naudojimas II—XIII amžiais Lietuvoje dirbimas puošti. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, 1*, 1964, стр. 73—76.

26 Latviešu kultūra senatne. Rīgā 1937, табл. LI; R. Odoi, Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w mieiścowosci Rownina Dolna, pow. *Kętrzyn. Wiadomości Archeologiczne, XXIII, 2* (1956), табл. XXII:9.

27 Lietuvių liaudies menas, № 530.

28 В. И. Сизов, Предварительный отчет о поездке с археологической целью в Курляндскую губ. летом 1895 г. *Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом, IV*, Москва 1895, рис. 2.

29 E. Sturms, Kuršu zobeni. *Senatne un Māksla, 1936, IV*, рис. 6:a, 7:e, f, g; Мугуревич, стр. 50; А. Н. Кирпичников, Маркировка клинков восточноевропейских мечей. Доклад в группе славяно-русской археологии ЛОИА 10 XII 1963 г.

тересную находку представляет бронзовая накладка ножен меча 3 см длины с пальметками (табл. II : 6). Подобные накладки типичны для готландско-балтийских находок.[30]

В заключение отметим бронзовую чашу, относящуюся к типу романских или ганзейских чаш. Новогрудская чаша со следами починки, диам. 30 см и выс. 7 см[31], по классификации Т. Поклевского, распространена у языческого населения побережья Балтийского моря и Рижского залива[32]. За последние годы еще одна такая же чаша найдена в курганном могильнике в Кримулде, принадлежавшем ливам.[33]

Таковы прибалтийские изделия, которые попали в Понеманье в 10—13 вв. Основными изделиями ввоза являлись украшения, предметы роскоши, оружие и другие товары, которыми пользуется богатая часть городского населения. Некоторые, наиболее массовые украшения попадают и в сельские районы, о чем свидетельствуют пряжка из Сулятичей и украшения из славянских курганов.

Прибалтийские изделия были распространены в Понеманье, главным образом, в 10—11 вв.; они оказали несомненное влияние на развитие ювелирного дела в таком городе, как Новогрудок. В 12—13 вв. прибалтийские находки, за исключением янтаря, встречаются в единичных случаях.

Основными прибалтийскими территориями, откуда поступали импортные изделия в Понеманье, были Литва, области пруссов, куршей и латгалов.

Водной артерией, связывавшей Прибалтику с древнерусским Понеманьем, служил Неман, по которому янтарь и прибалтийские изделия могли поступать в Гродно, а по притокам Немана — в Волковыск, Слоним и другие пункты. Что касается Новогрудка, удаленного от Немана и не связанного с ним системой рек, то здесь большое значение должны были иметь сухопутные дороги, важную роль которых показал на материале восточной Латвии Э. С. Мугуревич.[34]

Если древнерусское Понеманье ввозило прибалтийские украшения, то прибалтийскую знать не привлекали ювелирные изделия Понеманья, лучшие образцы которых, как

---

[30] P. Paulsen, Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart 1953, стр. 131—133, карта XVI.

[31] Гуревич, Об окольном городе, рис. 4 : 5.

[32] T. Poklewski, Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku. Łódź 1964, стр. 61.

[33] Я. Я. Граудонис, Э. Ю. Тыниссон, Раскопки ливских курганов в Кримулде. *СА 1963, № 1*, рис. 8.

[34] Мугуревич, гл. IV.

это следует из материалов Гродно, отливались в так называемых «имитационных» формочках и являлись лишь подражанием богатому убору.[35]

Древнерусский импорт, найденный в соседней Литве, состоял из ювелирных изделий Киева, Новгорода и других территорий[36], где обработка цветных и благородных металлов производилась с большим мастерством.

Древнерусские вещи в Восточной Латвии представлены изделиями, привезенными из Приднепровья, радимичской земли, а позднее Смоленского княжества, предметами, типичными для кривичей, вятичей и других славянских племен. Единичной находкой является серебряная бусина дреговичского типа[37], которую лишь предположительно можно связать с Понеманьем.

Таким образом, вопрос о том, какие продукты или изделия получало население Прибалтики в обмен на янтарь, украшения и другие вещи, остается пока неясным.

---

[35] Воронин, стр. 69—73, рис. 34 : 3—13.

[36] O. Navickaitė-Kuncienė, Senosios Rusios importas X—XIII amžių Lietuvoje. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, I,* 1964.

[37] Мугуревич, стр. 86—94.

BALTIMAADE IMPORT NEEMENI JÕGIKONNAS 10.—13. SAJANDIL

F. D. GUREVITS

Lühikokkuvõte

Slaavlaste levimisega Neemeni jõgikonda I aastatuhande lõpul ja II aastatuhande algul tekib sinna vene linnuseid ning asulaid, nagu Novogrudok, Volkovõsk, Grodno, Slonim, Turiisk. Nendest linnustest ja asulatest leitud arheoloogiline materjal sisaldab esemeid, mis annavad tunnistust ühendustest Baltimaadega. Artiklis esitatakse terve hulk Baltimailt pärinevaid metallesemeid, mis enamikus on leitud Novogrudokis autori juhatusel 1956. aastast alates korraldatud kaevamistel (tahv. II). Sagedamini kui metallesemeid on leitud Preisi- ja Kuramaa rannikult toodud merevaiku. Kuna Neemeni jõgikonna kõnealuses osas leidub mõnel määral Baltimaade importi, ei ole Baltimailt seni teada esemeid, mis oleksid viidud vastupidiselt siit sinna. Leedust ja Ida-Lätist leitud vene importesemed pärinevad peamiselt mujalt, Dnepri-alalt, Smolenskimaalt, Kiievist, Novgorodist jne.

OSTBALTISCHES EINFUHRGUT DES 10.—13. JAHRHUNDERTS IM NEMEN-BECKEN

F. D. GUREWITSCH

Zusammenfassung

Mit dem Vordringen der Slawen in das Nemen-Becken gegen Ende des 1. Jahrtausends und am Anfang des 2. Jahrtausends entstand dort eine Reihe russischer Burgen und Siedlungen, z. B. Nowogrudok, Wolkowysk, Grodno, Slonim, Turijsk u. a. m. Unter den in diesen Burgen und Siedlungen gemachten Bodenfunden gibt es Gegenstände, die von Verbindungen mit dem Ostbaltikum zeugen. Die Verfasserin führt eine ganze Reihe von Metallgegenständen ostbaltischer Herkunft an, von denen die meisten aus Nowogrudok stammen (Taf. II), wo seit 1956 unter ihrer Leitung Ausgrabungen stattfinden. Zahlreicher als Metallgegenstände sind unter dem Einfuhrgut Bernsteinfunde vertreten, deren Ursprungsland die preussische und kurische Ostseeküste ist. Während aus dem erwähnten Teil des Nemen-Beckens ostbaltisches Einfuhrgut vorliegt, lassen sich bisher noch nicht Gegenstände feststellen, die in entgegensetzter Richtung von dort ins Ostbaltikum gewandert wären. Soweit in Litauen und Ostlettland russisches Einfuhrgut gefunden worden ist, stammt es seinem Ursprung nach aus dem Dneprgebiet, dem Smolensker Lande, aus Kiew, Nowgorod usw.

VENEKIRVESTE KULTUURI ASULATEST EESTIS

L. JAANITS

Eesti venekirveste kultuuri arheoloogiline materjal on arvukas, kuid ühekülgne. Tuntakse umbes paarikümmend väikest kalmistut, mida suurema või väiksema kindlusega võib pidada sellele kultuurile kuuluvaks.[1] On teada ka kaugelt üle saja paljudest eri kohtadest leitud mitmesugust tüüpi venekujulise kivikirve ja nimetatud kultuurile iseloomuliku kivitalva, milledest mõningane osa näib samuti pärinevat hävitatud haudadest (kaart joon. 1). Asulakohti on avastatud aga väga vähe. Seega on teadaolevate muistiseliikide suhe venekirveste kultuuril hoopis erinev kui kammkeraamika kultuuril. Viimast tuntakse peaasjalikult asulate kaudu, kuna juhuleide ja iseäranis omaette kalmistuid[2] on leitud märgatavalt vähem.

Viimastel aastakümnetel on siiski satutud mõnedele venekirveste kultuuri asulajäänustele. Neist saadud materjal on üsna väike, ometi heidab see teatavat valgust nende asulate iseloomule.

Nähtavasti ei ole juhuslik, et venekirveste kultuurile iseloomulikku leiumaterjali, mis on säilinud asulakihtides, on saadud peamiselt kammkeraamika kultuuri asulate kaevamisel. Enamikus on selleks materjaliks nöörkeraamika, mõnel juhul aga ka üksikud muud esemed. Kõigis säärastes asulates on nöörkeraamikat kammkeraamikaga võrreldes tunduvalt väiksemal hulgal ja stratigraafia põhjal otsustades kuulub see asulate olemasolu suhteliselt hilisesse järku. Mõnedes asulates on nöörkeraamika põhilisest leiuainesest hilisem, moodustades kronoloogiliselt omaette leiukompleksi, teistes asulates leidub aga

[1] R. Indreko, Sépultures néolithiques en Estonie. *ÕES Ar. 1933*, Tartu 1935, lk. 202—223; Л. Янитс, Позднеолитические могильники в Эстонской ССР. *КСИИМК XLII*, Москва 1952, lk. 53—65.

[2] Panuste iseloomu ja matmisviisi (punamuld) järgi võiks kammkeraamika kultuurile kuuluvaks pidada Kõljala kalmistut Saaremaal. Sama küsimus kerkib ka näit. Lääne-Nigula Jalukse ja Muhu Metsikumäe haudade suhtes, mille panustest on teada vaid loomahammastest ripatseid.

ka nöörkeraamikaga ühevanust hilist kammkeraamikat. Tõenäoliselt on esimesel juhul venekirveste kultuuri asula tekkinud varasema kammkeraamika kultuuri asula kohale, kuna teisel juhul on nöörkeraamika sattunud kammkeraamika kultuuri asulasse hõimudevahelise läbikäimise tagajärjel.

Võrtsjärve loodekaldal Valmas on olnud asula, mille peamiseks leiuaineseks on tüüpiline kammkeraamika. Selle kõrval leidub kultuurkihi ülemises osas ka kilde mõnestkümnest nöörkeraamilisest savinõust, poolik venekirves ning paar venekirveste kultuurile iseloomulikku nooleotsa. Ilmselt on seal pärast kammkeraamika kultuuri asula olemasolu lõppemist eksisteerinud ka venekirveste kultuuri asula, mille olemasolu ei ole aga kestnud kuigi kaua: võib-olla mõned kuud, võib-olla mitmel korral teataval aastaajal. Kuna selle asula kultuurkiht on paiknenud maapinna lähedal ja olnud kindlasti väga nõrk, siis ei ole sellest künni ning muude pinnase segamiste tõttu peale leidude õieti midagi säilinud.[3]

Võhandu jõe ääres Kääpal on kaevatud neoliitilist asulat, mille peamiseks leiuaineseks on Narva tüüpi keraamika ja sellega koos esinevad luuesemed. Leidub ka tüüpilist kammkeraamikat. Asula kirdeosas, kus kultuurkiht on tekkinud hiljem, leiti vähesel hulgal hilist nöörkeraamikat, teravovaalne silmaga kivikirves, nelinurkse ristlõikega kivitalb ja kolmnurkne nõgusa alusega tulekivinooleots.[4] Et viimati nimetatud materjal on asula põhilisest leiuainesest tunduvalt hilisem, siis pidi Kääpalgi tõenäoliselt olema nöörkeraamika kultuuri asula, mis ilmselt on püsinud väga lühikest aega.

Väga vähesel hulgal nöörkeraamikat on leitud ka Narva jõe kaldalt Joaoru[5] ja Riigiküla[6] ning Võrtsjärve põhjarannikult Siimusaare[7] asulast, kus see samuti nende muust materjalist kronoloogiliselt erineb. Võib oletada, et neiski kohtades on olnud venekirveste kultuuri hõimude lühiaegsed asulad või peatuspaigad.

Kaevates Lüganuse Jäbara Kärrismäe — pikliku seljandiku kirdeotsal asuvat tarandkalmet B, leidis M. Schmiedehelm kal-

---

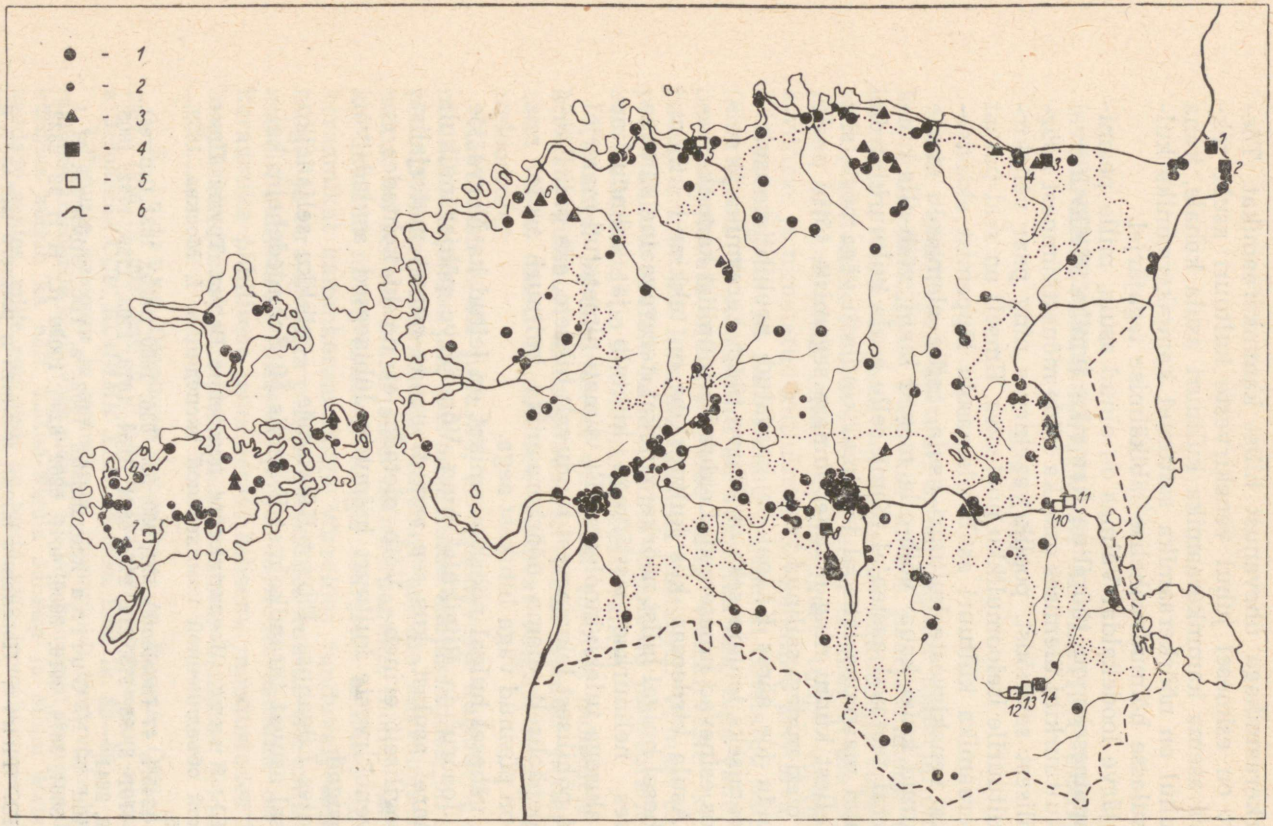
[3] Л. Ю. Янитс, Неолитическое поселение Валма. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, Москва 1959, lk. 32—75.

[4] AI 4245:1, 47 (nooleots), 521, 530, 535, 536, 1830 (talb), 1831 (kirves).

[5] AI 4101 : 3, 95, 175, 214, 215; 4264 : 1654, 1678, 1703, 1729, 1752, 1805, 1835, 2419, 2641.

[6] Leitud N. N. Gurina kaevamistel 1952. a. Гос. Эрмитаж H I 52 : 1332, 3664, 3674, 3916, 3989, 4041, 5262, 8296, 10090 jt.; H II 52 : 2322, 3875.

[7] Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин 1959, lk. 161.



Joon. 1. Venekirveste kultuuri muististe levik Eestis.
1 — silmaga kirves; 2 — kivitalb; 3 — kalmistu; 4 — asula; 5 — kammkeraamika kultuuri asula, milles esineb nöörkeraamikat; 6 — rannajoon II aastatuhandel e. m. a.
Asulate numbrid: 1 — Narva-Riigiküla; 2 — Narva-Joaorg; 3 — Jäbara; 4 — Sope; 5 — Jägala; 6 — Lihula; 7 — Naakamäe; 8 — Valma; 9 — Siimusaare; 10 — Kullamägi; 11 — Akali; 12 — Tamula; 13 — Villa; 14 — Kääpa.

mekihist sügavamal tumedaid laike ja söepesi. Esines ka luid, mõningaid tulekivikilde ja -esemeid, sealhulgas kaks valkjat tulekivist venekirveste kultuurile omast talba (üks neist noaks töödeldud) ning paar pisikest savinõukildu.[8] Nähtavasti oli tegemist kalmest varasema kultuurkihi jäänustega, mis talbade järgi otsustades võis kuuluda venekirveste kultuuri asulale.

Mõningaid tunnuseid, mis võiksid osutada asulate olemasolule, on leitud ka üksikute venekirveste kultuuri kalmistute juurest. Nii on Lüganuse Sope kalmistu alalt, kuhu oli maetud kümmekond surnut, leitud leeasemeid ja üksikuid laialipillatud esemeid.[9] Ka Keila lähedal Lihula haua juures on vana teate järgi märgatud tunnuseid, mis vihjavad samas olnud asulakohale.[10] On võimalik, et venekirveste kultuuri haud on olnud juba mainitud Siimusaarelgi, kust on leitud suure paeplaadiga kaetud luustik, mille juurest ei saadud küll panuseid.[11] Kalmistute juures olevad leeasemed võivad olla aga ka jäänusteks matmisel peetud peietest.

Kõikide nimetatud asulajäänuste ühiseks jooneks on nende väga nõrk kultuurkiht ja leidude vähesus, mis näibki olevat põhjuseks, miks venekirveste kultuuri asulaid on seni avastatud ainult muude asulate või siis kalmistute kaevamisel. Enamikul asulakohtadel on olnud nähtavasti niivõrd vähe leide, et kündmisel ja muudel töödel ei ole neile tähelepanu pööratud, mistõttu vastavad kohad on jäänud avastamata. Leitud ja uuritud on vaid neid kohti, kus venekirveste kultuuri asula on sattunud varasema, paksema kultuurkihiga asula peale või jäänud mingi hiljem tekkinud muistise alla.

Venekirveste kultuuri hõimud on tulnud Eesti ja teiste Baltimaade territooriumile tõenäoliselt II aastatuhande algul e. m. a. lõunapoolsetelt aladelt, kus oli juba mõnevõrra juurdunud koduloomade pidamine ja algeline maaharimine. Siinsetes kar-

---

[8] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин 1955, joon. 20 : 13. M. Schmiedehelmi aruanded Jäbara Kärrismäe kalme B kaevamistest 1933. ja 1934. a. AI arhiivis.

[9] O. Liiv, Lüganuse kihelkonna arheoloogiline kirjeldus, 1924; H. Moora aruanne Lüganuse Sope kiviaja kalmistu kaevamisest 1926. a.; R. Indreko aruanded Lüganuse Sope kiviaja kalmistu kaevamistest 1933. ja 1934. a. Kõik AI arhiivis.

[10] C. Grewingk, Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. *Schriften der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, Nr. 4*, Dorpat 1865, lk. 20.

[11] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis. I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B III : 6*, Dorpat 1922, lk. 49.

mimates looduslikes tingimustes ei olnud nende viljeldavad elatusalad aga kaugeltki nii tootlikud kui selleks sobivama kliima ja pinnasega lähtealadel. Oletatavasti vähenes iseäranis maaharimise tähtsus, koduloomade pidamine nõudis aga tunduvalt suuremat tööjõukulu kui lõunapoolsetel aladel, seda eriti loomade ületalve hoidmiseks. Küllaldaste elatusvõimaluste leidmiseks pidi ühtlasi suuremat tähelepanu pööratama küttimisele ja kalastamisele. Nendes tingimustes ei olnud nähtavasti otstarbekas elada püsivamates asulates, vaid uute sööda- ja jahimaade otsinguil tuli asukohti aeg-ajalt, tõenäoliselt sesooniti, vahetada.

Sellise poolpaikse eluviisi olid venekirveste kultuuri hõimud omandanud vist juba teel siia. Osa neist on Eestist siirdunud edasi Lõuna- ja Edela-Soome. Siiajääjail tekkis kokkupuuteid ja läbikäimisi juba varem kohalolnud kammkeraamika kultuuri hõimudega. Sellele osutab venekirveste kultuurile iseloomulik materjal samaaegsetes kammkeraamika kultuuri asulates (Tamulas, Villas, Akalis, Kullamäel, Jägalas, Naakamäel). Tüüpiliseks näiteks võiks olla Tamula asula, mille kultuurkihi ülaosas esineb hilise kammkeraamika kõrval ka nöörkeraamika kilde[12] ja suure hulga metsloomaluude seas üksikuid kodusea ja koduveise luid[13]. Teatavat mõju venekirveste kultuurilt on märgata ka asulaelanike matmisviisis[14] ja etnilist segunemist mõne maetu antropoloogilistes tunnustes[15].

Akali ja Kullamäe asulas, mis on püsinud kauem kui Tamula asula, on hiline nöörkeraamika üks peamisi keraamikaliike kammkeraamika reministsentse säilitanud tekstiilkeraamika kõrval.[16] Kahjuks on nende asulate hilisemaid osi alles vähe uuritud, kuid olemasoleva materjali põhjal võib arvata, et II aastatuhande teisel poolel e. m. a. on mõlemate etniliste rühmade, kammkeraamika kultuuri ja venekirveste kultuuri hõimude järeltulijate segunemine ning kokkusulamine jätkunud ja järk-järgult süvenenud. Koos sellega on vastastikku omaks võetud ka teineteise kultuuri ja majanduse elemente. Hoolimata sellest on Akali ja Kullamäe asula püsinud oma endises, küttimisel ja kalastamisel põhinevale majandusele sobivas asu-

---

[12] Л. И. Янитс, Новые данные по неолиту Прибалтики. *CA XIX*, Москва 1954, lk. 178—185, joon. 5.

[13] Tamula osteoloogilise materjali on määranud K. Paaver.

[14] L. Jaanits, Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. Studia neolithica in honorem Aarne Äyräpää. *SMYA 58*, Helsinki 1957, lk. 97.

[15] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, 2, Москва 1959, lk. 183.

[16] Янитс, Поселения, lk. 149, 156—158, 178—179.

kohas ning need elatusalad on seal veel ilmselt omanud määravat tähtsust.

Kahjuks on venekirveste kultuuri hõimude ja nende järeltulijate kohta alles väga vähe arheoloogilist materjali. Venekirvestest hilisemate silmaga kivikirveste levimine ka kõrgematele, varem asustamata aladele[17], kust siiski ei ole teada ühtki samasse aega kuuluvat asulakohta, lubab oletada, et teatavail elanike rühmadel on jätkunud vähepüsiv asumisviis, mistõttu neil ei ole tekkinud paksema kultuurkihiga asulaid.

Nähtavasti alles tootmise ja tehnika edasiarenemise, sealhulgas iseäranis metalli laialdasema tarvituselevõtmise[18] ning uute edusammude tagajärjel koduloomade pidamises ja maaharimises sai võimalikuks paiksem asumisviis ning võis välja kujuneda uus püsiva asula tüüp, mille vanemateks teadaolevateks esindajateks Eestis on Asva laadi kindlustatud asulad.

---

[17] R. Indreko, Looduse ja maastiku määrav osa Eesti muinasaegsel asustamisel. *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat IX—X*, Tartu 1934, lk. 117 jj., kaart joon. 2, kus on näidatud nn. lameselgsete kirveste levik.

[18] Selle kohta vt. V. Lõugase artiklit käesolevas kogumikus.

О ПОСЕЛЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ ЛАДЬЕВИДНЫХ ТОПОРОВ В ЭСТОНИИ

Л. ЯНИТС

Резюме

Культура ладьевидных топоров представлена в Эстонии примерно двумя десятками могильников, сотней с лишним каменных топоров и долот, поступивших в виде случайных находок, и кроме того — небольшим количеством поселений (см. карту рис. 1). Остатки поселений обнаружены пока лишь при раскопках более древних стоянок культуры ямочно-гребенчатой керамики (например, Валма, Кяэпа, Нарва, Рийгикюла). Возможно, что следами поселений являются остатки очагов, прослеженные при некоторых могильниках. Культурный слой поселений культуры ладьевидных топоров очень слабый, он беден вещевым материалом. Поэтому эти поселения при пахоте и разных земляных работах, как правило, остаются незамеченными. Племена этой культуры, очевидно, вели полуоседлый образ жизни. В суровых северных природных условиях для них не могло служить источником существования только животноводство и первобытное земледелие, они должны были заниматься также рыбной ловлей и охотой. Поэтому в поисках пастбищ и охотничьих угодий они, вероятно, были вынуждены соответственно временам года менять места своих поселений. Только дальнейшее развитие производительных сил сделало возможным переход к вполне оседлому образу жизни и возникновение постоянных поселений типа Асва.

ÜBER DIE SIEDLUNGEN DER BOOTAXTKULTUR IN ESTLAND

L. JAANITS

Zusammenfassung

In Estland vertreten die Bootaxtkultur etwa zwanzig Grabstätten sowie über einhundert als Zufallsfunde aufgelesene Steinäxte und -meissel, aber nur sehr wenige Siedlungen (s. die Karte in Abb. 1). Entsprechende Siedlungsreste sind allein bei den Ausgrabungen einiger älteren, der kammkeramischen Kultur angehörenden Siedlungsplätzen (z. B. Valma, Kääpa, Narva, Riigiküla) entdeckt worden. Von Siedlungen herrühren können möglicherweise auch die an einigen Grabstätten beobachteten Feuerstellen. Offenbar haben die Siedlungen der Bootaxtkultur eine nur sehr schwache und fundarme Kulturschicht hinterlassen, weshalb diese beim Pflügen und anderen ähnlichen Arbeiten nicht auffällt. Es scheint, dass die Stämme der Bootaxtkultur ein halbsesshaftes Leben führten. In den hiesigen rauhen Naturverhältnissen konnten sie sich nicht allein von Viehhaltung und primitivem Bodenbau ernähren, sondern mussten auch Fischfang und Jagd betreiben. Offenbar waren sie deshalb gezwungen ständig nach neuen Weiden und Jagdgebieten zu suchen und vermutlich saisonweise ihre Wohnsitze zu wechseln. Wie es scheint, ermöglichte erst die Weiterentwicklung der Wirtschaftsformen und Technik den Übergang zu einer völlig sesshaften Lebensweise sowie das Entstehen von ständigen Siedlungen vom Asva-Typ.

AKANTHUSORNAMENTIK AN FRÜHGESCHICHTLICHEN FUNDEN WESTFINNLANDS

ELLA KIVIKOSKI

Die Gegenstände, die bei den 1952—1953 im Stadtgebiet von Turku angestellten Ausgrabungen geborgen worden sind, umfassen u. a. eine lederne Messerscheide, die mit Akanthusrankenmotiven verziert ist (Taf. III : 1). Sie wurde in dem sog. Mätäjärvi-Gebiet, in durcheinandergegangenen Strassenschichten, gefunden und ist also auf Grund der Fundverhältnisse nicht sicher zu datieren. Doch lässt die Ornamentik spontan an die mit Akanthusmotiv arbeitende Pflanzenornamentik der karelischen Kreuzzugszeit denken, und auf Grund dieser Ähnlichkeit kann Zeitgleichheit als wahrscheinlich angesehen werden. Aus derselben Bodenschicht wurden auch einige andere mittelalterliche Gegenstände in Verwahr genommen: spätestens auf das 13. Jahrhundert zu datierende schwarze grobe Keramik, Scherben glasierter Tongefässe und Stücke von Lederschuhen.[1]

An mit Akanthusmotiv verzierten Gegenständen gibt es aus den vorgeschichtlichen Funden Westfinnlands nur eine bronzene Gürtelschnalle, die in Kaarina-Ristimäki in dem 1956 ausgegrabenen Körpergrab Nr. 1 gefunden worden ist (Taf. III : 2).[2] Sie lässt sich nach dem zum Grabgerät gehörenden, als gotländischer Typ anzusprechenden Dreitier-Riementeiler dem 11. Jahrhundert oder der Zeit um 1100 zuordnen.

Die Messerscheide von Turku gemahnt daran, wie einseitig das der archäologischen Forschung zur Verfügung stehende Material ist, daran, dass uns praktisch ein aus organischen Rohstoffen gearbeitetes Fundgut völlig fehlt. Sie aktualisiert auch die Frage nach dem Verhältnis zwischen der spätvorgeschichtlichen westfinnischen und der karelischen kreuzzugszeitlichen Kultur.

---

[1] N. Valonen, Turun viemärikaivantolöydöistä. *Turun kaupungin historiallinen museo. Vuosikirja 1956—1957*, S. 81.

[2] NM 13931 : 9—20.

Die Scheide ist von einer Form, die sowohl in Westfinnland als auch in Karelien allgemein auftritt. Der übliche Bronzebeschlag fehlt, aber es ist möglich, dass ein solcher ursprünglich an der Scheide gewesen wäre, der Gegenstand ist nicht in seiner Ganzheit erhalten und sein Mündungsteil fehlt. Die Ornamentik ist wohl auf gleiche Weise wie bei der heutigen Lederplastik gearbeitet worden. Als Verzierung dient nur eine Pflanzenranke, sie zeigt keine ähnlichen geometrischen Motive, wie sie in der karelischen Ornamentik mitspielen. In Karelien beschränkt sich die zu Pflanzenmotiven greifende Verzierung von Messern und Messerscheiden auf deren Metallbeschläge, am Lederteil bleibt sie aus.

Das endgültige Aufgeben der heidnischen Bestattungsweise, der mit Grabbeigaben ausgestatteten Beisetzung, in Westfinnland Anfang und Mitte des 12. Jahrhunderts, zu einer Zeit, als die karelische Kultur der Kreuzzugszeit ihre höchste Blüte zu erreichen im Begriff war, macht es gewiss unmöglich, hinreichend gut begründete Vergleiche zwischen diesen beiden Gebieten anzustellen: das Material fehlt auf seiten Westfinnlands. Von den leitenden Schmuckformen der Kreuzzugszeit Kareliens sind silberne Kopfschmuckstücke («Sykerö») und grosse silberne Hufeisenfibeln mit Akanthuszier keineswegs dort gefunden worden, desgleichen haben mit Akanthus geschmückte Gegenstände überhaupt gefehlt.[3] An kreuzförmigen durchbrochenen Kettenverteilern, wie sie für Kettengarnituren bezeichnend sind, hat man nur zwei geborgen, beide aus Ruuhijärvi von Nastola in Südosthäme, auf demselben Gräberfeld ebenfalls zwei Ösenröhren, ausser denen es deren noch zwei als Einzelfunde gehobene aus Satakunta gibt.[4] In Eigentlich-Finnland sind die genannten Gegenstandstypen überhaupt nicht aufgefunden worden. Vielleicht hat man sich auch daran zu erinnern, dass die Funde von Ruuhijärvi als Erinnerungen an einen karelischen Besiedlungssplitter angesehen worden sind, sie gehören zu den Funden eines kleinen Gräberfeldes.

Doch ist der Charakter der Volkstracht sowohl in West- als auch in Ostfinnland derselbe, und in beiden Gebieten kommt Bronzespiralverzierung am Gewande vor, obschon sich auch Unterschiedlichkeiten im Detail nachweisen lassen. Viele westfinnische Züge in der Kultur der karelischen Kreuzzugszeit

---

[3] Eine Ausnahme bildet der Ohrlöffel (NM 6503 : 21) aus Tyrväntö-Antiala.

[4] Siehe darüber O. af Hällström, Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan. *SM 1947—1948*, S. 50, Anm. 2.

sind schon von jeher wohlbekannt[5], und das verhältnismässig zahlreiche Vorkommen der ovalen finnischen Schalenspangen in den Körpergräbern von Häme wie auch ihre häme-finnische (oder westfinnische?) Herkunft, die von Olof af Hällström dargelegt worden ist, tragen dazu bei, die Unterschiedlichkeiten herabzusetzen[6]. Das spärliche Auftreten einiger Typen (Krebs-, Band- und jüngere tierverzierte) in Häme gegenüber ihrem häufigen Vorkommen in Karelien dürfte durch ihre Späte erklärt werden: auf das 13. Jahrhundert sicher zu datierende Grabfunde sind eben aus Häme nicht bekannt. Dass diese Typen dennoch auch in Häme benutzt worden sind, geht aus einem Grabfund von dem als bereits christlich anzusehenden Gräberfeld auf dem Kirkkailanmäki in Hollola-Untila hervor: sein vielleicht ältestes Grab enthielt ein krebsverziertes Fibelpaar.

In Eigentlich-Finnland ist eine einzige dieser finnischen ovalen Schalenspangen geborgen worden, die tierverzierte aus Paarskylä in Perniö, aber schon dieses Stück k a n n bedeuten, dass die Gegend schon bei Entstehung des Typs sein Vermittler oder vielleicht sogar sein Ursprungsgebiet gewesen ist, denn er wird von den skandinavischen Fibeln des Borre-Typs abgeleitet. Kleine mittelalterliche Ringfibeln rühren u. a. aus den ältesten Schichten von Turku her, ebenso wie sie aus karelischen Gräbern stammen, und gewiss kann auch das Fehlen silberner Schmuckstücke von karelischen Typen nur darauf zurückzuführen sein, dass wertvoller Schmuck, etwa weggeworfen oder verlorengegangen, in Siedlungsschichten überhaupt selten ist, ihn zu heben, setzt meistens ein Grab oder einen Schatzfund voraus. Zwei Grabfunde von Eigentlich-Finnland enthalten zwei mit kleinen Metallstiften verzierte Messerscheiden, bei denen das Ziermuster dasselbe ist wie bei einigen karelischen Messern: Kreis- und Windungsmotiv.[7] In Satakunta sind auf dem Grundstück des Bethauses von Vesilahti auf einem Gräberfeld, das unmittelbar dem Ausgang der vorgeschichtlichen Zeit angehören dürfte, aus zwei Gräbern drei plastische Vogelanhänger[8] geborgen worden, von einem Typ, der weit und breit in den Wohngebieten der finnisch-ugrischen Völker, auch in Karelien und in Gräberfeldern von Mikkeli vorkommt. Ihr Vorkommen in Westfinnland — zwei

---

[5] C. A. N o r d m a n, Karelska järnålderstudier. *SMYA XXXIV*, Helsinki 1924, S. 169 ff.

[6] af H ä l l s t r ö m.

[7] NM 9892 : 81 aus Nousiainen-Myllymäki und 14676 : 87 aus Raisio-Ihala. Vgl. T. S c h w i n d t, Tietoja Karjalan rautakaudesta. *SMYA XIII*, Helsinki 1893, Abb. 8.

[8] NM 13939 : 2, 10.

solche sind auch zuvor schon aus dem Gebiet des Kokemäenjoki-Flusses bekannt gewesen[9] — lässt sich ebenfalls als eine Art Übereinstimmung zwischen Westfinnland und Karelien auslegen.

Diesen Ähnlichkeiten können meines Erachtens die am Anfang des Aufsatzes erwähnten in Westfinnland aufgefundenen Gegenstände mit Akanthusverzierung angeschlossen werden. Obschon es vielleicht zu gewagt scheint, sie geradezu als mit karelischer Pflanzenornamentik verziert anzusprechen — die Abweichungen sind bereits angeführt —, erweisen sie dennoch, dass Akanthus in Westfinnland wie auch in Karelien bekannt gewesen ist und auch seine Abbildung hier wie da ähnliche Formen angenommen hat. Gewiss reicht das Fundgut nicht aus, endgültige Schlüsse zu ziehen, dazu bedarf es eines weit umfangreicheren Materials, aber es trägt dazu bei, die Frage nach den Beziehungen zwischen westfinnischer und karelischer Kultur zu beleuchten, und es erscheint begründet, es als solches in den Gesichtskreis zu rücken.

---

[9] NM 2294 : 14—15 aus Kokemäki-Leikkimäki und 3995 : 60 aus Karkku-Koirakallio.

AKANTUSORNAMENT LÄÄNE-SOOME VARAAJALOOLISTEL LEIDUDEL

ELLA KIVIKOSKI

Lühikokkuvõte

Kaks hiljuti leitud eset on ilustatud akantuse väädiga — motiiviga, mis Lääne-Soomes harva esineb. Üheks neist on katkine nahast noatupp (tahv. III : 1), mis leiti Turu linnas 13. sajandi kihist. Teine kujutab endast pronksist vööpannalt (tahv. III : 2) sama linna külje all paikneva Kaarina Ristimäki maa-aluse kalmistu hauast nr. 1. Nimetatud haud kuulub 11. sajandisse või 11.—12. sajandi piirile. Antud esemetel jälgitavad motiivid on väga lähedased akantusornamendile, mis 12.—13. sajandil oli levinud Karjalas. Autor loetleb paljusid varem tuntud karjala tüüpi esemeid, mis on leitud Kesk- ja Lääne-Soomes. Kõigi esitatud materjalide põhjal oletab ta, et karjalaste ja läänemeresoomlaste materiaalses kultuuris esines ühiseid jooni tegelikult rohkem, kui seda seni teati. Karjalapäraste leidude vähesust Lääne-Soomes tuleb seletada sellega, et alates 11. sajandist, kus algas karjala kultuuri õitseng, ei pannud läänesoomlased enam esemeid surnuile hauda kaasa.

ЗАПАДНОФИНСКИЕ РАННЕИСТОРИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С АКАНФОВЫМ ОРНАМЕНТОМ

ЭЛЛА КИВИКОСКИ

Резюме

Два недавно найденных предмета орнаментированы аканфовой лозой — мотивом, редко встречающимся в западной Финляндии. Один из этих предметов — остаток кожаных ножен (табл. III : 1), найденный в городе Турку в слое 13 века. Другой представляет собой бронзовую поясную пряжку (табл. III : 2), из погребения № 1 грунтового могильника Каарина Ристимяки, расположенного под тем же городом. Данное погребение датируется 11 веком или рубежом 11—12 веков. Наблюдаемые на названных предметах мотивы весьма близки к аканфовому орнаменту, распространенному в 12—13 веках в Карелии. Автор далее перечисляет ряд ранее известных предметов карельского типа, найденных в центральной и западной Финляндии. На основании всех приведенных материалов автор предполагает, что в материальной культуре карел и западных финнов в действительности наблюдалось больше общих черт, чем мы знаем до сих пор. Малочисленность западнофинских находок общего с карельскими облика следует объяснить тем, что начиная с 11 века, когда наступил расцвет карельской культуры, западные финны перестали класть вещи в могилы.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ ЗАНЕМАНЬЯ — ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЛИТВЫ

П. КУЛИКАУСКАС

Городища Занеманья давно привлекали внимание археологов[1], однако систематические раскопки их начались лишь в 1961 году. До сих пор исследовано 9 городищ, расположенных в разных районах Занеманья.[2]

Из исследованных городищ относительно ранним надо считать городище Павейсникай в Лаздияйском районе на восточном побережье озера Вейсеёс. Оно построено на небольшом высоком холме. Его площадка, размером 25×30 м, окружена сплошным валом. У подножия городища было расположено поселение. В 1962 году были исследованы северо-восточная часть площадки и вал городища, а также часть поселения.

До постройки городища на холме был могильник. На исследованной части площадки и под валом, в северо-восточной его части, обнаружено 27 трупосожжений. Остатки трупосожжений были захоронены либо просто в неглубоких ямах (№№ 18, 23—27), либо в таких же ямах, но в урнах (№№ 1, 4, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19—22; см. рис. 1), либо в ямах, выложенных камнями (№№ 2, 3, 6, 8, 10, 12, 14 и 16). В ряде выложенных камнями могил остатки трупосожжения также помещались в урнах. Кроме урн исследованные погребения никакого вещевого материала не дали. Судя по обряду захоронения, устройству могил и типам керамики, исследованные погребения могут быть датированы временем около нашей эры, а может быть, и более ранним периодом. Погребения этого рода в пределах Литвы до сих пор

---

[1] A. Kaminski, Materiały do bibliografii archeologicznej Jacwieży od I do XII w. *Materiały Starożytne, I*, Warszawa 1956, стр. 193—273; P. Tarasenka, Grodziska w łuku środkowego Niema na Litwie. *Rocznik Olsztynski, II*, Olsztyn 1959, стр. 221—226.

[2] Материалы, полученные при исследовании городищ, хранятся в Вильнюсском историко-этнографическом музее.

не встречались. По устройству могил к ним наиболее близки курганные погребения в Осово и Шешупке в Сувалкском районе Польши. Осовский могильник относится к 3—4 векам, Шешупский к 5—6 векам н. э.[3]

Само укрепление Павейсникай было сооружено позже и служило лишь убежищем для населения расположенного у его подножия селища. Культурный слой на городище отсутствует. Укрепления-убежища возникли в Литве в связи с началом разложения родового строя. Они характерны для первой половины и середины I тысячелетия н. э.[4]

---

[3] J. Jaskanis, Wyniki badań cmentarzyska kurhanowego we wsi Osowa, pow. Suwalki w latach 1960—1961. *Rocznik Białostocki, III,* Białystok 1962, стр. 233—297, табл. II : 2, 3; B. Zawadzka, Dwa kurhany ciałopalne z V—VI w. n. e. w miejscowości Szeszupka, pow. Suwalki. *Wiadomości Archeologiczne, XXX, zeszyt 3/4,* Warszawa 1964, стр. 417—428.

[4] R. Volkaitė-Kulikauskienė, Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu. *Iš lietuvių kultūros istorijos, II,* Vilnius 1959, стр. 125—137.

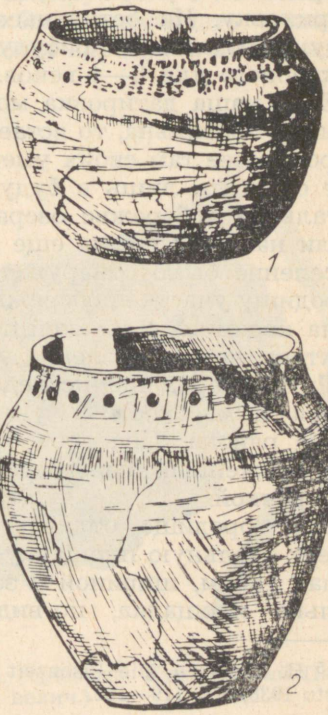


Рис. 1. Урны из Павейсникай.

1 — из погребения № 12; 2 — из погребения № 11. (1—1/3, 2—1/2 натур. велич.)

Павейсникай было сильным для своего времени укреплением. Его почти со всех сторон окружала вода, а с северной и восточной сторон у его подножия были вырыты два рва. Вал на северном и восточном краю площадки достигал 4 м высоты. Он был сооружен из земли, камней и отчасти дерева. Исследованные части площадки и вала не дали никаких находок.

Поселение, находившееся у северной и восточной части подножия укрепления, занимало довольно обширную территорию. В 1962 году была исследована лишь незначительная часть поселения. Его культурный слой имел небольшую мощность и был сильно потревожен пахотой. При раскопках было обнаружено несколько открытых очагов, оснований столбов, а также ряд ям хозяйственного назначения. Раскопки дали значительное количество керамики. В то время, как урны, обнаруженные в погребениях, имели гладкую или своеобразно заштрихованную поверхность (рис. 1), сосуды, найденные в поселении, носили иной характер. Часть их может быть отнесена к керамике с облитой, слабо шероховатой поверхностью, у другой части поверхность перетрескана, а у третьей, небольшой части она имеет слабую штриховку. Из остальных находок упомянем лишь бронзовую арбалетную фибулу с обернутой ножкой, типа, характерного для 3—4 веков.[5]

Если наша датировка могильника под городищем Павейсникай правильна, то встает вопрос, где же жило население, хоронившее там своих умерших? На этот вопрос можно будет ответить лишь в будущем, когда будет исследовано и остальное побережье озера Вейсеёс, в зоне которого нами были найдены следы еще других древних поселений. Одно поселение было обнаружено на другом, противоположном городищу участке побережья озера. В этом селище была найдена керамика с облитой поверхностью несколько иного характера, чем в поселении у самого городища.

Другое городище, исследованное в 1963—1964 годах, находится в местности Кунигишкяй-Паевонис Вилкавишкайского района. Под это укрепление был использован мыс, расположенный между речкой Евонис и другой, безыменной речкой.

Это городище отличается хорошей сохранностью. Оно имеет овальную площадку длиной с северо-востока на юго-запад 150 м, шириной с запада на восток 100 м. Первоначально площадка, по-видимому, была окружена валом,

---

[5] H. M o o r a, Die Eisenzeit in Lettland. II. Teil. *Verh. GEG XXIX*, Tartu 1938, стр. 119—132.

который, однако, полностью не сохранился. Наибольшей высоты вал достигает на юго-востоке, где природная защита укрепления была наиболее слабой. К югу от укрепления, за проходящим у его подножия оврагом, было расположено сравнительно обширное поселение.

Исследованы были вал и площадка городища. Культурный слой сохранился лишь по краям площадки, у подножия вала, в средней же ее части он отсутствует. На площадке были заложены четыре раскопа: в юго-восточной, восточной, западной и средней ее части. Всего была раскопана площадь около 900 м^2. Мощность культурного слоя составляла во многих местах 20—30 см и лишь у подножия вала достигала 60—80 см. При раскопках были обнаружены остатки построек, в виде столбовых ям и очагов, и выявлен также ряд ям хозяйственного назначения. Очаги по их характеру можно разделить на две группы. Одни из них сохранились в виде больших темных пятен, другие — в виде углублений, заполненных камнями. Как в тех, так и в других были найдены, кроме углей и пепла, обломки керамики. В юго-восточном раскопе в одном из очагов сохранилась значительная часть глиняного сосуда, датируемого 2—4 веками н. э. (рис. 2). Около очагов можно было наблюдать темные пятна, там же были найдены обломки керамики, кости животных и несколько зернотерок.

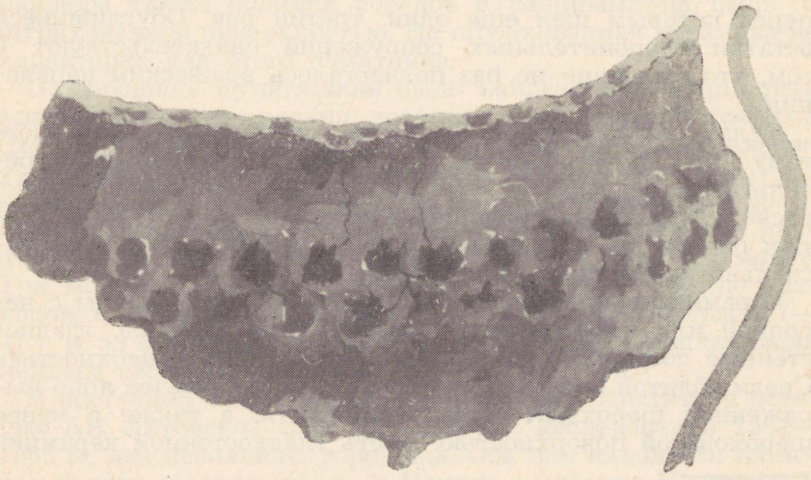


Рис. 2. Обломок глиняного сосуда из городища Кунигишкяй-Паевонис. (4/9 натур. велич.)

Большой интерес представляют столбовые ямы от построек. Эти ямы можно разделить на две группы. Первую группу образуют круглые, либо суживающиеся ко дну, либо плоскодонные ямы диаметром 28—35 см, глубиной 30—60 см. К другой группе относятся ямы, выступающие при раскопках вначале в виде больших темных пятен, под которыми затем идут камни (размером 40×50×60 см), служившие для закрепления столбов. Камни окружают колодцеобразное углубление — место истлевшего столба, заполненное землей серого и черного цвета, иногда с примесью углей. Столбовые ямы этого типа шли вдоль вала, в один ряд. Столбы, очевидно, поддерживали крыши жилых построек; другим краем крыши, вероятно, упирались в склон вала. Сооружения подобного типа были обнаружены и на городище Аукштадварис в Тракайском районе.[6]

Через вал были сделаны два разреза. Один в юго-восточной части, где вал имел наибольшую высоту и хорошую сохранность. Вал был насыпан, в основном, из земли, склон его выложен камнями. Второй разрез вала был сделан в западной части городища. Здесь вал был сооружен подобным же образом, как и на юго-востоке. Интересно отметить, что здесь площадку и вал разделяет ров, в котором были обнаружены две ямы хозяйственного назначения. У подножия городища проходил глубокий ров, в котором сохранились остатки сожженного деревянного забора. В нескольких местах на юго-восток от первого рва обнаружен второй ров и вал, перед которым шел еще один, третий ров. Обуглившиеся остатки оборонительных сооружений свидетельствуют о том, что городище не раз подвергалось вражеским нападениям.

Культурный слой поселения был сильно разрушен, поэтому его исследование не дало никаких существенных результатов. В раскопе, размером 20×20 м, было обнаружено несколько ям хозяйственного назначения и остатки открытых очагов, около которых нашлось много керамики и несколько кусков железного шлака.

Керамика представляет три основных типа: сосуды с неровной или облитой (шероховатой) поверхностью, гладкостенные сосуды и сосуды с перетресканной поверхностью. Среди облитой керамики имеются обломки с более ярко выраженной шероховатостью поверхности, а также с менее шероховатой поверхностью. Часть гладкостенной керамики

---

[6] V. Daugudis, Aukštadvario piliakalnio įtvirtinimai ir pastatai. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, I (2)*, Vilnius 1962, стр. 43—69.

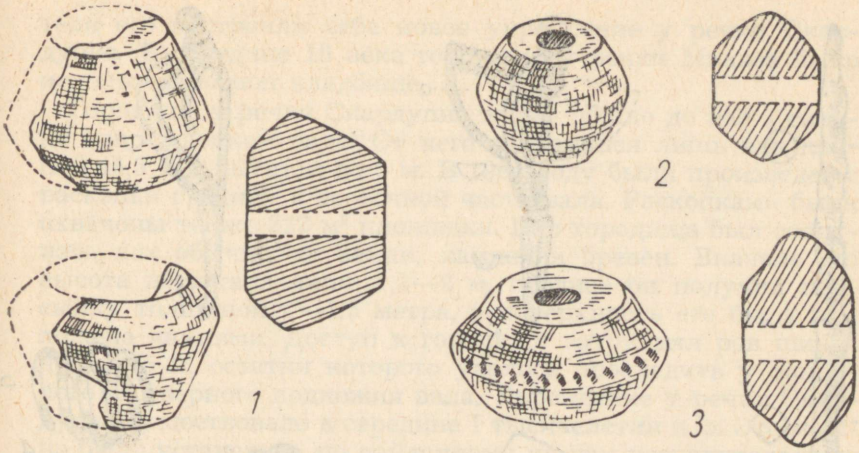


Рис. 3. Глиняные пряслица из городища Кунигишкяй-Паевонис. (2/3 натур. велич.)

по своему цвету напоминает так называемую лощеную керамику, другая часть представлена обломками красного цвета, отличающимися более гладкой поверхностью. Были найдены также обломки сосудов с защипами на ребре и штрихованной поверхностью. Но штрихованная керамика не характерна для этого памятника.

На городище Кунигишкяй было найдено много глиняных асимметрических пряслиц, сравнительно крупных размеров (рис. 3). Из небольшого количества металлических находок упомянем три бронзовые арбалетные фибулы с обернутой ножкой, три железных наконечника стрел и несколько бронзовых спиральных перстней (рис. 4). Для датирования данного городища являются важными находки римских монет. Три монеты, найденные местными жителями еще до раскопок, принадлежат Тиберию (14—37 г. н. э.), Калигуле (37—41 г. н. э.) и Клавдию I (41—54 г. н. э.).[7] При раскопках была найдена сестерция Коммода (177—192 г. н. э.).

В восточной части Занеманья сотрудник Института истории АН Литовской ССР В. Даугудис исследовал в 1964—1965 гг. два небольших городища. Оба они находятся на левом берегу среднего течения Немана в деревне Норкунай I,

[7] В. В. Кропоткин, Клады римских монет на территории СССР. Москва 1961, стр. 100, №№ 1437, 1438.

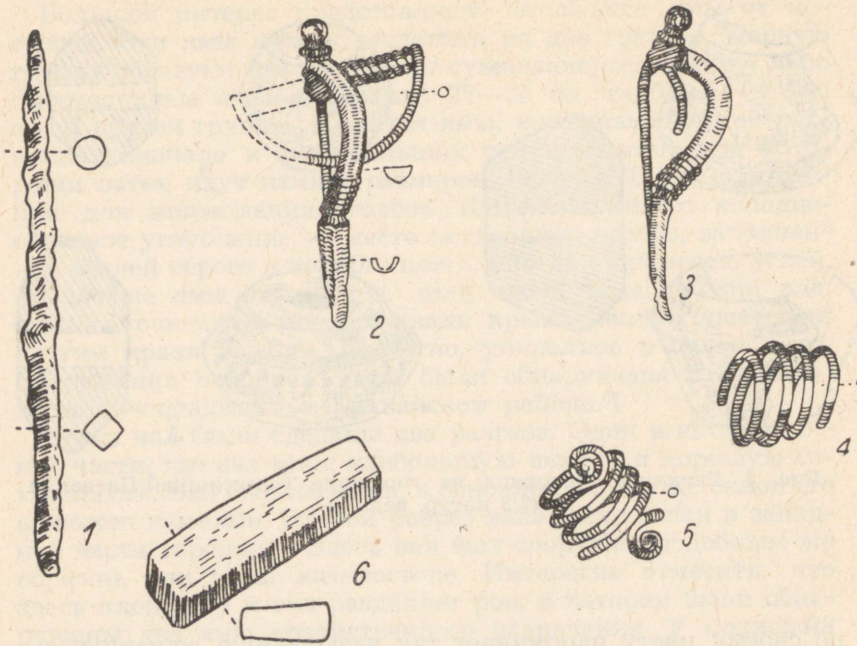


Рис. 4. Находки из городища Кунигишкяй-Паевонис.
1 — шило; 2, 3 — арбалетные фибулы; 4, 5 — спиральные перстни; 6 — точильный брусок. (4/7 натур. велич.)

Пренайского района. Одно из них лежит на правом берегу реки Микаса, а другое у речки Скардупис.

Раскопки показали, что городище у речки Микаса, построенное на береговом мысе, относится к сравнительно раннему периоду. Первоначальные размеры этого городища установить не удалось, поскольку почти вся площадка и часть вала его была смыта водой. Данное укрепление было защищено речкой и рвом, а также земляным валом, покрытым глиной. Культурный слой на сохранившейся части площадки имел небольшую мощность (15—30 см). К югу и юго-востоку от городища располагалось небольшое поселение. В исследованной части городища и в поселении никакого вещевого материала, кроме керамики, не было найдено. Для городища и поселения является типичной облитая и штрихованная керамика, характерная для конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. Укрепление просуществовало недолгое время. В 3—4 веках н. э. оно было заброшено и жи-

тели его построили себе новое укрепление у речки Скардупис. В середине 16 века городище у речки Микаса было использовано под кладбище.

Городище у речки Скардупис также дошло до нас в сильно поврежденном виде. От него сохранился лишь вал длиной 45,5 м и высотой до 5 м. В 1964 году были произведены раскопки средней и восточной части вала. Раскопками были охвачены также 222 м^2 площадки. Вал городища был сооружен, как обычно, из земли, камней и бревен. Вначале его высота достигала лишь 1,2—2 м, позднее он получил подсыпку толщиной 1—1,5 метра, а поверхность его была выложена камнями. Доступ к городищу затруднял ров шириной 4—5 м, остатки которого удалось проследить у западного и северного подножия вала. Укрепление у речки Скардупис существовало в середине I тысячелетия н. э. Это можно было установить по найденному на нем незначительному количеству керамики с облитой (шероховатой) поверхностью. При раскопках были найдены также железный косарь и два цилиндрических глиняных пряслица.

Раскопки поселения, расположенного у подножия вала городища, охватили площадь в 439 м^2. Культурный слой достигал 20—50 см толщины. При раскопках были найдены 7 глиняных пряслиц, обломки зернотерок, железный шлак, железное шило, нож и маленькое долото. Было собрано также некоторое количество костей животных и керамики. Часть посуды относится к керамике с облитой поверхностью, а другая, небольшая часть, имеет штрихованную поверхность. Удалось вскрыть незначительные остатки надземных построек и следы ям хозяйственного назначения. Найденные на месте поселения кремневые пластины, скребло, нуклеусы и каменные топоры свидетельствуют о том, что здесь существовало ранненеолитическое поселение.

В центральной части Занеманья было исследовано городище в местности Пилякалняй Вилкавишкайского района. Это городище привлекало внимание всех исследователей памятников Занеманья. Оно находится на левом берегу речки Аиста, омывающей его с южной, восточной и северной сторон. Его площадка треугольной формы невелика по размерам (55×35 м), но окружена мощным валом. Вал имеет наибольшую высоту на западной стороне, на севере и юге он ниже. Западный, весьма крутой склон городища был выложен камнями. Местные жители называли городище даже «каменным замком».

У западного подножия городища сохранились остатки форбурга и поселения. Форбург окружен длинным валом

высотой в два метра. Расстояние от западного подножия городища до вала форбурга составляет 70 м. Поселение заходит еще на 15—20 м за пределы вала.

В 1961 году были исследованы два участка площадки, из которых один был расположен в северной ее части, а другой у южного конца вала. Был произведен поперечный разрез вала форбурга, а также проверено наличие культурного слоя между западным подножием городища и валом форбурга. Раскопки показали, что на месте городища ранее существовало открытое поселение. Керамика, найденная в поселении под городищем, представляет совершенно иной тип, чем керамика, обнаруженная на городище. Для поселения характерны сосуды с облитой (шероховатой) поверхностью, с невысоким волнистым венчиком. Эту керамику можно датировать серединой I тысячелетия н. э. (рис. 5 : 12—13). Она характерна для многих городищ Занеманья указанного периода.

Намного позже на месте поселения было построено укрепление, просуществовавшее, однако, сравнительно недолго. Культурный слой городища имеет незначительную мощность и представляет только один период. Он обнаружен лишь по краям площадки у подножия вала. В исследованной части площадки были найдены каменные кладки, остатки очагов и некоторое количество вещевого материала, состоящего, главным образом, из керамики. Сосуды изготовлены на гончарном круге, имеют сильно профилированный венчик и волнистый орнамент или параллельные ровики в своей верхней части (рис. 5 : 9—11). Керамику этого типа можно датировать 12—14 веками. К тому же времени относятся найденные при раскопках глиняные пряслица, спиральные перстни и плоская круглая фибула (рис. 5 : 2, 7, 8).

Форбург был окружен валом, насыпанным из земли и камней. При раскопках вала форбурга были найдены, помимо керамики, подковообразная фибула и ряд других предметов (рис. 5 : 1, 3—6). В насыпи вала, в особенности в нижнем его горизонте, а также на площадке городища было найдено очень много угля, пепла и обожженной глины; много глины сохранилось и на поверхности вала городища. Все признаки говорят о том, что укрепление, по-видимому, погибло от пожара в 14 веке и больше не восстанавливалось. Исследования городища Пилякалняй будут в ближайшем будущем продолжены. Намечается также исследование других городищ Занеманья, расположенных в Каукай, Палаздияй, Мисвечай и в других местах.

В 1965 году Р. Куликаускене и П. Куликаускас исследова-

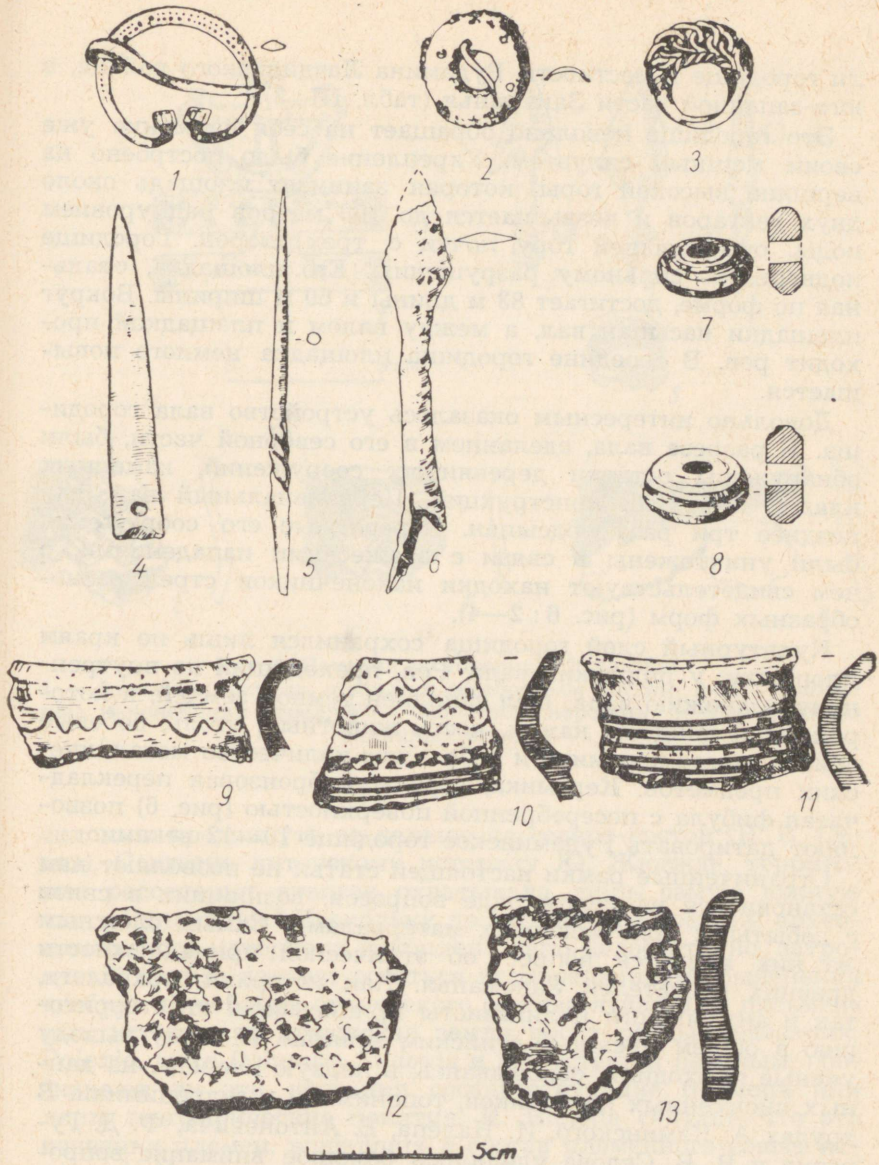


Рис. 5. Находки из городища (1—11) и поселения Пилякалняй (12, 13).

1 — подковообразная пряжка; 2 — круглая пряжка; 3 — перстень; 4 — костяная проколка; 5 — железное шило; 6 — наконечник копья; 7, 8 — глиняные пряслица; 9—13 — обломки глиняных сосудов. (1/2 натур. велич.).

ли городище в местности Рудамина Лаздияйского района, в юго-западной части Занеманья (табл. III : 3).

Это городище невольно обращает на себя внимание уже своим мощным силуэтом. Укрепление было построено на вершине высокой горы, которая занимает площадь около двух гектаров и возвышается до 198 метров над уровнем воды, окружающей гору почти с трех сторон. Городище подверглось сильному разрушению. Его площадка, овальная по форме, достигает 83 м длины и 60 м ширины. Вокруг площадки насыпан вал, а между валом и площадкой проходит ров. В середине городища площадка немного повышается.

Довольно интересным оказалось устройство вала городища. В разрезе вала, сделанном в его северной части, были обнаружены остатки деревянных сооружений, каменных кладок и других конструкций. Первоначальный вал был позднее три раза подсыпан. Деревянные его сооружения были уничтожены в связи с вражескими нападениями, о чем свидетельствуют находки наконечников стрел разнообразных форм (рис. 6 : 2—4).

Культурный слой городища сохранился лишь по краям площадки, у подножия вала. Ров, проходящий по внутреннему подножию вала, был заполнен темной землей, в которой были найдены камни, кости животных, уголь, бобовые семена, много керамики и небольшое количество металлических предметов. Керамика, стрелы и бронзовая перекладчатая фибула с посеребренной поверхностью (рис. 6) позволяют датировать Рудаминское городище 10—12 веками.

Ограниченные рамки настоящей статьи не позволяют нам остановиться на целом ряде вопросов, возникших в связи с добытыми при раскопках материалами. Самым сложным из них является вопрос об этнической принадлежности древних обитателей Занеманья. Как историки, археологи, так и антропологи и лингвисты приписывали эту территорию в общем древне-балтийским ятвягам. К этому выводу ученые приходили, основываясь, в первую очередь, на данных письменных источников, топонимики и гидронимики. В трудах А. Каминского, И. Налепа, Е. Антоневича, Ф. Д. Гуревич и В. В. Седова уделялось большое внимание вопросам границ территории ятвягов, названия и происхождения этих племен. В то время как более или менее ясной может считаться южная граница ятвяжской территории, относительно ее северных границ мнения расходятся. Одни ученые полагают, что ее северной границей надо считать левобережье среднего течения Немана (А. Камински), другие

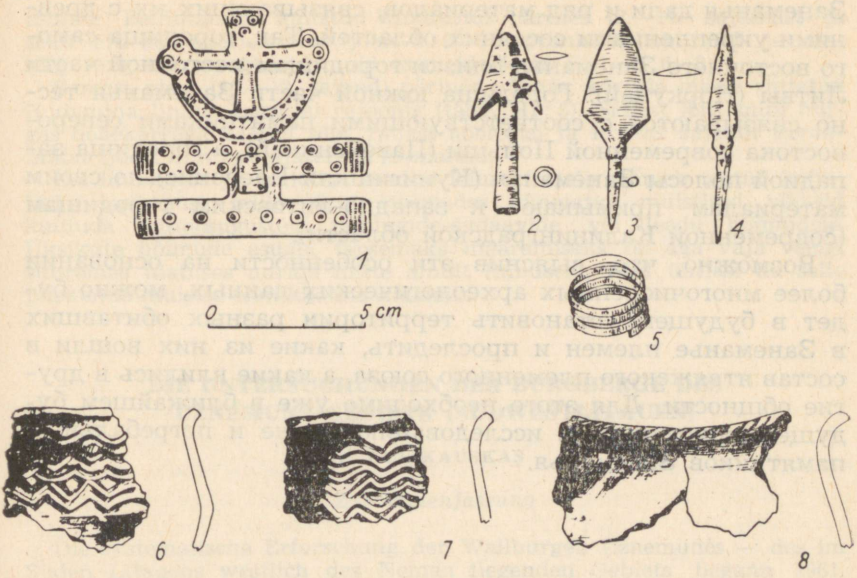


Рис. 6. Находки из городища Рудамина.
1 — бронзовая фибула, покрытая серебряным листом; 2—4 — железные наконечники стрел; 5 — бронзовый перстень; 6—8 — обломки глиняных сосудов.

склонны продвинуть ее дальше на северо-восток (В. В. Седов). Согласно литовскому историку Ю. Жюгжде, территория расселения ятвягов охватывала лишь самую южную часть Занеманья.[8] Поскольку до настоящего времени археологического материала накоплено явно недостаточно, затронутый вопрос должен остаться неразрешенным. Выяснения требует и проблема этнического состава ятвягов. В письменных источниках ятвяжская земля носит разные названия: *Polexia, terra Dainowe, Sudovia* и др. Остается неясным, обозначают ли эти названия соответствующие племена или лишь географические понятия. И. Налепа считает, что это названия племен, вошедших в состав племенного союза ятвягов.[9] Исследование городищ Занеманья показало, что укрепления этой территории имели свои местные характерные особенности. С другой стороны, исследованные городища

[8] Ю. И. Жюгжда, рецензия на работу: В. Т. Пашуто, Образование литовского государства. *История СССР, 1960, № 5*, стр. 185.
[9] J. Nalepa, Jaćwięgowie. Białystok 1964, стр. 41—53.

Занеманья дали и ряд материалов, связывающих их с древними укреплениями соседних областей. Так, городища самого восточного Занеманья близки городищам восточной части Литвы (Норкунай). Городища южной части Занеманья тесно связываются с соответствующими памятниками северовостока современной Польши (Павейсникай), а городища западной полосы Занеманья (Кунигишкяй-Паевонис) по своим материалам примыкают к западно-литовским городищам (современной Калининградской области).

Возможно, что, выяснив эти особенности на основании более многочисленных археологических данных, можно будет в будущем установить территории разных обитавших в Занеманье племен и проследить, какие из них вошли в состав ятвяжского племенного союза, а какие влились в другие общности. Для этого необходимо уже в ближайшем будущем приступить к исследованию также и погребальных памятников Занеманья.

UŽNEMUNĖ (EDELA-LEEDU) LINNAMÄGEDE UURIMISED

P. KULIKAUSKAS

Lühikokkuvõte

Užnemunė — Leedu lõunaosas Neemenist läände jääva piirkonna linnamägede süstemaatiline uurimine algas 1961. aastal. Seni on kaevatud 9 linnamäel ja mõningail nende juurde kuuluvail asulail.

Lazdijai rajoonis paiknev I aastatuhande esimesest poolest pärinev kultuurkihita kindlustatud pelgupaik Paveisnikai on püstitatud põletusmatustega kalmistule, mis on kasutusel olnud ajaarvamise vahetuse paiku. Hauad olid mõnikord vooderdatud kividega, mõningail juhtudel oli hauas urn (joon. 1). Linnuse kõrval olnud asulast leitud savinõud (korbalise või lõhenenud pinnaga) erinesid kalmistu urnidest. Kalmistu pidi järelikult kuuluma teisele asulale.

Kunigiškiai-Pajevonise neemiklinnuselt (Vilkaviškise rajoonis), mis kuulus m. a. I aastatuhande esimesse poolde ja keskele, leiti 1. ja 2. sajandi rooma münte, kolm tagasipööratud jalaga ambsõlge (joon. 4 : 2, 3), savist värtnaketri (joon. 3) ja keraamikat (joon. 2), sealhulgas nii korbalise kui ka lõhenenud pinnaga nõude kilde.

Prienai rajoonis uuriti üht väikest linnust koos selle juurde kuuluva asulaga Mykase jõekesel ning teist linnust ja asulat Skardupise jõekese ääres. Esimesest linnusest ja asulast saadi riibitud ja korbakeraamikat (I aastatuhande lõpp e. m. a. ja m. a. esimesed sajandid), teisest — korbakeraamikat (m. a. I aastatuhande keskpaik).

Piliakalniai linnus Vilkaviškise rajoonis oli rajatud I aastatuhande keskelt pärinevale lahtisele (korbakeraamikaga, joon. 5 : 4, 5, 12, 13)

asulale. Eellinnusega kaitstud kindlustus pärines 12.—14. sajandist ja sealt leiti kedrakeraamikat (joon. 5 : 9—11), pronksist hoburaud- ja vitssõlg ning mitmesuguseid muid esemeid (joon. 5 : 1—3, 6—8).

Samast ajast (10.—12. sajand) pärines võimas, kõrgele mäele ehitatud Rudamina linnus Lazdijai rajoonis (tahv. III : 3). Sellest leiti muu hulgas hõbekarraga kaetud sõlg, rauast nooleotsi ja 10.—13. sajandi keraamikat (joon. 6) ning viljateri ja loomaluid.

Eri linnustest ja asulatest saadud leiumaterjalis ilmneb teatud kohalikke iseärasusi, mille järgi otsustades nimetatud muistised võiksid kuuluda mitmesugustele jatvingide-sudaavide või leedu hõimudele. Üksikute hõimude asuala täpsemaks määramiseks on aga vaja veelgi suuremas ulatuses uurida mitte ainult linnuseid, vaid ühtlasi ka selle piirkonna muistse elanikkonna kalmeid.

DIE UNTERSUCHUNGEN DER BURGBERGE DES UŽNEMUNĖ-GEBIETS (SÜDWESTLITAUEN)

P. KULIKAUSKAS

Zusammenfassung

Die systematische Erforschung der Wallburgen Užnemunės — des im Süden Litauens westlich des Neman liegenden Gebiets begann 1961. Bisher sind 9 Burgen und einige zu diesen gehörige Siedlungen durch Grabungen erforscht worden.

Die im Bezirk (Rayon) Lazdijai gelegene Fliehburg Paveisnikai, die keine Kulturschicht aufweist und aus der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends herrührt, ist auf einem um die Zeitrechnungswende anzusetzenden Brandgräberfeld errichtet worden. Die Grabgruben waren manchmal mit Steinen ausgelegt, in einigen Fällen enthielten sie Urnen (Abb. 1). Die in der neben der Burg befindlichen Siedlung angetroffene Tonware (Gefässe mit Bewurf oder rissiger Oberfläche) unterschied sich von den Urnengefässen der Grabstätte, die folglich einer anderen Siedlung angehört haben muss.

Auf der Landzungenburg Kunigiškiai-Pajevonis im Bezirk Vilkaviškis (erste Hälfte und Mitte des 1. Jahrtausends u. Z.) wurden römische Münzen des 1. und 2. Jahrhunderts, drei Armbrustfibeln mit umgeschlagenem Fuss (Abb. 4 : 2, 3), mehrere asymmetrische Spinnwirtel aus Ton (Abb. 3), Keramik (Abb. 2), darunter Bewurfkeramik sowie Scherben von Gefässen sowohl mit geglätteter Wandung wie mit rissiger Oberfläche gefunden.

Im Bezirk Prienai wurden eine am Flüsschen Mykasa gelegene kleine Befestigung, eine zu ihr gehörige Siedlung, sowie eine zweite Burg und Siedlung am Flüsschen Skardupis untersucht. Die erste Burg und Siedlung lieferten Binsenstrich- und Bewurfkeramik (Ende des 1. Jahrtausends v. u. Z. und die ersten Jahrhunderte u. Z.), die zweite — Bewurfkeramik (Mitte des 1. Jahrtausends u. Z.).

Die Befestigung Piliakalniai im Bezirk Vilkaviškis war auf einer aus der Mitte des 1. Jahrtausends stammenden offenen Siedlung (mit Bewurfkeramik, Abb. 5 : 12, 13) angelegt. Die durch eine Vorburg geschützte Befestigung rührte aus dem 12.—14. Jahrhundert her und ergab u. a. auf der Töpferscheibe geformte Tonware (Abb. 5 : 9—11), eine Hufeisenfibel sowie eine flache runde Bronzefibel und verschiedene andere Gegenstände (Abb. 5 : 1—3, 6—8).

Aus derselben Zeit (10.—12. Jahrhundert) stammte die imposante, auf einem hohen Berge erbaute Burg Rudamina im Bezirk Lazdijai (Taf. III : 3). Auf ihr wurden u. a. eine silberbelegte Sprossenfibel, eiserne Pfeilspitzen und Keramik des 10.—13. Jahrhunderts (Abb. 6) sowie Getreidekörner und Tierknochen gefunden.

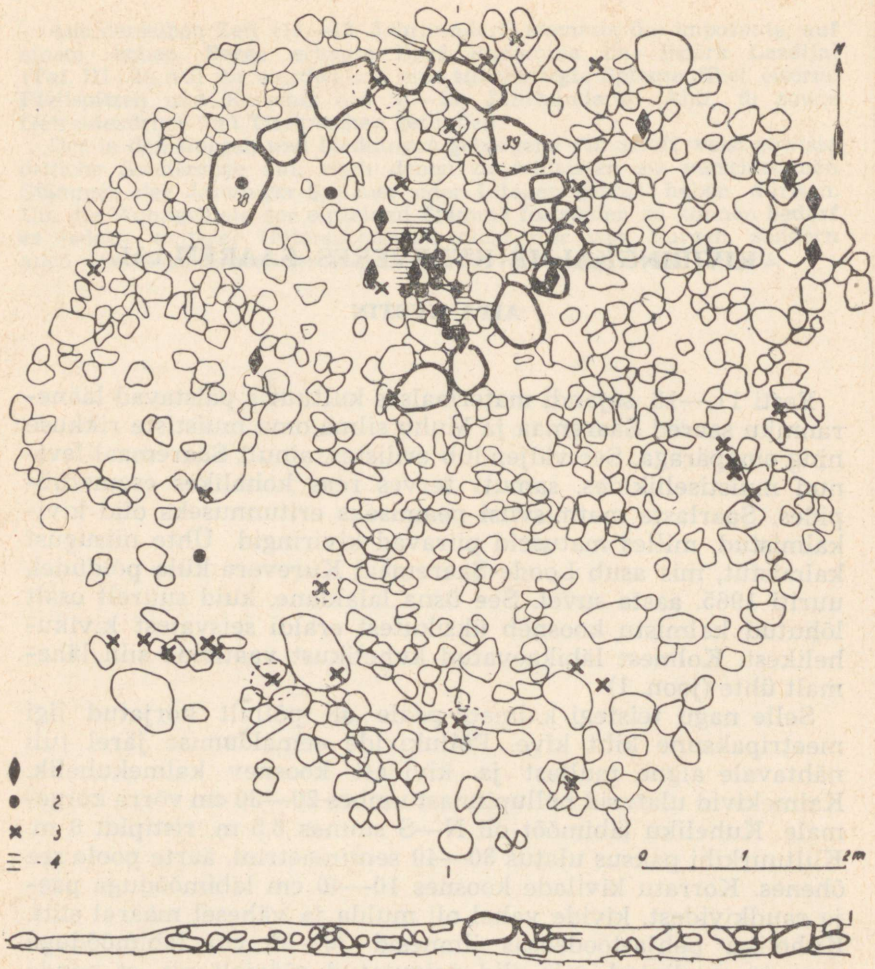
Der in den Burgen und Siedlungen geborgene Fundstoff weist gewisse örtliche Sonderzüge auf, nach denen zu schliessen sie verschiedenen Stämmen der Jatwinger-Sudauer oder Litauer gehört haben dürften. Um die Wohngebiete der einzelnen Stämme feststellen zu können bedarf es jedoch weiterer Untersuchungen nicht nur von Burgen, sondern auch von Grabstätten der ehemaligen Bevölkerung dieses Gebiets.

KIVIRINGKALME KUREVERES SAAREMAAL

AITA KUSTIN

Eesti 11.—13. sajandi materiaalses kultuuris paistavad läänerannniku saared Saaremaa ja Muhu silma oma muististe rikkuse ning omapäraga. See väljendub erilistes, ainult Saaremaal levinud muistiseliikides, samuti terves reas kohalikes esemetüüpides. Saarlaste matmisviisi peamiseks eritunnuseks olid kivikalmistud, milles matuseid piiravad kiviringid. Ühte niisugust kalmistut, mis asub Loode-Saaremaal Kurevere küla põldudel, uuriti 1965. aasta suvel. See üsna laialdane, kuid suurelt osalt lõhutud kalmistu koosneb üksikutest eraldi seisvatest kivikuhelikest. Kolmest läbikaevatud kuhelikust vaatleme siin lähemalt ühte (joon. 1).

Selle nagu teistegi kalmete peale oli põllult korjatud ligi meetripaksune kiht kive. Põllukivide eemaldamise järel tuli nähtavale algne mullast ja kividest koosnev kalmekuhelik. Kalmekivid ulatusid põllupinnast umbes 20—30 cm võrra kõrgemale. Kuheliku läbimõõt oli N—S suunas 8,5 m, ristipidi 8 m. Kultuurkihi paksus ulatus 30—40 sentimeetrini, äärte poole see õhenes. Korratu kivilade koosnes 10—40 cm läbimõõduga pae- ja raudkividest, kivide vahel oli mulda ja vähesel määral sütt. Kuheliku põhja-loodeosas ilmnesid 30—85 cm läbimõõduga pae- ja raudkivid, mis olid paigutatud sõõrjalt nii, et nende välisäär moodustas peaaegu pideva ringjoone, siseäär jäi aga ebakorrapäraseks. Kiviringi läbimõõt oli 3,6 m. Ringi edelaosa puudus. Et ka kivilade oli seal lünklik, tuleb arvata, et seda kalmeosa on juba enne põllukivide pealepanemist lõhutud. Ringikivide all oli kiviklibu ja sütt, kivide alumised küljed olid nõgised. Ringi sees oli samasugune väiksematest kividest lade nagu kuheliku muudes osades, kuid süsist mulda, põlenud luid ja leide esines seal rohkem. Nii oli metall-leidude koguarvust (24) $^{3}/_{4}$ kiviringi sees ja ainult $^{1}/_{4}$ sellest väljaspool. Kõik esemed olid katki ja kestvalt tules olnud. Nad paiknesid peamiselt ringi kesk- ja kaguosas. Tähtsamatena tuleks mai-



Joon. 1. Kurevere I kalme.
1 — pronksese; 2 — raudese; 3 — savinõukild; 4 — põlenud luud ja süsi.

nida rauast valjanaaste (leiud nr. 2, 3, 50, 52, 59)[1] ja rihmakandu (49, 51 jt.), pirnikujulise kontuuriga raudpandlaid (9, 54), hoburaudsõle ja võtme katkendeid (47), nuga (57) ning S-kujuliste lülidega varrasahelikku (13). Idapoolse ringikivi all oli mingi

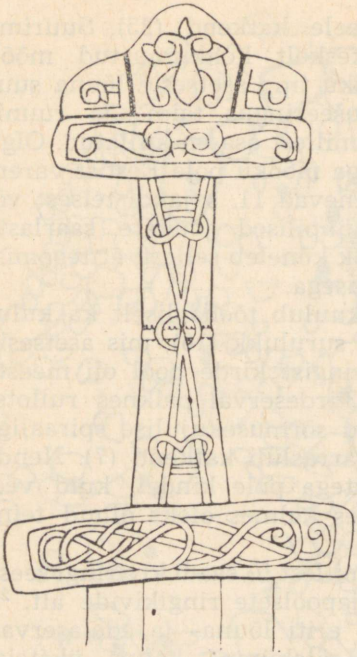
[1] Leiud AI 4368 : 1—59.

pronkseseme, arvatavasti rihmakeele katkend (25). Suurima läänepoolse ringikivi alt leiti keskelt kokkumurtud mõõk (joon. 2). Mõõga käepide ja teramiku tipp asetsesid lõuna suunas. Käepide on ilustatud hõbetaušeeringus taim- ja ruunikivistiili laadis loomornamendiga, millest osa on kullatud. Olgu märgitud, et teisi kuldamisjälgedega mõõku pole Eestist varem leitud. Kõik mainitud esemed pärinevad 11. sajandi teisest või 12. sajandi algupoolest ja on tüüpilised jõukate saarlaste kalmepanused. Eriti hinnaline mõõk kõneleb sellest, et tegemist on silmapaistvalt rikka mehe matusega.

Sama panustekompleksi hulka kuulub tõenäoliselt ka kulunud vöörõngas (10) ja silindriline surulukk (16), mis asetsesid kuheliku lõhutud edelaosas. Kiviringist kirde pool oli meeste noatupe otsanaast (18), kuheliku kirdeserval paiknes rullotstega hoburaudsõlg kaarele lükitud sõrmusekujulise spiraaliga (35) ja pronkstraadiga mässitud varraslüli katkend (7). Nende esemete seos surnud mehe panustega pole kindel, kuid veel vähem alust on oletuseks, et selles kalmes oleks olnud teine matus.

Kalmest leiti 183 savinõukildu, millest $^1/_3$ saadi kiviringi seest, peamiselt selle põhjaosast ja põhjapoolsete ringikivide alt, $^2/_3$ aga paiknes kuheliku ääreosades, eriti lõuna- ja edelaservas. Enamik kilde asetses paari kuni viiekümne kaupa üksteise lähedal koos (8, 12, 24, 39, 46). Kõik killud pärinevad käsitsi vormitud lamedapõhjalistest, veidi väljapoole pööratud võrikuga nõudest; mõne nõu kumer õlg on olnud ilustatud geomeetrilise joonornamendiga. Põlemisjälgi ühelgi killul ei ole, ka on nende paiknemine kalmes hoopis teistsugune kui metallesemetel. Seepärast ei saa neid tavalisteks panusteks arvata. Ilmselt on nad pärit nõudest, millega kalmele on toodud toitu kas matustele järgnenud peieteks või surnu hilisemate mälestamiste puhkudeks. Seda näikse kinnitavat ka toidujäätmed — üksikud põletamata loomaluude tükid, mis olid siin-seal savinõukildude lähedal.

Matuste käiku võib kujutleda üldjoontes järgmiselt. Surnu riietati ja ehiti pidulikult, talle anti kaasa ta isiklik varandus — mõõk ja võib-olla ta varakirstu sümbolina lukk ning võti; samuti pandi talle kaasa valjad, mis pidid esindama ratsahobust. Põletamine toimus kalmest eemal. Otsustades väheste tugevasti deformeerunud luude ja pooleldi sulanud metallesemete järgi põletati surnu suurel tuleriidal. Põletamisest järelejäänud luud ja esemed koguti kokku ning toodi kalmekohale. Nagu näitavad nõgised kivid ja söetükid, tehti kalmele enne matuseid tuld, et maapinda «puhastada». Maapinnas olevad kivid jäeti paigale, surnu põletamisest jäänud



Joon. 2. Hõbedaga ilustatud mõõgapide Kurevere I kalmest (AI 4368:38; $^1/_2$ loomul. suur.).

säilmed puistati nende vahele ja matmiskoha ümber asetati ringikujuliselt suured kivid. Tules terveks jäänud mõõk murti keskelt kokku ja kaeti suurima ringikiviga. On tähelepandav, et kõigis seni uuritud Saaremaa kiviringiga kalmetes on suuremad panused, nagu odad, vikatid jm., alati tahtlikult vigastatud ja ringikiviga kaetud. Ka mõõga asend pikkussuunaga N—S on arvatavasti traditsioonipärane. Nimelt oli ka teine terve mõõk, mis saadi Ida-Saaremaalt Viltina kivikalmest[2], samuti kokku murtud ja asetses kivi all, käepide lõuna suunas. Luud ja panused kaeti mulla ja väiksemate kividega nii, et matmiskohale tekkis väike kuhelik. Kuna savinõukilde esines niihästi ringikivide all kui ka kuheliku äärtes ja ülemiste kattekivide vahel, siis võib arvata, et peiesid peeti kogu matuste vältel, alates kalmekoha ettevalmistamisest kuni kuheliku valmimiseni.

Samal viisil olid surnud maetud ka teistesse 1965. aastal läbikaevatud kuhelikesse. Vahe oli ainult selles, et kiviringi neis kalmeis ei leitud. Et III-ndast kuhelikust vähemalt pool

[2] AI 3884 : 2925.

oli hävitatud, siis ei saa kindlasti öelda, kas seal kiviring on olnud või mitte. II kuhelikku oli maetud naine[3], III-ndasse mees[4]. Leiumaterjali järgi kuuluvad mõlemad 11. sajandi teise poolde või 12. sajandi algupoolde.

Möödunud sajandi teisel poolel, arvatavasti 1874. aastal, kaevas Kurevere kalmistut Kuressaare asjaarmastaja-arheoloog J. B. Holzmayer. Tema kirjeldab lähemalt kahte kuhelikku, milles kummaski oli kiviring ja mis sisaldasid metallesemeid.[5] Ühest kuhelikust leiti hõbedast hoburaudsõlg pahaga kaarel, hõbetatud ripats, mitu laia, kitsenevate otstega käevõru, vööketi katkend jm., mis annavad tunnistust maetud naise tähelepandavast jõukusest. See kalme kuulus 12. sajandi teise poolde.[6] Teine kuhelik sisaldas arvatavasti kahe eri aegadel maetud surnu põletussäilmeid. Siit leiti ažuurne linnumotiiviga ilustatud naast, odaots ja kolme kodaraga rihmajagaja, mis pärinesid mehelt. Ristpeaga rinnanõel, mille harud olid ühendatud, ja rõngassõlg pärinesid 13. sajandist ning kuulusid naisele või lapsele. Odaotsa asend kiviringi edelaääres näitab, et ringiga oli piiratud varasem, mehe matus. Vanim mehe panustest on skandinaaviapärane naast, mis kuulub 7. sajandisse.[7] Saaremaal võidi seda muidugi kanda ka mõnevõrra hiljem. Kuna Kurevere kalmest on saadud veel teisigi 7.—9. sajandisse kuuluvaid esemeid[8], siis pole võimatu, et mehe matmine juba nii vara aset leidis. Seda oletust toetab ka asjaolu, et Muhumaal Mäla kalmes, mille rikkalik inventar on dateeritud 8. sajandisse[9], oli põhiliselt samasugune kiviring nagu Kurevereski.

---

[3] AI 4368 : 60—136

[4] AI 4368 : 137—161.

[5] J. B. Holzmayer, Osiliana III. *Verh. GEG X*, Dorpat 1881, lk. 16—20.

[6] Enamik J. B. Holzmayeri väljakaevatud leidudest on kadunud, osa säilib AI K 75.

[7] B. Nerman, Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, del 40 : 1*, Stockholm 1929, joon. 35, lk. 36.

[8] Skandinaaviapärane naast, pildist. Nerman, joon. 39 ja moonikujuliste nuppudega ambsõle katkend (AI 2000 : 4). Olgu märgitud, et 1877. a. kaevas kolme Kurevere kuhelikku C. G. v. Sievers (leiud AI 2000 : 1—5), rida esemeid on kogutud sealt juhuslikult (AI 2805 : 1—11, 3822 : 452).

[9] Holzmayer, lk. 25—31; A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B VIII : 1*, Dorpat 1925, lk. 18; M. Schmiedehelm, Einige Funde der mittleren Eisenzeit in Estland. Księga Pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. Włodzimierza Demetrykiewicza pod redakcją prof. dr. I. J. Kostrzewskiego. Bibljoteka prehistoryczna, tom I, Poznań 1930, lk. 318—329.

Vanemaid teadaolevaid kiviringide taolisi moodustisi on tähele pandud Valjala Kirikuküla kalmistus. Neljast läbikaevatud raunast oli neid kahes.[10] Ühe ümmarguse rauna põhjas oli 2 m läbimõõduga ring, mis aga matustega ei paistnud seotud olevat. Teises piklikus raunas oli ring täidetud nõgise mullaga, leide esines ringikivide ääres ja kaugemal. Ka selle ringi otstarve jäi ebakindlaks. Ringide kõrval esines neis kalmetes ka poolringe ja kaarjaid kiviridu. Arvestades äärmiselt nappi leiumaterjali võib kõnesolevaid raunu dateerida tinglikult I aastatuhande algupoolde. Kurevere ja Mäla kiviringidega Kirikuküla ringid võrreldavad ei ole. Teistes Saaremaal seni uuritud I aastatuhande algupoolde kuuluvais kalmetes pole kiviringe tähele pandud, kui mitte arvestada Karuste kivikirstkalmet Sõrves, mis pärines 1.—2. sajandist.

II aastatuhande algussajandeile on kiviringid väga iseloomulikud; neljast viimastel aastakümnetel uuritud kalmistust esines neid kolmes, nimelt Käkus, Viltinas ja Randveres. Peale selle on J. B. Holzmayer leidnud 1872. aastal Muhus Päälda kivikalmes ühe ja 1874. aastal Kaarma Loona kalmes samuti ühe kiviringi.[11] Päälda ringiga kalme kuulub 12. sajandi lõppu või 13. sajandi algupoolde, Loona kalme 11.—12. sajandisse. Kõige järjekindlamalt on kiviringidega matuseid piiratud Käku kalmistus, mille seni läbiuuritud ala pärineb 11.—12. sajandist ja kus nähtavale tuli 11 ringiga ning ainult 4 ilma ringita matmiskohta. Ringe oli nii meeste kui naiste matmiskohtadel, paari suuremasse ringi olid maetud mees ja naine.

Ulatuslik, tervelt läbikaevatud Viltina kalmistu sisaldas ühe terve ja 7 või 8 osalist kiviringi, mis paiknesid peamiselt kalmistu idaosas ja pärinesid 11.—12. sajandist. Kaks osalist kiviringi kalme kagusopis on veidi hilisemad, kuuludes 12. sajandi lõppu või 13. sajandi algusse. Viltinas olid ringid tehtud hooletumalt kui Käku kalmistus. Katkendlike ringide hulga järgi võib arvata, et mõnikord ringi vahest ei ehitatudki lõpuni valmis, seda enam, et Viltinas juba kalme rajamisest peale matuste enamikku kiviringiga ei ümbritsetud. Suhteliselt väike Randvere kalmistu sisaldas vähemalt 5 osaliselt säilinud kiviringi, mis kõigiti sarnanesid nii Viltina kui Kurevere kalmistu ringidega.[12]

Kirjeldatud Saaremaa kiviringidele pole täpseid vasteid mujalt teada. Eesti mandril, eriti lääneosas, on küll kivikalmis-

[10] E. Ariste ja M. Schmiedehelmi aruanded Kirikuküla Tansi-Jaani kivikalme kaevamisest 1941. aastal AI-s.

[11] Holzmayer, lk. 10—13, 31—39.

[12] A. Kustin, Randvere kivikalmistu Saaremaal. Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II, Tallinn 1962, lk. 58—67.

tuid, kuid kiviringid neis puuduvad. Samuti esineb Kuramaa liivlastel lamedaid ning kuhelikutaolisi kivikalmeid, ent neiski ei ole leitud ringe. Seda ei tundnud ka Lääne- ja Lõuna-Soome hõimud, kes muidu sageli surnuid kivikalmetesse matsid.

Kõige lähemaid paralleele võime ringiga piiratud kalmeile leida Ojamaalt.[13] Seal on kiviringid umbes niisama suured ja samuti korrapärase välisküljega nagu Saaremaal. Aga peale põletusmatuste sisaldavad Ojamaa kalmed ka laibahaudu; surnu on maetud puu- või kivikirstus, mõnikord on hauda piiranud kivid või postid. Ojamaal on ringi keskel sageli kivituumik, mida Saaremaal üldiselt ei esine.[14] Rootsi arheoloogi M. Stenbergeri järgi tekkis kiviringiga kuhelikkalme Ojamaal 4.—5. sajandil ja sai 6.—7. sajandil eriliseks kohalikuks traditsiooniliseks kalmekujuks. Arvestades Ojamaa kiviringide vanust ja nende ehituse mõningaid iseärasusi, samuti püsivat suhtlemist mõlema saare rahva vahel, paistab võimalikuna, et ojamaalaste matmisviis saarlaste kalmete kujunemisele teatud mõju avaldas ja matmiskoha kiviringiga piiramise tava levikut kiirendas. Pealegi ei ole seni teadaoleva materjali alusel võimalik kindlasti väita, et kalmete piiramist kiviringiga oleks Saaremaal esinenud juba I aastatuhande algupoolel ja et see tava põlvneks veelgi varasemaist kivikirstkalmetest. On võimalik, et kiviringidega kalmeid tuli ette juba I aastatuhande teisel poolel, kuid lõplikult tõestatud see veel ei ole.

Kuigi Saaremaale iseloomulik tava piirata matus kiviringiga võis tekkida osalt väliseil eeskujudel, pidid selle juurdumiseks ja levimiseks olema kohalikud eeldused. Meil on rohkesti andmeid Saaremaa ainelise kultuuri tähelepandava tõusu kohta I aastatuhande teisel poolel. Sellest annab tunnistust kiiresti suurenev kalmete arv, mis võrreldes eelneva perioodi vastavate muististe arvuga kasvas kahekordseks. Arenesid mitmedkümned uued esemetüübid. Need viitavad ühtlasi tihenevatele ühendustele naabritega, semgalite, kuršide, Kuramaa liivlaste ja ojamaalastega. Materiaalse kultuuri silmapaistva tõusu eelduseks oli majanduse, eeskätt maaviljeluse areng. Majanduse areng omakorda ei võinud mõju avaldamata jätta ühiskondlikele suhetele. Toimus kiire sugukondliku korra lagunemine, kogukonnast eraldusid üksikud jõukad pered ja süvenes ühis-

---

[13] M. Stenberger, Das Gräberfeld bei Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland. Der wikingerzeitliche Abschnitt. *Acta Archaeologica, vol. XXXII, 1961*, Kopenhagen 1962, lk. 9—30.

[14] Kui usaldada J. B. Holzmayeri kirjeldusi, võiks niisugust tuumikut oletada Mäla ja Päälda kalmistus. Mõned suured nõgised paeplaadid olid püstakile Kurevere II kuhelikus, kuid seal polnud kiviringi.

kondlik-majanduslik diferentseerumine. Üksikmatuste piiramine kiviringiga on ilmselt selle protsessi üheks kaudseks väljenduseks. See traditsioon saavutas oma kõrgpunkti 11.—12. sajandil, selle juured peituvad aga eelneva aastatuhande ühiskondlikus arengus.

КУРГАН С КАМЕННЫМ ВЕНЦОМ В КУРЕВЕРЕ НА ОСТРОВЕ САРЕМАА

АЙТА КУСТИН

Резюме

Каменные могильники 11—13 веков на островах Сааремаа и Муху отличаются от подобных могильников материковой части Эстонии тем, что в них отдельные погребения нередко обложены венцом из крупных камней и тем самым выделяются из массы остальных захоронений. Автор вскрыл в 1965 году в Куревере на западе острова Сааремаа 3 плоских каменных кургана, из которых один, содержавший остатки трупосожжения мужчины, был обнесен каменным венцом (рис. 1). Погребение сопровождалось богатым инвентарем, включающим, между прочим, ценный меч, рукоять которого была отделана серебром и частично позолочена (рис. 2). Погребение датируется второй половиной 11 века или первой половиной 12 века. Обычай обносить отдельные погребения венцом из камней возник на названных островах, возможно, уже во второй половине I тысячелетия. Хотя возникновению этого обычая могло способствовать существование подобных могил на соседнем острове Готланд, его распространение объясняется, в основном, наличием местных предпосылок. Наблюдаемый с конца I тысячелетия быстрый подъем хозяйства обусловил углубление социальной дифференциации общества и повел к постепенному выделению малых семей из общины. Выражением этого процесса, очевидно, было и появление погребений, огражденных от массы других могил.

EINE GRABANLAGE MIT STEINRING IN KUREVERE, INSEL SAAREMAA

AITA KUSTIN

Zusammenfassung

Die Steingräberfelder des 11.—13. Jahrhunderts auf den Inseln Saaremaa (Ösel) und Muhu (Moon) weichen von den gleichzeitigen Steinsetzungen Estlands u. a. darin ab, dass hier die einzelnen Brandbestattungen nicht selten mit einem Ring aus grösseren Steinen umgeben sind und somit von den übrigen Beisetzungen abgesondert erscheinen. Die Verfasserin hat im J. 1965 in Kurevere, an der Westküste Saaremaas, drei flache Steinhügelgräber untersucht. In dem einen dieser

Hügel, der eine Männerbestattung barg, fand sich ein Steinkreis (Abb. 1). Das Grab war reichlich mit Beigaben ausgestattet und enthielt u. a. ein kostbares Schwert, mit silberverziertem, teilweise vergoldetem Griff (Abb. 2). Der Hügel gehört in die zweite Hälfte des 11. Jh. oder in die erste Hälfte des 12. Jh. Der Brauch einzelne Bestattungen mit einem Steinkreis zu umfrieden kam auf den genannten Inseln möglicherweise schon in der zweiten Hälfte des 1. Jahrtausends vor. Obgleich zum Entstehen dieses Brauchs gotländische Vorbilder mitgewirkt haben mögen, ist die Verbreitung dieser Erscheinung im Grunde genommen doch durch das Vorhandensein örtlicher Bedingungen zu erklären. Der am Ende des 1. Jahrtausends einsetzende Aufschwung der Wirtschaft führte zu einer tiefgreifenden sozialen Differenzierung der Gesellschaft und zum allmählichen Ausscheiden einzelner Kleinfamilien aus Sippe und Dorfgemeinde. Dies fand seinen Ausdruck offenbar auch in der Absonderung der Bestattungen einzelner wohlhabender Leute.

TEKSTIILIJÄLGEDEST KERAAMIKALEIDUDEL EESTIS

SILVIA LAUL

Eesti varasem arheoloogiline materjal on vaene tekstiilileidude poolest. Selle üheks põhjuseks on siin läbi meie ajaarvamise I aastatuhande püsinud surnute põletamise tava. Mõningaid järeldusi muistse riidevalmistamise tehnika kohta saab siiski teha keraamikal säilinud riidekoe jälgede põhjal.

Riidekoe jälgi leiame keraamikal alates hilisest neoliitikumist kuni m. a. I aastatuhande keskpaigani. Meie ajaarvamise eelsesse aega kuuluva keraamika hulgas on tekstiilkeraamikat suhteliselt vähe. Sellest on leitud mõned killud Akali, Kullamäe, Loona ja Tamula neoliitilisest asulast, Asva kindlustatud asulast ning Iru ja Otepää linnuse varasematest kihtidest[1], samuti Muuksi ja Loona kivikirstkalmetest[2].

Rikkalikult on tekstiilkeraamikat leitud aga Kagu-Eestist I aastatuhande esimesse poolde kuuluvatest tarandkalmetest.[3] Viimati nimetatud materjal ongi põhiliseks käesoleva kirjutise aluseks.

Eespool loetletud leiud näitavad, et riide valmistamise oskus saab Eestis tuntuks enam-vähem samal ajal kui mujalgi Ida-Euroopa metsavöötmes, kus teated riide valmistamisest ulatuvad II aastatuhande algusse e. m. a.[4] Ka meil kuulub kõige varasem tekstiilijälgedega keraamika Akali ja Kullamäe asulatest II aastatuhande esimesse poolde e. m. a.[5] Akali, Kulla-

---

[1] Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин 1959, lk 143 jj.; AI 4210; А. К. Виссар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline kogumik I, Tallinn 1955, lk. 120 ja 123; AI 3994; 4036.

[2] A. Vassar, Drei Steinkistengräber aus Nordestland. *ÕES Ar. 1937, I*, Tartu 1938, lk. 357, tahv. 20 : 8; AI 4210.

[3] Paali (AI 3235), Virunuka (AI 4161, 4262), Sadrametsa (AI 4252 ja Valga Koduloomuuseum).

[4] А. Я. Брюсов, «Сетчатая» керамика. *СА XIV*, Москва-Ленинград 1950, lk. 302.

[5] Янитс, Поселения, lk. 300—301.

mäe ja Loona asulates savinõude valmistamisel kasutatud riie on olnud võrdlemisi ühtlase koega (tahv. IV : 1; V : 1, 10). See on valmistatud labases, s. o. kõige lihtsamas tehnikas, kus üks koelõng ristleb ühe lõimelõngaga. Igas järgmises reas on koelõnga kohal lõim ja lõime kohal kude (joon. 1 : 2). Riie on olnud küllalt tihe, sisaldades cm^2 kohta 3—5 koe- ja lõimelõnga. Seejuures on koe- ja lõimelõngad olnud enam-vähem ühejämedused. Jälgi labasest koest on ka kahel teisel Tamula ja Kullamäe asulast leitud savinõukillul.[6] Kude koosneb siin kahekordsest peenikesest korrutamata lõngast (tahv. IV : 5; V : 5). Ühes cm^2-s on 3 koe- ja 4 lõimelõnga. Samasuguse labase koe jälgi on samuti Läti kiviaja asulatest leitud keraamikal.[7]

Kirjeldatud tekstiilkeraamikast hilisem on savinõu põhjatükk Akali asula hilisematest kihtidest. Selle ühele küljele on vajutatud hõreda koe jäljed, kus koe- ja lõimelõngad ristlevad üksteisega ebakorrapäraselt (tahv. IV : 2; V : 2). Kohati on märgata kahekordset korrutamata lõnga. Teisel küljel olevad vajutused on tehtud ilmselt põimimistehnikas valmistatud riidega.

Põimimine on riidevalmistamise tehnika varasemaid astmeid, kus kahekordne kude on põimitud ümber lõimelõngade (joon. 1 : 1). A. Götze, uurides Šveitsist Robenhauseni asulast leitud tekstiili jäänuseid, selgitas ühtlasi põimimise viise.[8] Näib, et meilgi on olnud tuntud samasugune põimimisviis.

Kindlustatud asulatest ja kivikirstkalmetest leitud keraamikal säilinud vajutused on tehtud samuti labase riidega. Mõnedel Asva ja Iru savinõukildudel[9] olevad vajutused sarnanevad täielikult eespool kirjeldatud neoliitilise labase koe jälgedega.

Asva savinõudel on aga labase koe jälgi, mis on eriti tüüpilised meie ajaarvamise I aastatuhande esimesele poolele, nagu näeme allpool. Tegemist on siin nn. labase koeripstehnikaga, kus peened lõimelõngad asetsevad hõredalt, jämedamad koelõngad katavad aga lõime täielikult, moodustades piki kangast kulgevad jooned (joon. 1 : 3). Ühel Asva tekstiilil on kude olnud korrutamata kahekordsest, teisel kolmekordsest lõngast[10] (tahv. V : 9). Ühel Muuksi kivikirstkalmest leitud savinõul on samas tehnikas kootud riide jäljed, siin on aga kude olnud ühekordne ja peenem, mistõttu riie on olnud hõredam.

---

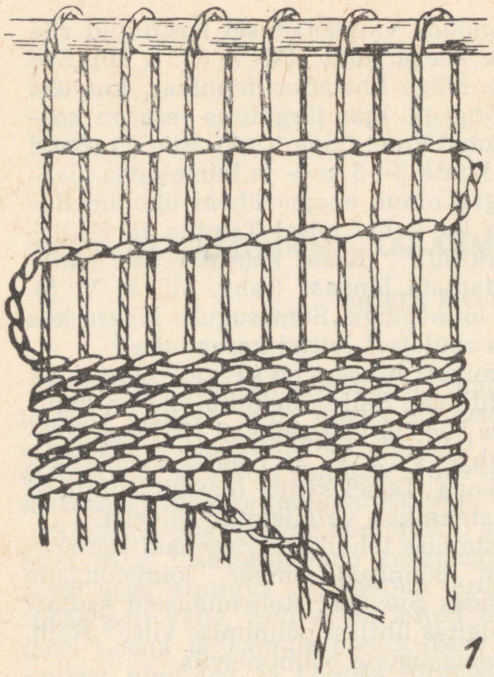
6 AI 4118 : 3335; 4045 : 511 (tahv. IV : 5).

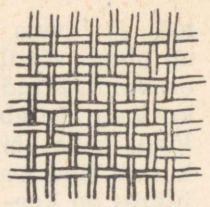
7 A. Zariņa suulistel andmetel on Akali ja Kullamäe ning Kreiči asulatest leitud keraamika vormimisel kasutatud riie omavahel täiesti sarnane.

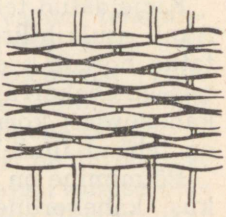
8 A. Götze, Brettchenweberei im Altertum. *Zeitschrift für Ethnologie*, Berlin 1908, lk. 483—485.

9 AI 3994 : 614; 3428 : 1223.

10 AI 4366 : 312; 3994 : 1278.







Joon. 1. Riide põimimise skeem A. Götze järgi (1); labase koe skeem (2); koeripsi skeem (3).

I aastatuhande esimesest poolest on meil, eriti Eesti kaguosast, materjali tekstiilkeraamika näol tunduvalt rohkem kui varasemast ajast. Selleaegsetel savinõutükkidel olevatest koejälgedest kuulub enamus eespool kirjeldatud labases koeripstehnikas kootud riidele. Erinevusi on seejuures lõngade jämeduses ja koe tiheduses. Kui koelõngad olid jämedamad, on ka riie ise olnud paksem ja tihedam. Jäme kude on tavaliselt võetud ühekordsena (tahv. IV : 6; V : 6). Sellisel juhul on cm^2-s 3 koe- ja 3 lõimelõnga (lõim on peenikene, kuid üles veetud hõredalt). Peenikese lõnga puhul on koeks kaks või kolm lõnga kõrvuti ilma korrutamata kokku pandud (tahv. IV : 7; V : 7).

Labase koe kõrval on riide valmistamiseks endiselt kasutatud põimimistehnikat. Enamasti on tegemist küllaltki peentest lõngadest valmistatud tiheda põimikuga (tahv. IV : 4; V : 4). Selliste koejälgedega savinõukildude arv on võrreldes teiste hulgaga siiski väike. Mõnel juhul võib näha savinõukillult

tehtud tõmmise pinnal pikki lõngu, mis on omavahel lõdvalt seotud (tahv. IV : 3; V : 3). Seda laadi vajutused on võrdlemisi õrnad, mistõttu pole päris selge, millisel viisil lõngade ühendamine omavahel on toimunud. Võimalik, et siin on kasutatud teistsugust põimimist, nimelt lõimelõngade ristamise teel. Selliselt valmistatud koe jälgi on tähele pandud näiteks Saksamaal Rosslau piirkonnast leitud neoliitilistel savinõudel.[11] Eesti etnograafilises materjalis on võrkvööd kootud selles tehnikas.[12]

Mõnikord on savinõu vormimisel mähitud lõnga või nööriga. Ühel killul on näha kahekordseks korrutatud lõnga jäljed. Lõng on olnud ebaühtlase jämedusega. Korrutatud lõngast on jälgi ka teisel savinõukillul (tahv. IV : 8; V : 8), kus lõng on olnud peenikene ja võrdlemisi ühtlase jämedusega.

Savinõude vormimisel kasutatud tekstiili materjali kohta otseseid tõendeid ei ole, kuna savinõude pinnal on meil tegemist ainult koe negatiiviga. Küll aga võib arvata, et selleks otstarbeks on enamasti kasutatud taimede, lina- ja kanepikiududest[13] valmistatud riiet. Lina kasvatamisest on meil tõendeid juba I aastatuhandest e. m. a.[14] On võimalik, et kasutati ka nõgese- või niinekiudu. Seda on mitmed tekstiiliuurijad võimalikuks pidanud.[15] Villast riiet ilmselt kasutatud ei ole, kuna vajutused on enamasti sügavad ja teravad. See eeldab tugevama ja jäigema materjali kasutamist, kui seda on villane riie. On avaldatud arvamist, et jäljed savinõu pinnal on seetõttu reljeefsed, et nad on vajutatud märja taimekiududest riidekoega.[16]

Eelneva põhjal võime öelda, et riide valmistamise oskus labases koetehnikas oli tuntud juba meie ajaarvamise eelsel II aastatuhandel. I aastatuhandel e. m. a. on kasutatud tavalise labase koe kõrval ka koeripstehnikas valmistatud kudet, mida võime keraamikaleidude põhjal jälgida kuni m. a. I aastatuhande keskpaigani. Samal ajal on valmistatud riiet ka primitiivsemas, põimimistehnikas. Kuna põimimist esineb labase koetehnika kõrval veel m. a. I aastatuhande esimesel poolel, siis võib arvata, et varasemal perioodil on seda riidevalmista-

---

[11] K. Schlabow, Abdrücke von Textilien an Tongefässen der Jungsteinzeit. *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte, Band 44*, Halle (Saale) 1960, lk. 52, joon. 1, tahv. 10.

[12] Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult. Tallinn 1957, lk. 230.

[13] Kanepi kasutamise võimalusele on lähemalt autori tähelepanu juhtinud A. Moora.

[14] Васcар, Укрепленное поселение Асва, lk. 120.

[15] M. Ember, Die Textilabdrücke auf den Tószeger Gefässen aus der Bronzezeit. *Acta archaeologica, T. II*, Budapest 1952, lk. 141.

[16] Sealsamas, lk. 140; Schlabow, Abdrücke von Textilien, lk. 51.

mise viisi kasutatud rohkem. Et meie ajaarvamise eelsest ajast tekstiilkeraamikat on seni vähe, siis see eesti materjalides ei kajastu. V. Brjussov, uurides Ida-Euroopa metsavöötme varasemat tekstiilkeraamikat, toob hulgaliselt andmeid põimimise kui riidevalmistamise varaseima viisi kohta.[17]

Varasema labase koe kohta on raske öelda, kas selle valmistamiseks on kasutatud juba mingisuguseid kangaspuid. Hilisema, koeripstehnikas tehtud riide kohta võib juba kindlusega väita, et see on kootud kangaspuudel, kuigi otseseid tõendeid nende olemasolu kohta selleaegses arheoloogilises materjalis veel ei ole. Kangaspuude olemasolu kinnitab aga asjaolu, et kude on ilma vigadeta ja ühtlane. Püstkangaspuude ehk nn. kangasjalgade juurde kuuluv savist raskusvihik Iru linnamäelt on juba I aastatuhande teisest poolest.[18]

Ainult savinõude pinnal leiduvate jäljendite põhjal ei oleks õige otsustada tolleaegse kudumisoskuse taseme üle. Nagu vajutusjälgedest võib näha, on savinõude vormimisel kasutatud eeskätt taimekiududest ja lihtsas koetehnikas valminud jämedat riiet. Läti NSV edelaosast m. a. esimestest sajanditest pärinevast Rucava kalmistust on näiteks leitud villase riide jäänuseid, mis on kootud toimselt.[19] See riie on olnud palju õhem ja peenem, sisaldades ühe ruutsentimeetri kohta 9—11 lõime- ja 9—13 koelõnga. Ei ole põhjust kahelda, et Eesti alalgi valmistati tol ajal samasugust riiet, kuid seda ei kasutatud savinõude pinna kujundamise otstarbeks.

---

[17] Брюсов, «Сетчатая» керамика, lk. 287—302.

[18] A. Vassar, Iru Linnapära. Muistse Eesti linnused. 1936.—1938. a. uurimiste tulemused. Tartu 1939, joon. 34.

[19] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil. *ÕES Toim. XXIX*, Tartu 1938, lk. 574 jj.

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ОТПЕЧАТКИ НА ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКЕ ИЗ ЭСТОНИИ

СИЛЬВИЯ ЛАУЛЬ

Резюме

Древнейшим свидетельством существования тканей в пределах территории Эстонии являются их отпечатки на стенках глиняной посуды, встречающиеся с позднего неолита вплоть до середины I тысячелетия н. э. Из II тысячелетия до н. э. до нас дошли отпечатки тканей простого полотняного переплетения (рис. 1 : 2; табл. IV : 1; V : 1,10). Наряду с этого рода тканями вплоть до середины I тысяче-

летия встречаются отпечатки репсовой ткани (рис. 1 : 3; табл. IV : 6, 7; V : 6, 7, 9). На обломках сосудов, датируемых первой половиной I тысячелетия н. э., наблюдаются также отпечатки плетеного текстиля (рис. 1 : 1; табл. IV : 4; V : 4).

Раньше примитивная техника плетения тканей, вероятно, применялась чаще. Отпечатки вдавлены грубыми тканями, изготовленными простейшими приемами, видимо, из растительных волокон. Жесткие ткани из растительных материалов давали лучшие отпечатки, чем мягкие шерстяные ткани. Тонкие ткани саржевого переплетения, существование которых доказывается могильными находками первых веков н. э., не применялись при изготовлении глиняных сосудов.

TEXTILEINDRÜCKE AUF KERAMIKFUNDEN IN ESTLAND

SILVIA LAUL

Zusammenfassung

Die ältesten Belege für das Vorhandensein von Geweben im estnischen Gebiet sind auf Tongefässen auftretende Abdrücke von Textilien, die vom Spätneolithikum bis zur Mitte des 1. Jahrtausends u. Z. vorkommen. Für das 2. Jahrtausend v. u. Z. sind in Leinwandbindung hergestellte Gewebe bezeugt (Abb. 1 : 2; Taf. IV : 1; V : 1, 10). Daneben kam bis zur Mitte des 1. Jahrtausends u. Z. Bandwebetechnik (Tuchbindung) vor (Abb. 1 : 3; Taf. IV : 6, 7; V : 6, 7, 9). Auf Tongefässscherben, die der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. angehören, finden sich auch Eindrücke von Geflechten (Abb. 1 : 1; Taf. IV : 4; V : 4). Die an sich primitive Flechttechnik dürfte in früheren Zeiten öfter angewandt worden sein. Die Eindrücke scheinen von aus Pflanzenfasern in den einfachsten Techniken hergestellten Geweben herzurühren, da solche groben und rauhen Stoffe die besten Eindrücke ergaben. Für die ersten Jahrhunderte u. Z. sind im Baltikum durch Grabfunde auch feine, geköperte Gewebe belegt. Solche Gewebe sind aber bei der Anfertigung von Tongefässen nicht angewandt worden.

ZUR GESCHICHTE DER BRONZEZEITLICHEN METALLINDUSTRIE IN ESTLAND

V. LÕUGAS

In Estland ist die Anzahl der bronzezeitlichen Metallfunde gering: 25 Gegenstände sind als Gelegenheitsfunde gehoben worden, 3 stammen aus Gräbern, 11 weitere aus befestigten Siedlungen. Insgesamt liegen also 39 Bronzegegenstände oder deren Bruchteile vor. Die meisten dieser Gegenstände vertreten Typen, die aus den benachbarten Gebieten mit höherentwickelter bronzezeitlicher Kultur bekannt sind. Infolgedessen herrschte lange die Vorstellung, dass in Estland die Kultur in dieser Periode jeglicher Selbständigkeit entbehrt hätte.[1]

Die Ausgrabungen der befestigten Siedlungen von Asva, Iru und Ridala haben zahlreiche Bruchstücke tönerner Gussformen und andere mit Bronzeguss verbundene Gegenstände ergeben.[2] Dadurch hat sich die Zahl der von der Metallkultur zeugenden Funde, die bisher allein aus Bronzen bestand, beträchtlich vergrössert. Die entsprechenden Funde aus den befestigten Siedlungen verteilen sich wie folgt:

Siedlung	Ausgegrabene Fläche m²	Bruchstücke von Gussformen	Sonstige Giesserausrüstung u. -funde
Iru	ca 100	39	—
Asva	415,5	673	20
Ridala	386	58	—

[1] M. Ebert, Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland 1913. *Praehistorische Zeitschrift, Bd. V*, Leipzig 1913, S. 498 ff.; A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis. I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B III : 6*, Dorpat 1922, S. 77 ff.; E. Šturms, Die Kulturbeziehungen Estlands in der Bronze- und frühen Eisenzeit. *Sb. GEG 1932*, Tartu 1935, S. 245 ff.

[2] R. Indreko, Asva linnus-asula. Muistse Eesti linnused. 1936.—1938. a. uurimiste tulemused, Tartu 1939, S. 17—52; A. Vassar, Iru Linnapära. Muistse Eesti linnused, S. 53—100; А. К. Бассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline kogumik I, Tallinn 1955, S. 133—137.

Gussformen. Die in den befestigten Siedlungen gefundenen Gussformen bestehen aus mit feinem Sand gemischtem Ton. In überwiegender Mehrzahl der Fälle — bis 98% aller Funde — handelt es sich um Bruchstücke von «verlorenen» Formen.

R. Indreko hat die in Asva geborgenen Gussformen vor allem mit denen der Lausitzer Kultur in Zusammenhang gebracht.[3] Die neuen in Mittel-, Nord- und Osteuropa gemachten Funde zeigen, dass das gleiche Giessverfahren in der jüngeren Bronzezeit recht weit verbreitet war und nicht nur mit dem Lausitzer Gebiet verbunden zu sein brauchte. Eine Gussform derselben Art, wie die aus den genannten befestigten Siedlungen vorliegenden Formen, ist auch in einem in der Nähe der steinzeitlichen Siedlung von Narva liegenden Hügel zusammen mit Tongefässscherben des frühen Metallalters gefunden worden.[4] Ähnliche Gussformen sind ferner in Lettland (Klaŋģukalns, Asote, Dignāja, Tērvete, Sārumkalns, Reznes)[5] und in Nordostlitauen (Vėlykuškiai, Moškėnai, Pakačinė)[6] angetroffen worden.

Die Überreste von Formen zum Giessen von Ringen mit rundem Querschnitt (Abb. 1 : 1, 3, 9 usw.) vertreten die häufigste Art der in den befestigten Siedlungen vorkommenden verlorenen Gussformen. Nach den besser erhaltenen Bruchstücken zu schliessen hat der Querschnitt der Ringe zwischen 4—10 mm geschwankt. Meistens waren es 5—6 mm starke Ringe. Von den Ringen selbst ist nur ein Bruchstück eines 5 mm starken Ringes in Asva gefunden worden.[7] Eine ganze Anzahl von Bruchstücken eines ähnlichen Ringes liegt aus dem Steinkistengrab von Strazdi in Lettland vor.[8] Es ist ein unornierter Armring mit offenen, sich etwas verjüngenden Enden gewesen. Die Mehrzahl der in den befestigten Siedlungen Estlands gegossenen Ringe wird dem Ring von Strazdi ähnlich gewesen sein. Einzelne Ringe scheinen auch andersartig gestaltete Enden gehabt zu haben (Abb. 1 : 4). Mehrere in Iru

---

[3] Indreko, S. 42.

[4] AI 4305 : 1.

[5] И. В. Дайга, К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии. *CA 1960, № 3*, S. 78 ff.; Э. П. Бривкалне, Городище Тервете и его историческое значение. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, Москва 1959, S. 267, Abb. 12 : 1.

[6] J. Antoniewicz, Osiedla obronne okresu wczesnożelaznego w Prusach. *Świątowit, XXV* (1964), S. 193, Abb. 16.

[7] AI 3799 : 160.

[8] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tafeln zum I. Teil. *ÕES Toim. XXV*, Tartu 1929, Taf. I : 4.

Abb. 1. Bruchstücke von Gussformen aus den befestigten Siedlungen Estlands.
1,2 — Iru (AI 3428:1280, 1250); 3—13 — Asva (AI 3994:1613; 4366:207; 3799:132; 4012:138, 43, 60, 87; 3799:198; 3994:596; 4366:884; 3799:122); 14 — Ridala (AI 4261).

und Asva gefundene Gussformenfragmente, die von gegossenen Ringen abgezogen worden sind, ohne die Form der Länge nach zu zerschlagen, zeugen davon, dass viele von den in unseren befestigten Siedlungen gegossenen Ringen jeglicher plastischen Verzierung entbehrten, d. h. an den Enden keine Wulstringe hatten (Abb. 1:1).

Ausser den erwähnten Ringen gab es jedoch auch Ringe, von etwa derselben Grösse und Form, die an den Enden verziert

waren. Da auch bei diesen Ringen der Reif meistens unorniert blieb, ist es unmöglich nach den dem mittleren Teil des Reifes entsprechenden Bruchstücken der Gussform zu entscheiden, ob sie von Formen für Ringe der einen oder anderen Art stammen. Deshalb erscheint die Anzahl der Gussformen für völlig unornierte Ringe uns vermutlich grösser als sie in der Tat war.

Die häufigste Verzierung der Ringe bestand aus einzelnen, paar- oder gruppenweise angebrachten Querwülsten an den Enden, manchmal auch auf dem mittleren Teil des Reifes (Abb. 1 : 9). Diese Art von Verzierung ist auch in Polen, in der jüngeren Fundschicht der Lausitzer Siedlung von Biskupin vorherrschend gewesen.[9]

Nach den Bruchstücken mehrerer Gussformen zu schliessen wurden ausser gewöhnlichen ovalen oder runden Ringen Ringe mit gewelltem Reif (Abb. 1:7) und auch solche mit sich verzweigendem Reif gegossen[10]. Das in Abb. 1 : 5 wiedergegebene Bruchstück zeigt, dass es Ringe von rundem Querschnitt gab, die über- oder nebeneinander greifende Enden hatten. Die runden Enden dieser Ringe gingen stumpf aus und waren unorniert.

Seltener kommen Überreste von Gussformen für Armringe von grösserem Querschnitt vor (die möglicherweise hohl waren, s. Abb. 1 : 10). Der Hohlraum dieser Gussformen wird im Querschnitt mindestens 1,5 cm betragen haben. Abb. 2 : 5 zeigt den einen von den in Asva gefundenen drei vermutlichen Kernen zu solchen Gussformen. Der vorliegende Kern stammt wohl von einer Form für einen Armring mit offenen Enden und C-förmigem Querschnitt. Kerne derselben Art sind auch aus Biskupin bekannt.[11] Die Spektralanalyse erwies allerdings, dass Ton dieses Kerns Kupfer, Zinn und Zink bloss in Mengen enthält, die dem Gehalt an diesen Metallen im natürlichen Ton nahe liegen.

Die in Abb. 1 : 8 wiedergegebene Gussform hat zum Giessen eines etwa 1 cm breiten hohlwandigen Armringes mit abgesetzten Rändern gedient. Die abgesetzten Ränder sind gleich der Mitte des Reifes hohlwandig gewesen.

Ausser Armringen von rundem Querschnitt sind flache und bandartige Ringe gegossen worden (Abb. 1 : 6).

Auch zum Giessen gerader kantiger Stäbchen sind verlorene Formen gebraucht worden (Abb. 1 : 11, 12, 14). Abb. 1 : 3 zeigt

[9] Z. Pieczyński. Formy i przybory odlewnicze z grodu kultury luzyckie w Biskupinie. III Sprawozdanie, Poznań 1950, Abb. 6, 17, 21.

[10] AI 4012 : 143.

[11] Pieczyński, Abb. 6.

das Bruchstück einer eigenartigen verlorenen Form, deren Ende offen und gerade abgeschnitten ist.

Tabelle 1 gibt die Ergebnisse der Spektralanalyse von aus 7 verlorenen Gussformen stammenden Tonproben wieder. Der zu analysierende Stoff wurde der Wandung des Hohlraumes der Gussformen entnommen, in der man Spuren des geschmolzenen Metalls erwarten konnte. Die Ergebnisse der Analyse dieser Tonproben sind in der Tabelle dem durchschnittlichen Gehalt an Metallen der natürlichen aus der Umgebung von Asva stammenden Lehmarten gegenübergestellt. Die Analysen wurden vom wissenschaftlichen Mitarbeiter des Instituts für Geologie an der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR E. Pirrus ausgeführt, der die Veröffentlichung der Resultate seiner Versuche gefälligst gestattet hat. Aus der Tabelle ist zu ersehen, dass die Analyse der Substanzproben fast aller Gussformen einen erhöhten Gehalt an Kupfer und Zinn aufweist. Der Gehalt an Zink dagegen verbleibt innerhalb derselben Grenzen wie im natürlichen Lehm.

Verlorene Gussformen derselben Art wurden in grösserer Anzahl auch in Biskupin gefunden. Von den 698 in Biskupin geborgenen Bruchstücken von Gussformen rühren die meisten (391) aus der älteren (lausitzer) Siedlungsperiode und eine geringere Anzahl (196) aus der jüngeren Siedlungsperiode her (die Fundumstände von 111 Exemplären sind unbekannt). Stratigraphisch stammen die dortigen Gussformen aus den Schichten III—VI (die meisten aus den Schichten IV—VI).[12] Die Entstehung der III. Schicht wird in den Ausgang der Hallstattzeit und in den Anfang der La-Tène-Zeit gesetzt.[13] Dies könnte eine Grundlage für die Datierung entsprechender ostbaltischer Siedlungsfunde abgeben.

Ausser Bruchteilen von hohlen Gussformen, die für einmaligen Giessen bestimmt waren, sind in Asva auch Überreste zweiteiliger Schalenformen gefunden worden. Diese sind ebenfalls aus dichtem Ton wie der einteiligen Formen gleicher Art gefertigt. Sie bestehen aus zwei symmetrischen Hälften, die beim Giessen fest aneinander gebunden wurden. Soweit im Gussstück eine Hohlstelle auszusparen war, gehörte zu diesen Formen ein Kern. Die zweiteiligen Gussformen könnten grundsätzlich wiederholt benutzt werden. Aber einige folgend zu erwähnenden Beobachtungen lassen annehmen, dass auch diese Formen gewöhnlich nicht mehr als ein- oder zwei-

[12] Pieczyński, S. 114, 127.

[13] B. Balcer, Wyniki prac wykopaliskowych 1959 r. na stanowisku 4 w Biskupinie, pow. Znin. *Wiadomości Archeologiczne, XXIX : 4* (1963), S. 351.

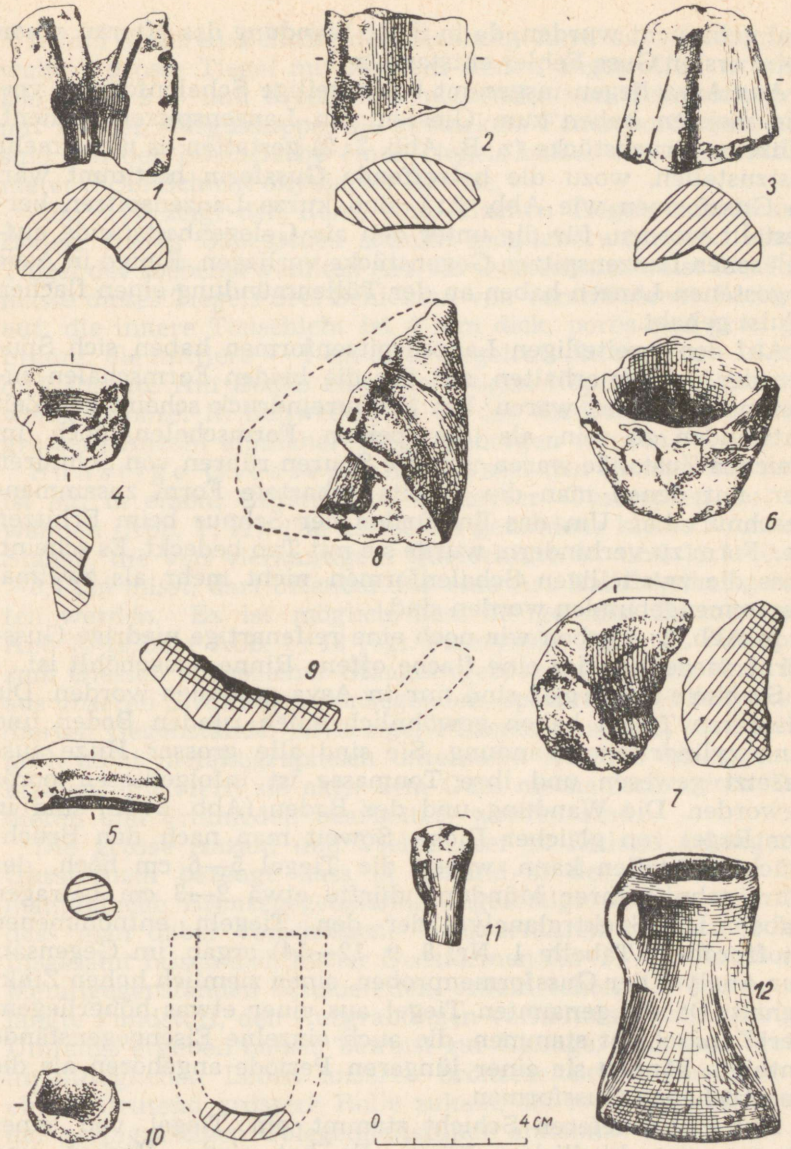


Abb. 2. Bruchstücke von Gussformen und Tiegeln sowie andere Funde aus den befestigten Siedlungen Estlands.
1—3, 5—7, 10, 11 — Asva (AI 4012:66, 129; 3994:1586; 3799:68, 366; 3994:635; 3658:638; 3799:24); 8, 9 — Asva, Grabung 1949, Quadr. 6—7/c; 4, 12 — Ridala (AI 4329:681,1).

mal gebraucht wurden, da in ihrer Wandung des öfteren schon beim ersten Guss Fehler entstanden.

Aus Asva liegen insgesamt 9 zweiteilige Schalenformen vor. Die meisten haben zum Giessen von Lanzenspitzen gedient. Einzelne Bruchstücke (z. B. Abb. 2 : 2) gestatten es nicht mehr festzustellen, wozu die betreffende Gussform bestimmt war. In Gussformen wie Abb. 2 : 1 sind kurze Lanzenspitzen hergestellt worden, für die unter den als Gelegenheitsfunde aufgelesenen Lanzenspitzen Gegenstücke vorliegen. Einige in Asva gegossenen Lanzen haben an der Tüllenmündung einen flachen Wulst gehabt.

Auf den zweiteiligen Lanzenspitzenformen haben sich Spuren der Schnur erhalten, mit der die beiden Formschalen zusammengebunden waren. Ein Schnureindruck scheint zur Zeit entstanden zu sein, als die beiden Formschalen noch im weichen Zustande waren. Andere Spuren rühren von Schnüren her, mit denen man die bereits erhartete Form zusammengeschnürt hat. Um das Entzünden der Schnur beim Erhitzen der Form zu verhindern, wurde sie mit Ton bedeckt. Es scheint, dass die zweiteiligen Schalenformen nicht mehr als zweimal zusammengebunden worden sind.

In Abb. 2 : 4 geben wir noch eine reifenartige niedrige Gussform wieder, in der eine flache offene Rinne ausgehöhlt ist.

Schmelztiegel sind nur in Asva gefunden worden. Die kleineren Tiegel haben gewöhnlich einen runden Boden und eine zylindrische Wandung. Sie sind alle grosser Hitze ausgesetzt gewesen und ihre Tonmasse ist infolgedessen porös geworden. Die Wandung und der Boden (Abb. 2 : 10) sind in der Regel von gleicher Dicke. Soweit man nach den Bruchstücken urteilen kann, waren die Tiegel 5—6 cm hoch, der Durchschnitt ihrer Mündung dürfte etwa 2—3 cm betragen haben. Die Spektralanalyse der den Tiegeln entnommenen Stoffproben (Tabelle 1, Nr. 8, 9, 12—14) ergab, im Gegensatz zur Analyse der Gussformenproben, einen ziemlich hohen Zinkgehalt. Da die genannten Tiegel aus einer etwas höherliegender Fundschicht stammen, die auch einzelne Eisengegenstände enthielt, können sie einer jüngeren Periode angehören als die besprochenen Gussformen.

Aus einer tieferen Schicht stammt ein Tiegel von einer etwas unterschiedlichen Form. Er hat einen flachen und dicken Boden und eine eiförmige Hohlstelle. Auch scheint er keiner grösseren Hitze ausgesetzt gewesen zu sein. Sowohl seine Aussen- wie Innenfläche ist silbergrau. Die Spektralanalyse (Tabelle 1, Nr. 10) erwies, dass seine Tonmasse mehr Kupfer und Zink enthält als die der meisten übrigen Tiegel.

In der unteren Schicht der Siedlung Asva sind auch noch weitere grosse Tiegel mit flachem Boden angetroffen worden. Die Abb. 2 : 8 und 9 zeigen Bruchstücke von Schmelztiegeln mit flacher Ausgusslippe, die in starkem Feuer porös gebrannt sind. An der Innenfläche eines Tiegels haftet eine paar Millimeter dicke Schicht oxydierter Bronze.

Abb. 2 : 7 zeigt den Rand eines flachen Tiegels mit dickem Boden. Dieses Bruchstück stammt möglicherweise von einem Tiegel der soebenerwähnten Art. Im Querschnitt weist die Tonmasse dieses Tiegels drei Schichten von verschiedener Färbung auf: die innere Tonschicht ist 4 mm dick, porös und grau gebrannt, die mittlere — 1 cm dick, ziegelrot, die äussere — 6 mm dick, braun. Am Boden eines derartigen Näpfchens haftet ein wenig Bronze. In Schweden ist in der Siedlung Skälby eine grössere Anzahl ähnlicher Tiegel geborgen worden.[14]

Sonstige Giesserfunde. Unter den Funden aus Asva ist ein in einem Gusstrichter erstarrter Gusszapfen zu erwähnen (Abb. 2 : 11). Die dortselbst gefundene kleine bronzene Stange, die von vierkantigem Querschnitt ist und 11,7×0,4××0,4 cm misst, darf offenbar für eine Art Halbfabrikat gehalten werden. Es ist möglich, dass die geraden Formen wie Abb 1 : 12 oder Abb. 1 : 13 (vgl. Pieczyński, Abb. 13, Biskupin) zum Giessen ebensolcher Stangen gebraucht worden sind. Die aus unseren Siedlungen vorliegenden spätbronzezeitlichen tordierten Gegenstände: Armringe, Pfrieme u. a. dgl., sind leider noch nicht metallographisch untersucht worden, um sagen zu können, inwiefern sie nach dem Guss mechanisch durch Tordieren und Schmieden bearbeitet worden sind.

Die grosse Anzahl und Vielfalt der in Estland geborgenen Gussformen bezeugt, dass in Estland in der fraglichen Zeit mannigfache Bronzegegenstände angefertigt worden sind und dass man dabei verschiedene Gussverfahren angewandt hat. Insgesamt lassen sich bisher Gussformen für 17—18 Arten von Metallgegenständen festzustellen. Allein schon der bisher erlangte Fundstoff, den Ausgrabungen verhältnismässig geringen Umfangs ergeben haben, beweist zur Genüge, dass dem Metall im alltäglichen Leben unserer bronzezeitlichen Bevölkerung eine bedeutend grössere Rolle zukam, als man das auf Grund der geringzähligen Gelegenheitsfunde annahm.

Aus der frühen Bronzezeit Estlands liegen 11 Gelegenheitsfunde vor, darunter 8 Äxte, 2 Sicheln, 1 Lanzenspitze — insgesamt also drei Arten von Gegenständen, sämtlich Arbeits-

[14] A. Oldeberg, Skälbyfyndet. En boplatslämning från den yngre bronsåldern. *Antikvariskt Arkiv 15*, Stockholm 1960, Abb. 9—25.

geräte oder Waffen. Unter den Metallfunden der ostbaltischen älteren Bronzezeit glaubt C. F. Meinander manche örtliche Sonderform feststellen zu können.[15] Die Ansicht, dass im Baltikum bereits in der älteren Bronzezeit Metallgegenstände angefertigt worden sind, ist durch einen neuen in Ostlettland gemachten Fund bestätigt worden. 1965 deckte die wissenschaftliche Mitarbeiterin des Historischen Instituts an der Akademie der Wissenschaften der Lettischen SSR I. Loze in der Lubāna-Niederung in Lagaža eine aus der frühen Bronzezeit stammende Herdstelle auf. Dabei fand sie mit entsprechender Keramik Bruchstücke von Schmelztiegeln mit anhaftenden Überresten von Bronze.

Man darf wohl mit gutem Grund behaupten, dass es kein Zufall ist, dass unter den Funden der Frühbronzezeit Arbeitsgeräte und Waffen und nicht Schmucksachen vorherrschen. Da man Bronze nur schwer erhalten konnte, nach ihr als Material für allerlei Gerät aber besondere Nachfrage herrschte, erscheint es natürlich, dass man bestrebt war, sich vor allem solche Metallgegenstände zu beschaffen, die von praktischem Wert waren. Die Ansicht, dass das Einfuhrgut der Frühbronzezeit hauptsächlich aus Prunkgegenständen bestanden hätte,[16] wird weder durch das Fundmaterial noch durch die bei den Völkern Afrikas und Ozeaniens gemachten ethnographischen Beobachtungen bekräftigt. Die rückständigen Naturvölker, soweit sie Austausch treiben, bevorzugen offensichtlich verschiedenem Schmuck das für die alltägliche Arbeit und Produktion notwendige Gerät.[17]

Die Gesamtzahl der jungbronzezeitlichen Metallfunde beträgt 28. Ihrer Bestimmung nach ist der Bestand dieser Gegenstände viel mannigfaltiger als der der früheren. Es gibt darunter 12 Arten von Gegenständen (wobei verschiedene Geräte überwiegen) und zwar: 5 Äxte, 5 Lanzenspitzen, 1 Kurzschwert, 4 Pfrieme, 2 Schmucknadeln, 2 Rasiermesser, 4 Halsringe, 1 Armring, 1 Fibel, 1 Gürteltutulus, 1 Pinzette und 1 bronzener Buckel.

Die grössere Mannigfaltigkeit der Metallgegenstände zeugt davon, dass die Entwicklung der Produktivkräfte im Vergleich mit der der vorherigen Periode weiter fortgeschritten war. Infolgedessen gab es mehr Güter, die ausgetauscht wer-

---

[15] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. *SMYA* 54, Helsinki 1954, S. 22.

[16] Х. А. Моора, Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. *КСИИМК XLII*, Москва 1952, S. 30.

[17] Н. Миклухо-Маклай, Путешествия. Москва 1947, S. 163, 196 ff.

den konnten. Es konnten auch mehr Metalle beschaffen werden. Die beschriebenen Siedlungsfunde bezeugen, dass nun auch die einheimische Metallverarbeitung eine gewisse Selbständigkeit erlangt hatte. Unter den jungbronzezeitlichen Metallfunden gibt es solche, die als örtliche Erzeugnisse angesehen werden dürfen.[18] Einige in den letzten Jahrzehnten eingegangenen neuen Funde geben uns eine genauere Vorstellung über die einheimische Metallverarbeitung in der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends v. u. Z. Eine vor einigen Jahren im Kirchspiel Jüri als Gelegenheitsfund gehobene Tüllenaxt[19] sowie eine zweite, in der befestigten Siedlung Ridala gefundene Axt (Abb. 2:12) stehen wohl ihrer Form nach den skandinavischen Äxten der V—VI Periode nahe, sind aber kleiner und auch einfacher ausgeführt als diese. Die geringe Grösse dieser wie so mancher anderen einheimischen Bronzegegenstände erklärt sich wohl durch die Notwendigkeit das kostbare Metall zu sparen. Man darf in ihnen die Vertreter eines lokalen Typs von Äxten erblicken, deren die skandinavischen Äxte als Vorbild gedient haben, die aber doch ein örtliches Sondergepräge aufweisen. Die obenerwähnten kleinen Lanzenspitzen sind ebenfalls örtlicher Herkunft. Die lokalen jungbronzezeitlichen Sonderformen dürften sich hauptsächlich auf der Insel Saaremaa und im Nordwesten des estnischen Festlandes herausgebildet haben, da in diesen Gebieten am häufigsten Bronzefunde aufgetreten sind.

Es fällt auf, dass die spätbronzezeitlichen befestigten Siedlungen neben zahlreichen mit der Metallbearbeitung verbundenen Funden nur eine geringe Anzahl von Steingeräten geliefert haben. Die bisher herrschende Vorstellung, dass in jener Periode den Steingeräten im Vergleich mit dem Metallgerät immer noch eine grössere Rolle zukam, entspricht also nicht der Wirklichkeit. Die Tatsache, dass in unseren Siedlungen nur sehr selten Bronzegegenstände gefunden werden, ist offenbar dadurch zu erklären, dass man sie, wenn sie unbrauchbar wurden, nicht wegwarf, sondern umschmolz. Der gesamte aus zerbrochenen Bronzegegenständen bestehende Verwahrfund von Tehumardi war offenbar zum Umschmelzen bestimmt.[20]

Wie aber bereits gesagt wurde, vermochte unsere spätbronzezeitliche Bevölkerung das kostbare Metall nur in verhältnismässig geringen Mengen zu erlangen. Selbst in den im an Metallfunden reichen nordwestlichen Küstenstrich gelegenen

[18] H. Moora, Neue Funde der Bronze- und frühen Eisenzeit aus Estland. *ÕES Ar. 1937, I*, Tartu 1938, S. 372—378.

[19] Aufbewahrt in Tallinn im Städtischen Museum.

[20] Šturms, Abb. 7; AI K 11 : 1—10.

Tabelle 1

	AI Inv. Nr.		Cu	Zn	Pb	Sn	Ni
Quaternarer Lehm von d. Insel Saaremaa			0,0007—0,009	<0,01	0,0005—0,003	<0,0001	0,001—0,03
1.	3658 : 389	Gussform wie Abb. 1 : 1	0,07—0,09	<0,01	0,1—0,3	0,01—0,03	0,04—0,06
2.	3658 : 410	„	0,07—0,09	„	„	0,04—0,06	0,02—0,04
3.	3658 : 417	„	0,007—0,009	„	0,001—0,003	<0,0001	0,007—0,009
4.	3658 : 576	„	0,01—0,03	„	0,1—0,3	0,01—0,03	0,004—0,006
5.	3658 : 603	„	0,04—0,06	„	0,07—0,09	0,01—0,03	0,01—0,03
6.	3658 : 606	„	0,01—0,03	„	0,1—0,3	0,007—0,009	0,004—0,006
7.	3658 : 638	„	0,07—0,09	0,4—0,6	0,01—0,03	0,0001—0,0003	0,001—0,003
8.	3658 : 30	Tiegel	0,01—0,03	0,7—0,9	0,04—0,06	<0,0001	0,01—0,03
9.	3658 : 616	„	0,003	1,000	0,003	0,001	Sp.
10.	3994 : 635	„ (Abb. 2 : 6)	0,01	0,03	„	0,006	0,001
11.	3799 : 68	Kern (Abb. 2 : 5)	0,001	<0,01	„	0,0001	0,0006
12.	4012 : 90	Tiegel	0,01	Sp.	0,6	0,002	0,002
13.	4012	„ (Abb. 2 : 8)	1,000	„	0,600	0,3	0,1
14.	4012	„ (wie Abb. 2 : 7)	„	„	0,300	„	„
15.		Bronze aus der Probe 13	G.	„	1,000	0,03	0,3
16.		Bronze aus der Probe 14	„	„	0,030	0,001	0,03

Siedlungen bilden Knochengegenstände einen grossen Teil des Fundstoffes. Sowohl verschiedene Arten von Arbeitsgeräten und Gebrauchsgegenständen als auch so manche Schmucksachen sind aus Knochen angefertigt worden. Dabei ahnen so manche Knochengegenstände bronzene (meistens auswärtige) Vorbilder nach.

PRONKSIAJA METALLITÖÖTLEMISEST EESTIS

V. LÕUGAS

Lühikokkuvõte

Eesti alalt leitud metallesemete arv on väike — senini ühtekokku 39 eset või eseme katkendit. Need on kirved, odaotsad, sirbid ja mitmesugused ehted. Metallesemete vähesuse tõttu valitses kaua ettekujutus pronksiaja kogu materiaalse kultuuri madalast tasemest ja äärmiselt piiratud iseseisvusest. Kindlustatud asulate — Asva, Ridala ja Iru kaevamistel leitud üle 700 valemikatkendi (joon. 1—2) ja ligikaudu paarkümmend sulatustiiglikatkendit sunnivad meid revideerima endisi ettekujutusi vähemalt noorema pronksiaja osas. I aastatuhande teisest veerandist e. m. a. märgatava tootlike jõudude kasvu tulemusena elavnes vahetus ja ühtlasi kohalik pronksivalamine. Nimetatud asulate kaevamine on andnud suure hulga metallisulatamise ja -valamisega seotud leidude kõrval üksnes mõne üksiku kivieseme. Rida fakte kõneleb siiski ka sellest, et isegi pronksiaja lõpul oli Eesti alal elavatel hõimudel pronksi kasutada suhteliselt piiratud hulgal.

К ИСТОРИИ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЭСТОНИИ

В. ЛЫУГАС

Резюме

Количество найденных в пределах Эстонии металлических предметов бронзового века невелико. До настоящего времени мы знаем всего 39 находок бронзовых предметов — топоров, наконечников копий, ножей, разных украшений и т. п. Ввиду малочисленности находок металлических предметов долго господствовало представление о низком уровне металлообработки и крайне малой самостоятельности всей материальной культуры эпохи бронзы. При раскопках укрепленных поселений Асва, Ридала и Иру было найдено свыше 700 обломков глиняных литейных форм и примерно два десятка обломков плавильных тиглей (рис. 1—2); это заставляет нас пересмотреть прежнее представление, по крайней мере в отношении поздней эпохи бронзы. В результате наблюдаемого со второй четверти I тысячелетия до н. э. роста производительных сил оживился обмен и быстро развивалось местное бронзолитейное производство. Раскопки названных поселений наряду с множеством находок предметов, связанных с литьем бронзы, дали лишь незначительное количество каменных орудий труда. Ряд фактов свидетельствует все же о том, что даже в конце эпохи бронзы население территории Эстонии располагало металлом лишь в относительно небольшом количестве.

ZU EINEM SCHMUCK VOM PIANOBOR-TYP AUS FINNLAND

C. F. MEINANDER

Im Jahr 1960 wurde im Kirchspiel Karis, im westlichen Teil der Provinz Nyland (Finnland), der in Abb. 1 : 1 dargestellte Bronzegegenstand gefunden. Der Verfasser identifiziert ihn als einen der Pianobor-Kultur angehörigen Gegenstand und vermutet, dass er in das 1.—3. Jahrhundert u. Z. zu datieren ist.

Storsvedberget in Västanby ist ein steiler Hügel einige hundert Meter östlich von Läppträsk. Er liegt im Zentrum des reichen, aber seinem Umfang nach geringen eisenzeitlichen Siedlungsgebiets in Karis, das von ca 100 bis 1000 u. Z. sein Bestehen hatte. Auf dem Gipfel von Storsvedberget liegen zwei Steinsetzungen von einer Art, die typisch für die ältere und mittlere Eisenzeit der westnyländischen Buchtensiedlungen ist. Sie sind von Alfred Hackman im Jahr 1928 untersucht worden; die Funde waren ziemlich zahlreich und gehörten hauptsächlich der jüngeren Kaiserzeit (200—400 u. Z.) an; in einer der Steinsetzungen fanden sich ausserdem zwei Gegenstände aus dem 7. Jahrhundert.[1] Im Jahr 1959 wurde ausserhalb dieser Steinsetzungen eine eiserne Lanzenspitze gefunden und es konnte bei einer vorgenommenen Nachuntersuchung konstatiert werden, dass sich verstreutliegende Brandgräber, ohne sichtbare Merkmale oberhalb der Erde, an verschiedenen Stellen im steinigen Boden befanden.

Eine niedere Erhöhung zog die Aufmerksamkeit auf sich. Sie lag auf dem Südabhang des Hügels, 12 Meter von dem einen, von Hackman untersuchten Steinhügel entfernt und etwas niedriger als dieser. Der Grund bestand hier aus Sand. Die Erhöhung war ca 15 cm hoch und mass querüber 4×3 m. Vereinzelte Steine staken aus der Rasendecke hervor, ohne jedoch eine eigentliche Konstruktion zu bilden. Bei der Ausgrabung wurde im NW-Teil ein Gebiet mit dunkler Erde festgestellt, im

[1] O. af Hällström, Karis socken från forntiden till våra dagar, I. Forntiden. Ekenäs 1948, S. 44, 99.

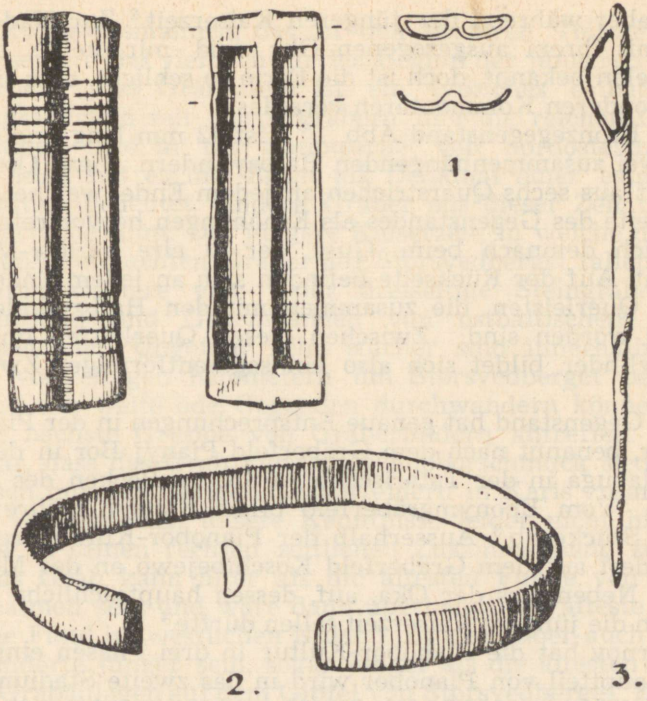


Abb. 1. Grabfunde. Västanby, Storsvedberget, Kirchspiel Karis.

Übrigen gab es nichts, was besonders auf ein Grab hingedeutet hätte. Doch wurden im NO-Teil des Hügels in einer Tiefe von ca 30 cm in anscheinend reinem Sand die drei in Abb. 1 abgebildeten Gegenstände gefunden, die einem Grabe angehört haben müssen.

Keinerlei Knochenreste wurden gefunden, was darauf hindeutet, dass die Leiche nicht verbrannt worden war. Die Grabkonstruktion, ein niedriger Sandhügel ohne Einfassung, in welchem die Leiche unter dem ursprünglichen Niveau eingegraben ist, hat keine bekannte Analogien in dieser Gegend, weder aus der Kaiserzeit noch aus späterer Zeit.

Der Armring Abb. 1 : 2 ist gleichmässig breit und unorniert; der Querschnitt ist plankonvex mit leicht konkaver Innenseite. Solche schlichte Armreifen sind sowohl in Finnland als auch im Ostbaltikum gewöhnlich bis zum Jahr 500, besonders zahl-

reich aber während der jüngeren Kaiserzeit.[2] Zur Nadel Abb. 1 : 3 mit ihrem ausgezogenen Öhr sind mir keine exakten Parallelen bekannt, doch ist die Form so schlicht, dass sie nicht zu besonderen Kommentaren veranlasst.

Der Bronzegegenstand Abb. 1 : 1 ist 52 mm lang und besteht aus zwei zusammenhängenden Halbzylindern. Ihre Ornierung besteht aus sechs Querstrichen an jedem Ende, welche auf der Rückseite des Gegenstandes als Erhöhungen hervortreten. Man hat sich demnach beim Guss der *à cire perdue*-Methode bedient. Auf der Rückseite befinden sich an jedem Ende 4 mm breite Querleisten, die zusammen mit den Halbzylindern gegossen worden sind. Zwischen diesen Querleisten und dem Halbzylinder bildet sich also ein segmentförmiger Zwischenraum.

Der Gegenstand hat genaue Entsprechungen in der Pianobor-Kultur, benannt nach dem Gräberfeld Pianyj Bor in der Nähe von Elabuga in der Tatarischen ASSR, im Becken des Flusses Kama. Vom Eponymgräberfeld bildet Spitsyn mehrere derartige Stücke ab.[3] Ausserhalb der Pianobor-Kultur treten sie zumindest auf dem Gräberfeld Koschibejewo an der Mokscha, einem Nebenfluss der Oka, auf, dessen hauptsächliche Benutzung in die jüngere Kaiserzeit fallen dürfte.[4]

Smirnov hat die Pianobor-Kultur in drei Phasen eingeteilt.[5] Der Hauptteil von Pianobor wird in das zweite Stadium bezogen, welches ins 1.—3. Jahrhundert datiert wird. In diese Zeit müssen auch die halbzylindrischen Schmuckgegenstände gerechnet werden. Im ersten Stadium kommen sie nicht vor und im letzten Stadium werden sie durch etwas abweichende zylindrische Anhänger ersetzt.[6]

Die Datierung des Karis-Fundes scheint somit ziemlich klar zu sein und muss nur noch in die Besiedlungsgeschichte der Karis-Gegend eingegliedert werden. Die eigentliche metallreiche Eisenzeit beginnt hier mit dem Anlagen des Gräber-

---

[2] E. Kivikoski, Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text, I. Porvoo 1947 (= Kivikoski, EZF I). Text zur Abb. 117.

[3] Материалы по археологии восточных губерний России, т. III, Москва 1899, Taf. 15 : 10; А. А. Спицын, Древности бассейнов рр. Оки и Камы. *МАР 25*, С.-Петербург 1901, Taf. II : 25, 26, 31.

[4] Спицын, Древности бассейнов, Taf. VI : 31; А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. *МИА 28*, Москва 1952, S. 136, Taf. XXXII : 3.

[5] А. П. Смирнов, Могильники Пьяноборской культуры (к вопросу о дате). *КСИИМК XXV*, Москва-Ленинград 1949, S. 22 f.

[6] A. M. Tallgren, Études archéologiques sur la Russie orientale durant d'ancien âge de fer. *ESA VII*, Helsinki 1932, S. 20 f.; А. А. Спицын, Древности камской Чуди. *МАР 26*, С.-Петербург 1902, Taf. XXXVIII : 14, 16.

feldes Kroggårdsmalmen, das in den späteren Teil der älteren Kaiserzeit und vielleicht in den Beginn der jüngeren (100—250) gehört.[7] Das Gräberfeld ist ein typisches ostbaltisches Tarandgräberfeld mit Körpergräbern und die reichen Gegenstandsfunde sind in der Hauptsache von nordostestnischen Typen. Man hat es mit Recht als Denkmal einer estnischen Immigration gedeutet. Andere Gräber aus dieser Zeit sind in Karis nicht bekannt. Die jüngere Kaiserzeit, in welche die von Hackman untersuchten Gräber auf Storsvedberget fallen, werden durch kleinere vier- oder dreiseitige Steingräber mit Leichenbrand und Gegenständen von ostbaltischen Typen gekennzeichnet. Ungefähr zehn solcher sind innerhalb eines Radius von einigen Kilometern um Storsvedberget bekannt, während wir weite öde Gegenden durchwandern können, ehe wir die nächste Gruppe von Gräberfeldern antreffen. Es ist also klar, dass das Grab mit dem Pianoborschmuck siedlungshistorisch mit den übrigen Gräberfeldern in Karis zusammengehört, doch reichen unsere Kenntnisse leider nicht hin, um dasselbe in seinen rechten zeitlichen Zusammenhang zu stellen. Das Grab kann älter als die ältesten Funde von Kroggårdsmalmen sein und wäre dann überhaupt der älteste eisenzeitliche Fund im westlichen Nyland. Es kann aber auch einige Jahrhunderte jünger sein, sogar jünger als die ältesten Funde in den Grabanlagen auf dem Gipfel von Storsvedberget. Es kann berechtigt sein die im Terrain am meisten dominierenden Grabanlagen als die ältesten anzusehen. Dasselbe befürwortet auch den Armring Abb. 1 : 2. Es ist am glaubwürdigsten, dass es der jüngeren Kaiserzeit angehört. Diese Argumente sind freilich nicht bindend, doch können wir der Lösung des Problems nicht näher kommen; die ostrussischen und ostbaltischen chronologischen Systeme sind nicht so genau koordiniert, dass man zu schärferen wechselseitigen Datierungen kommen könnte.

Der Fund eines ostrussischen Schmuckes in westfinnischer Erde ist freilich sensationell, jedoch nicht unik. In Finnland sind folgende ost- oder zentralrussische Gegenstände aus der Zeit 0—500 gefunden worden:[8]

[7] N. Cleve, Ett skelettgravfält från romersk järnålder på Kroggårdsmalmen i Karis (Nyland). *SMYA XL*, Helsinki 1934, S. 60 f.; af Hällström, S. 36 f.

[8] Hier ist eine in Perniö gefundene durchbrochene Spange, die von E. Kivikoski als eventuell östlicher Gegenstand aufgenommen ist, nicht beachtet worden. (Kivikoski, EZF I, Abb. 104.) In Savukoski im nördlichsten Finnland sind zwei eiserne Kurzschwerter (NM 15266 : 1—2) gefunden worden, die vielleicht mit sarmatischen Dolchen und Schwertern in Verbindung gebracht werden können.

1. Karis, Storsvedberget. Der Schmuck vom Pianobor-Typ. (Abb. 1 : 1).
2. Nykarleby, Helgabacken. Ein Bronzeknopf. (Kivikoski, EZF I, Abb. 163. Vgl. MAP 25, Taf. IX : 14, XXIII : 11; МИА 28, S. 85, Taf. XVIII : 32; МИА 95, S. 98, Abb. 21 : 9.) Fund in einem Steinhügelgrab zusammen mit einem Armreif aus Bronze mit achteckigem Querschnitt und gestanzter Punktringornierung-Würfelaugen (vgl. MAP 26, Taf. XV : 22). In einem nebenbei gelegenen Steinhügelgrab wurde eine römische Bronzemünze von Hadrian gefunden. (Kivikoski, EZF I, Abb. 43. Vgl. H. Mattingly, Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. III, London 1936, S. 401, Nr. 1117.)
3. Esse, Fors. Hängeschmuck aus Bronze, gefunden in einem Steinhügelgrab zusammen mit einem Armring. (Kivikoski, EZF I, Abb. 240, 255; A. Hackman, Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors 1905, S. 205. Vgl. MAP 25, Taf. V : 5.)
4. Esse, Storholmen. Glockenförmiger Hängeschmuck, gefunden in einem Steinhügelgrab. (Kivikoski, EZF I, Abb. 253; Hackman, Die ältere Eisenzeit, S. 95, 205; Vgl. MAP 26, Taf. III : 8.)
5. Uskela, Ketohaka. Bronzebeschlag oder Schmuck, gefunden in einem Steinhügelgrab zusammen mit Gegenständen aus der jüngeren Kaiserzeit. (Kivikoski, EZF I, Abb. 131; M. Schmiedehelm, Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit in Lüganuse (Estland). *ESA III*, Helsinki 1928, S. 98. Vgl. M. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин 1955, Abb. 25 : 1, S. 102 f. Vgl. МИА 94, S. 32, Abb. 9 : 13, 14.)
6. Borgå, Koitö. In einem Steinhügelgrab zusammen mit Funden aus der jüngeren Kaiserzeit fanden sich zwei Perlen aus Glasfluss. E. Kivikoski hat sie mit ähnlichen Perlen aus dem Kazan-Gebiet verglichen. (Kivikoski, EZF I, Abb. 135. Vgl. A. M. Tallgren, Collection Zaoussaïlov en Musée National de Finlande à Helsingfors II. Helsinki 1918, Taf. I : 22.)
7. Parikkala, Kaunissaari. Gussform für Bronzebe-

schlag. A. M. Tallgren hat sie mit Pianobor-Schmuck vom Typ Abb. 1 : 1 verglichen. (A. M. Tallgren, Den östeuropeiska bronsålderskulturen i Finland. *FM 1914*, S. 19. A. M. Tallgren, Eräitä epäselviä muinaislöytöjä. *SM 1934*, S. 47.)

Diese Funde sind sowohl chronologisch als auch chorologisch verstreut; sie bilden kein geschlossenes Ganzes und ihre kulturhistorische Bedeutung darf daher nicht übertrieben werden. In dieser Hinsicht unterscheiden sie sich von den «permischen» Gürtelbeschlägen aus der Merowingerzeit[9], von dem Kettenschmuck aus der Zeit 700—1000[10] und von den åländischen Tontatzen[11], welche auf einen regelmässigen Verkehr zwischen den Siedlungen in Finnland und den Gebieten um den Fluss Kama und der mittleren Wolga hindeuten.

Eine gewisse Tendenz kann man jedoch auch in den oben aufgezählten wenigen Funden aus der älteren Eisenzeit erkennen. Nicht weniger als fünf von den sechs Grabfunden stammen aus dem Kama-Gebiet, während nur ein einziger seine nächsten Entsprechungen im Gebiet der Djakowo-Kultur ebenso wie im Ostbaltikum hat. In der Estnischen SSR gibt es keinerlei Analogien zu den ostrussischen Gegenständen aus den finnischen Funden; das muss allem zum Trotz doch etwas bedeuten. Drei dieser Gegenstände sind nördlicher als irgendein anderer Gräberfund, der in die Kaiserzeit datiert werden kann, geborgen worden. Einer dieser Funde (Nr. 2) enthielt sogar zwei permische Gegenstände. Der Fund Nr. 6 ist der östlichste Gräberfund an der finnischen Südküste, und in derselben Gräbergruppe wurde ein Tongefäss mit Asbestbeimischung und Textilabdruck gefunden, was auf einen starken traditionellen Zusammenhang mit den östlichen Teilen des finnischen Seenplateaus hinweist.[12] Der Fund von Karis wurde in einem Grab gemacht, dessen Konstruktion auf keinen

---

[9] Kivikoski, EZF I, Abb. 560—572; E. Kivikoski, Die Eisenzeit in Auraflussgebiet. *SMYA XLIII*, Helsinki 1939, S. 113 f.; H. Salmo, Merovinkiaikaisen ratsusotilaan hautakalusta Euran pitäjän Pappilaanmäestä. *SM 1940*, S. 25 f.; C. F. Meinander, Eteläpohjanmaan historia, I. Esihistoria. Helsinki 1950, S. 120.

[10] Kivikoski, EZF I, Abb. 405, 457; M. Paloniemi, Ristiretkiajan hautalöytö Teuvalta. *SM 1960*, Abb. 5 : 2, 7 : 1; I. Serning, Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de Svenska Lappmarkerna. Uppsala 1956, Taf. 17 : 1, 40 : 4. Ein neuer Fund aus dem Ksp. Laitila im südwestlichen Finnland (NM 16316 : 349) kann ins 8. Jahrhundert datiert werden.

[11] E. Kivikoski, Magisches Fundgut aus finnischer Eisenzeit. *SM 1965*, S. 27 f.

[12] A. M. Tallgren, Eräitä epäselviä muinaislöytöjä. *SM 1934*, S. 38.

Traditionszusammenhang mit den übrigen Gräbern derselben Gegend hinweist.

Dies alles lässt vermuten, dass die östlichen Gegenstände unter den kaiserzeitlichen Funden Finnlands mehr als eine Vorliebe für exotischen Schmuck bedeuten, dass sie wirklich ein Ausschlag für einen mehr als zufälligen Verkehr mit dem Kama-Gebiet sind. Solch ein Verkehr war nicht eine Tradition bei den estnischen Neusiedlern an der Küste Finnlands; dagegen zeigte er sich bereits seit der Ananino-Zeit bei der Bevölkerung, deren Nachkommen neben den estnischen Neusiedlern in Finnland existiert haben muss.

Die Gussform aus Parikkala ist von Tallgren mit den Pianobor-Schmuckstücken vom Typ der Abb. 1 : 1 in Verbindung gebracht worden. Die Gussform ist aus Ton mit Asbestbeimischung hergestellt und folglich sicher einheimisch.[13] Die Ähnlichkeit mit dem Pianobor-Typ ist jedoch nicht vollkommen. Die Kaunissaari-Form weist drei Gruppen von Querstrichen auf und ist nur für e i n e n Halbzylinder vorgesehen, während der Pianobor-Typ stets mit zwei Strichgruppen orniert ist und häufig aus zwei oder mehr Halbzylindern besteht. Ein Zusammenhang ist jedoch unabweisbar und Tallgren konnte auch auf jüngere ostrussische Funde hinweisen, die zylinderförmige Anhänger von variierender Art enthielten.[14] Man kann auch auf bedeutend ältere Bronzeschmuckfunde hinweisen, die augenscheinlich in derselben Weise getragen wurden wie die Pianobor-Zierate und die dasselbe Ornierungsprinzip in abweichender Weise verwirklichen.[15] Hier soll noch auf einen Typ von Knochenhülsen hingewiesen werden, der eine dem Kaunissaari-Stück identische Ausschmückung zeigt und eine weite Verbreitung auf Wohnplätzen und in Gräbern der älteren Eisenzeit hat. Sie kommen im Wjatka-Gebiet[16], in Kazan[17], innerhalb der

---

[13] A. M. T a l l g r e n, Den österuropeiska bronsålderkulturen i Finland. *FM 1914*, S. 19.

[14] С п и ц ы н, Древности басссейнов, Taf. XXX : 2; С п и ц ы н, Древности камской Чуди, Taf. XXXVIII : 14, 16; *Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, том V*, I, С.-Петербург 1903, Taf. XXII : 13; А. П. С м и р н о в, Железный век Чувашского Поволжья. *МИА 95*, Москва 1961, S. 132, Abb. 27 : 9.

[15] И. В. С и н и ц ы н, Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). *МИА 60*, Москва 1959, S. 89, Abb 25 : 5; П. П. Е ф и м е н к о, П. Н. Т р е т ь я к о в, Абашевская культура в Поволжье. *МИА 97*, Москва 1961, S. 63, Abb. 12 : 6; S. 70 f.; Taf. IX : 3.

[16] Материалы по археологии восточных губерний России, т. II, Москва 1896, Taf. IV.

[17] T a l l g r e n, Collection Zaoussaïlov II, Taf. I : 6.

Djakowo-Kultur[18] sowie aus dem Gräberfeld Olenij Ostrow an der Barents-See[19] vor. Sie sind oft grösser als die Gussform aus Parikkala und können als Nadeldosen oder Messerschäfte gedient haben, doch gibt es auch kleinere Exemplare vom selben Format wie der Pianobor-Typ[20], die demselben Zweck gedient haben mögen wie dieser. Der Kaunissaari-Fund braucht also nicht das Resultat einer direkten Verbindung mit der Kama-Region zu sein, sondern kann den Verkehr zwischen der karelischen Bevölkerung der frühen Eisenzeit mit den Djakowo-Völkern im nordwestlichen Teil der Sowjetunion widerspiegeln.

Der Karis-Fund kann natürlich nicht als Hinterlassenschaft einer Einwanderung aus dem östlichen Europa nach Finnland erklärt werden, auch nichteinmal als Beweis für regelrechte Verbindungen mit der Kama-Region. Er zeigt jedoch, dass es sehr grosse Lücken in unserem Wissen über die kulturgeschichtliche Situation im gewaltigen Gebiet nördlich der Wolga, zwischen der finnischen Küstenbesiedlung im Westen und der Siedlung um die Kama im Osten während der älteren Eisenzeit gibt. Dieses Gebiet wurde bereist — aber warum und von wem?

---

[18] Записки отделения, V, I, S. 120, Abb. 89; Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья. *МИА 94*, Москва 1961, S. 59, Abb. 18 : 1, 9, 15.

[19] Н. Н. Гурина, Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. *МИА 39*, Москва-Ленинград 1953, S. 394, Abb. 29.

[20] Горюнова, Abb. 18 : 5.

ÜHEST PJANOBORI TÜÜPI EHTEST SOOMES

C. F. MEINANDER

Lühikokkuvõte

1960. aastal leiti Soomes Uusimaa lääneosas Karjaa kihelkonnas joon. 1 : 1 kujutatud pronksehe. See kuulub m. a. 1.—3. sajandisse ja esindab pjanobori kultuurile iseloomulikku tüüpi. Autor loetleb rea samaaegseid idapoolse päritoluga esemeid, millest 6 on leitud Edela-, üks Kagu-Soomest. Kõik need esemed annavad tunnistust Soome muistse elanikkonna sidemeist Ida-Euroopa metsavööndi kaugetes rajoonides asunud hõimudega. Nende esemete Soome jõudmise konkreetsed teed on aga veel ebaselged.

О НАХОДКЕ УКРАШЕНИЯ ПЬЯНОБОРСКОГО ТИПА В ФИНЛЯНДИИ

К. Ф. МЕЙНАНДЕР

Резюме

В 1960 году в Финляндии в приходе Карис, расположенном в западной части Ниландской губернии, было найдено бронзовое украшение, изображенное на рис. 1 : 1. Этот предмет относится к 1—3 векам н. э. и представляет собой характерный для пьяноборской культуры тип. Автор перечисляет ряд одновременных предметов восточного происхождения, из которых 6 найдены в юго-западной, один в юго-восточной Финляндии. Все эти предметы свидетельствуют о связях древнего населения Финляндии с племенами, обитавшими в отдаленных районах лесной полосы Восточной Европы. Конкретные пути проникновения этих предметов в пределы Финляндии все же остаются до настоящего времени неясными.

KÄSITÖÖ ARENEMISJÄRG BALTIMAIL 12.—13. SAJANDIL

H. MOORA

Käsitöö, nagu iga teisegi tootmisharu uurimiskäigus võib eraldada mitut astet. Uurimistöö esimesel etapil selgitatakse eeskätt selle tootmisala tehnilist külge, vastavaid oskusi ja taset. Edasi vaadeldakse käsitöö arenemisjärge ja osatähtsust võrdlevalt, kõrvutatakse selle taset vastava seisukorraga eelmisel ja järgmisel perioodil ning naabermaadel ja püütakse määrata käsitöö vahekorda teiste tootmisaladega. Viimaks on käsitöö arenemisjärje valgustamiseks vaja selgitada ka selle tootmisala ühiskondlikku organisatsiooni.

Baltimail on muistse käsitöö tehnikat seni uuritud eeskätt Läti NSV-s. Eestis ja Leedus on selle uurimine alles üsna algastmel. Teeme ometi katset juba uurimistöö praegusegi seisukorra juures tõmmata mõningaid võrdlusjooni selle tootmisala tähtsamate harude arenemistaseme vahele Baltimail ja naabermaadel.

Mitmesuguste käsitööharude seas kuulus esikoht kahtlemata sepatööle kui tähtsamate tootmisriistade tootmisele. Sepis oli Baltimail juba I aastatuhandel üsna arenenud. Erisuguste omadustega raua ja terase sulatamine ning neist mitmesuguste riistade valmistamine nõudis muidugi sellekohaseid erioskusi. Seepärast hakkas sepatöö varem kui muud käsitööd spetsialiseeruma, eriliste meistrite tööalaks kujunema. Ei ole juhus, et eesti keeles, osalt ka teistes läänemeresoome keeltes, sai sõna *sepp* igasuguste erioskustega meistrite üldnimetuseks. Sedamööda kuidas muud käsitööharud eristusid ja läks vaja uute meistrite nimetusi, liideti *sepale* vastava ala nimetus: *puusepp, ratassepp, parksepp, kasuksepp, rätsep* jne.

Nagu Läti muistse sepise uurija insener A. Anteins on näidanud, tegi sepatöö II aastatuhande algul uusi edusamme. Sepad omandasid oskuse mitte ainult valmistada erisuguste omadustega terast, vaid seda ka mitmel keerukal viisil kokku keevitada (damastseerida) ja muul teel töödelda. Silmapaistva oskuste

taseme saavutasid iseäranis kalleid toredusrelvi valmistavad sepad.[1] Teiste sõnadega: tavaliste külaseppade hulgast kerkis esile teistest veelgi enam spetsialiseerunud, eriti osavaid meistreid.

Sepise arenemist võib sellel ajal täheldada kõigil Baltimaadel. Samuti nagu mõned muud käsitööharud, edenes see tööala aga lõunapoolseil Baltimaadel kiiremini kui nende põhjaosas. Seal tekkis isegi terveid spetsialiseerunud sepise keskusi. Seda nähtust võib seletada esiteks lõuna pool Väina ehk Daugava jõge asetseva Baltimaade osa suurema maagirikkusega, võrreldes põhjapoolse osaga, tänapäeva Põhja-Läti ja Eesti maa-alaga.[2] Teiseks paistab, et nõudmine hinnalise relvastuse ja toredate hobuseriistade järele oli seal laialdasem kui põhjapoolseil Baltimail.

Üks kõrgelearenenud sepatöö keskus (või isegi mitu keskust) tekkis kurelastel ehk kuršidel. Seal valmistati suurel arvul rauast tööriistu ja relvi, kirveid, vikateid, hõbetatud hobuseriistade osi, aga ka damastseeritud odaotsikuid. Kuršid on tõenäoliselt sepistanud isegi pikki mõõgateramikke, mis valmistajalt nõudsid eriti suurt meisterlikkust.[3] On põhjust arvata, et kurši sepapadades valmistati vähemalt üheteralisi mõõgateramikke. Kurši seppade toodang levis kogu Baltikumis. Kurši relvi ja hobuseriistade osi leidub sageli Leedus, semgali ning liivi aladel ja Eesti lääneosas. Samasuguseid sepatöö, sealhulgas relvasepise keskusi oli samuti Ida-Leedus ja -Lätis, kuigi seal ka Venest toodud relvi kasutati.[4] Ida-Lätist ja Leedust leitud rel-

---

[1] Muistse sepatöö tehnika arenemisest Läti maa-alal vt. А. Антейн, Железные и стальные изделия древней Латвии /до XIII в./. *Par technikas vēsturi Latvijas PSR. Rakstu krājums I,* Rīgā 1959, lk. 17 jj.; А. К. Антейн, Металлургия и технология изготовления изделий из черных металлов на территории Латвийской ССР до начала XVIII века. Автореферат диссертации. Рига 1962, lk. 9 jj., 19 jj.

[2] Raua tootmisest ja töötlemisest Lõuna-Lätis ja Leedus vt. A. Anteins, Par melno metalu ražošanu un apstrādāšanu Latvijas PSR teritorijā laikā no 13. gs. beigām līdz 18. gs. sākumam. *Par technikas vēsturi, III,* Rīgā 1962, lk. 5 jj.; A. Endzinas, Geležies gamybos raidos ir geografijos Lietuvoje klausimu. *Geodezijos darbai, II,* Vilnius 1964, lk. 176 jj.

[3] Eesti ja Läti maa-alalt leitud damastseeritud relvadest ja nende päritolust: A. Anteins, Senas Latvijas damascētā terauda šķepu gali. *Archeoloģija un etnogrāfija. Rakstu krājums IV,* Rīgā 1962, lk. 33 jj.; А. Антейн, Наконечники копий из сварочной узорчатой (дамасской) стали, найденные в Эстонии. *ENSV TeadusteAkadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria, 1962, nr. 4,* lk. 354 jj.; A. Anteins, Damascētie un ierakstu zobeni Latvijā un to asmenu technoloģija. *Par technikas vēsturi, VI,* Rīgā 1964, lk. 65 jj.

[4] Latgali kirveste päritolust vt. M. Atgāzis, Latgaļu 9.—12. gs. cirvji. *Archeoloģija un etnogrāfija, VI,* Rīgā 1964, lk. 105 jj.

vade hulgas on vähem väljastpoolt toodud riistu kui Baltimaade läänepoolse vööndi leiuaineses, milles rohkesti esineb Läänest imporditud relvi.[5] Arheoloogiline materjal näitab, et nii kuršid kui latgalid ja leedulased on suurel määral kasutanud kohapeal valmistatud relvi. See tõsiasi, et leedulased suutsid suurelt jaolt kohapeal valmistatud relvadega tõrjuda Saksa ordu väed, kellel oli oma aja kõige täiuslikum sõjavarustus, annab küllaldast tunnistust leedu relvaseppade oskuse kõrgest tasemest.

Ka eestlaste ja liivlaste sõjavarustuse moodustasid osaliselt kohalike seppade valmistatud relvad. Nende hinnaliste toredusrelvade seas leidub aga sagedamini kui lõunanaabrite varustuses väljaspoolse, skandinaavia ja kurši, osalt ka vene päritoluga riistu.[6]

Kõrgelearenenud sepatöö, ja nimelt suurte oskustega relvaseppade tekkimine ning tervete relvasepise keskuste kujunemine, annab tunnistust sellest, et Baltimail, iseäranis nende lõunaosades, oli 11.—12. sajandil esile kerkinud küllalt suur arv sellise toodangu kasutajaid ehk, teiste sõnadega, rohkearvuline jõukas ülikkond.

Ent kui mitte arvestada relvasepist, oli sepatöö tervikuna võetuna alles võrdlemisi vähe eristunud. Baltimail ei olnud sepis isegi 13. sajandil veel jõudnud sellise spetsialiseerumiseni, nagu see Vene linnades saavutati juba 11.—12. sajandil. Vene linnaseppade seast olid eristunud mitte ainult relvameistrid, vaid ka omaette turvisesepad (бронники) ja lukussepad (замочники) ning isegi naelasepad (гвоздичники).[7] Baltimail töötasid sepad enamasti ühtlasi ka pronksivalajatena, massiliselt kasutatavate pronksehete valmistajatena. Mõned sepad valmistasid ka hõbedast ehteid. Hõbe- ja kuldsepatöö, mis Venemaal ning Skandinaavias juba I aastatuhandel oli omaette käsitööharuks muutunud, ei olnud Baltimail veel jõudnud eristuda. Selle peenkäsitöö eraldumine pronksivalamisest toimus alles 13. sajandi lõpul või 14. sajandi algul ja ka siis üksnes Leedus. Seevõrra kui kohaliku ülikkonna ehete hulgas esines väärismetallist esemeid, olid need enamasti kujult samasugused nagu pronksehtedki; massiliselt valmistatud pronksehteist eraldusid nad

[5] Leedus leitud mõõkade päritolust vt. R. Volkaitė-Kulikauskienė, IX—XII amžiu kalavijai Lietuvoje. *Iš lietuvių kultūros istorijos, IV*, Vilnius 1964, lk. 289 jj.

[6] Eestlaste relvastusest ja selle päritolust: A. Kustin, Saaremaa ja Muhu muistised feodalismi tärkamise perioodist (11. sajandist kuni 13. sajandi alguseni). Tallinn 1962 (käsikirjaline uurimus AI-s Tallinnas); J. Selirand, Eesti mandri kalmed 11.—13. sajandil. Tallinn 1965 (käsikirjaline uurimus sealsamas).

[7] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. Москва 1948, lk 504 jj.

harilikult üksnes hoolsama töötluse poolest. Kuivõrd rikka ülikkonna tipud kandsid üksikuid veelgi toredamaid ehteid, muretsesid nad endile välismaise kuldsepise tooteid. Sama kehtib ka teiste samal majandusliku ja ühiskondliku arengu astmel olevate rahvaste ülikkonna ehete kohta. Tõsi küll, alates 11.—12. sajandist hakkasid kurelaste, liivlaste ja eestlaste ülikud ning tõenäoliselt ka Baltimaade teiste rahvaste rikka ülemkihi tipud kandma mõningaid erilisi kohapealseid hõbeehteid (näiteks hõbetraatidest põimitud kaelavõrusid, laiu lehtjaid käevõrusid, rinnalehti ja helmeid), mis veel järgnevailgi sajandeil olid ülikkonnast põlvnevate vabatalupoegade tunnuseks.[8] Ent kõik need ehted on valmistatud ja kaunistatud samade valamise, tagumise, kummimise, tembeldamise ja neetimise võtetega, millega tavalised pronksehtedki olid tehtud. Erilisi hõbe- ja kuldsepatehnikale omaseid võtteid, nagu filigraani, niellot ja isegi hõbeda jootmist nende ehete valmistamisel Baltimail veel ei kasutatud.

Värvilistest ja väärismetallidest ehete valmistamise ja kaunistamise tehnika tase annab selget tunnistust sellest, et majandusliku ja ühiskondliku diferentseerumise protsess Baltimaade rahvastel ei olnud veel jõudnud nii kaugele ega omandanud nii teravaid vorme nagu nende slaavi ja skandinaavia naabritel. Kohaliku ülikkonna tipud ei olnud ilmselt veel nii rikkad ega kandnud veel sellisel arvul erilisi, ainult neile omaseid ehteid, et nende tarviduse alusel oleks kujunenud oma kohalik hõbesepis.

Arheoloogilistel kaevamistel saadud tekstiilijäänused võimaldavad saada üldise ettekujutuse vaadeldaval perioodil kantud rõivastest, kudumistehnika tasemest ja rõivaste kaunistamise viisidest. Kõige sagedamini on villase rõivastuse osi leitud latgalite haudadest. Läti alalt leitud tekstiilijäänused on üksikasjaliselt läbi uurinud Läti NSV Ajaloo Instituudi kaastööline A. Zariņa.[9] Tema andmeil kooti kangad I aastatuhande teisel poolel ja II aastatuhande algul niihästi labases kui mitmesuguses toimses tehnikas vertikaalseil kangaspuil ehk kangasjalgadel. Seega kasutati samasuguseid lihtsat tüüpi kangastelgi ja samu kudumisviise, mis olid talurahval kodusel kudumisel tarvitusel kuni 18. sajandi lõpuni ja 19. sajandi alguseni. Kuid paistab, et 12. sajandil, seega üldiselt samal ajal kui Novgorodi linnaski, hakati üksikuis rikkais peredes kuduma täiuslikumail rõhtsail telgedel. Alates 12.—13. sajandist ilmub ka kudumeid,

[8] E. Tõnisson, Eesti aardeleiud 9.—13. sajandist. Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II, Tallinn 1962, lk. 236 jj.

[9] A. Zariņa, Seno audumu technisko analīžu rezultāti. *Par tehnikas vēsturi, VI*, Rīgā 1964, lk. 137 jj.

riiet, mis on valmistatud endisist keerulisemais tehnikais (kolmeniieline riie, paks kahekoeline riie, korjatud kirjad). Nende keeruliste tehnikate rakendamine eeldab eriliste oskustega kangrute ilmumist. Uue keerulise tehnika juurdumine tähistab niisiis spetsialiseerumise algust selgi tootmisalal.

Arheoloogilises leiuaineses on teatavasti rohkel arvul esindatud keraamika, savinõud. Paistab, muide, et Baltimail ei ole savinõusid kunagi kasutatud nii hulgaliselt nagu Venemaal. Varemalt vormiti savinõud siin üksnes käsitsi. 11. sajandil hakati savinõude valmistamisel kasutama potiketra, mis alguses ilmus Baltimaade idaosadesse ja levis sealt järk-järgult lääne poole. Niihästi potikedra levimise suund kui kedral valmistatud nõude kuju ja kaunistused ei lase kahelda selles, et potikedra kasutamine omandati Venemaalt, kus kedrakeraamikat leidub juba alates 10. sajandist. Potikeder tõstis märksa savinõude valmistajate töötootlikkust. Ühtlasi võib selle uue tööriista levimisest järeldada, et savinõude valmistamine muutus senisest igas peres tehtud kodusest tööst eriliste meistrite, pottseppade tegevuseks. Nagu Venemaa suhtes on näidanud B. A. Rõbakov[10] ja nagu seda kinnitab ka Baltimaade leiuaines, olid pottsepad vaadeldaval perioodil siiski väga väiksed meistrid, kes varustasid oma toodanguga parimal juhul ainult üht küla või väheste naaberkülade rühma.

Esitatud tõsiasjadest nähtub, et II aastatuhande algul tegi käsitöö Baltimaade rahvastel märgatavaid edusamme. Iseäranis silmapaistev oli areng 12.—13. sajandil. Võrreldes Venemaa käsitööga jäi see tööala tervikuna võttes Baltimail siiski vaid külakäsitöö tasemele. Ainult selle üksikud harud jõudsid — eriti lõunapoolses Baltikumis — oma tasemelt, võib öelda, linnakäsitöö piirile.

Tingimustest, millest olenes käsitöö areng, oli üks olulisemaid vastava tarbijaskonna olemasolu ja selle vajaduste tase. Nagu eespool tähendatud, olid kõrgelearenenud ja spetsialiseerunud käsitööharud, nagu kalliste relvade ja eriliste kunstipäraste ehete valmistamine, määratud rahuldama ühiskonna ülemkihi tarbeid. Kuna niisugused arenenud käsitööharud ei olnud Baltimail saavutanud sellist taset nagu Venemaal ja Skandinaavias, on see kindlaks tunnuseks, et siin veel ka vastavate toodete tarbijad ei olnud saavutanud samasugust rikkust ja ühiskondlikku võimuasendit nagu nimetatud naabermaades.

Tuleb arvata, et käsitöö spetsialiseerumine ja arenemine kõrgemale tasemele toimus mitte ühtlaselt üle maa, vaid ikkagi

[10] Рыбаков, lk 181; История культуры древней Руси, I. Москва-Ленинград 1948, lk. 104 (B. Rõbakov).

eeskätt teatavais liikluse ja kaubitsemise suhtes soodsamais kohtades — tulevastes linnalistes keskustes ja nende lähistel.

Linnuste arheoloogiline uurimine on näidanud, et rikka ülikkonna majapidamistes oli olemas oma meistreid: puuseppi, seppi ja pronksivalajaid, pottseppi, kangruid, puunõude valmistajaid-vakaseppi jt. Seega oli Baltimailgi kujunemas eriline kategooria meistreid, kelle olemasolu vanal Venemaal nn. mõisakäsitöölistena on märkinud B. A. Rõbakov[11].

[11] Рыбаков, lk 490 jj.

ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПРИБАЛТИКЕ В 12—13 ВЕКАХ

Х. МООРА

Резюме

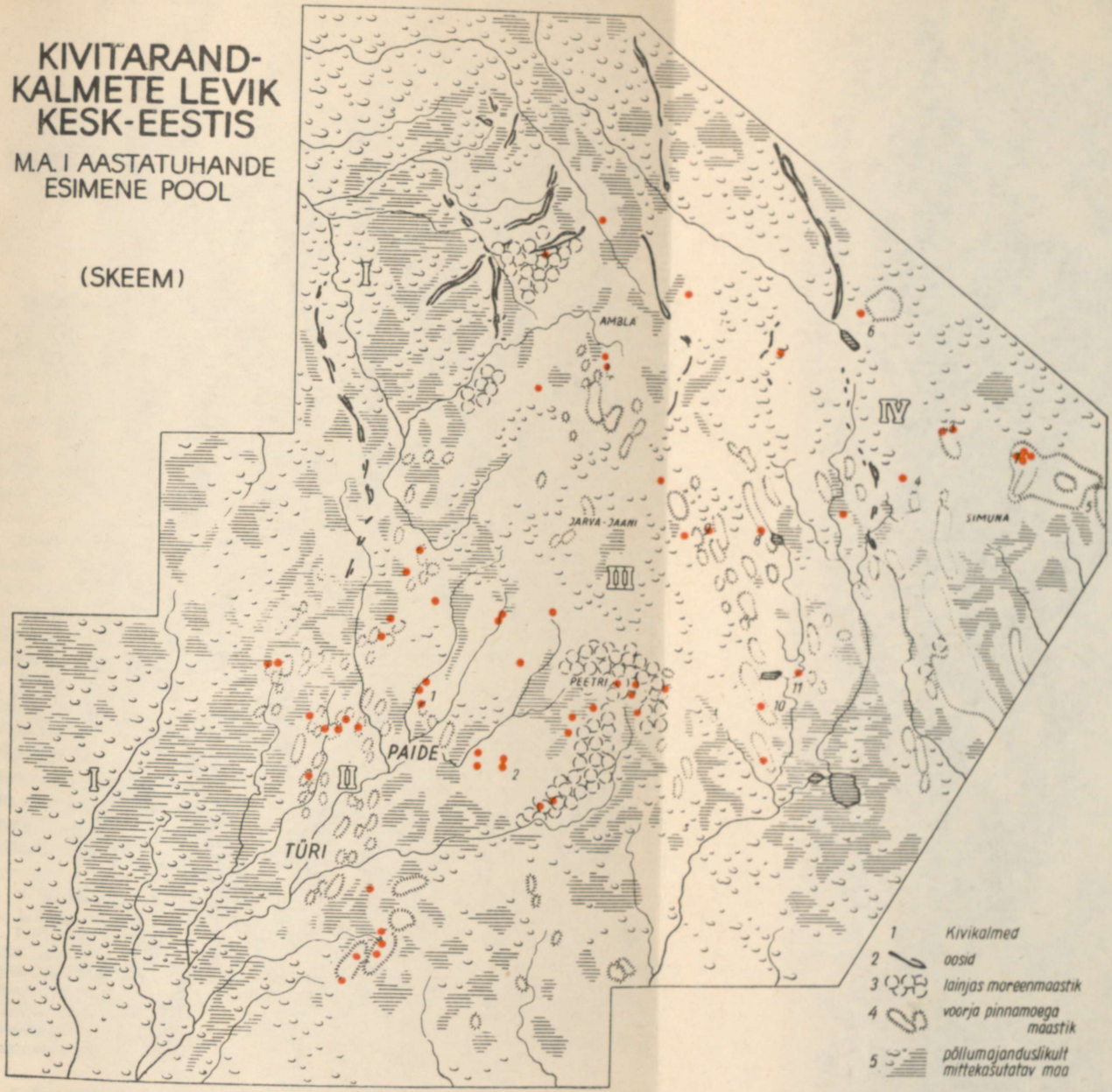
В статье на основании археологического материала сравнивается уровень развития ряда отраслей ремесленного производства у народов Прибалтики с состоянием соответствующих ремесел на Руси и в Скандинавии. Автор приходит к выводу, что ремесленное производство в Прибалтике в рассматриваемый период находилось, в общем, на уровне русского деревенского ремесла. Отдельные его отрасли (оружейное дело, ткачество, гончарное дело) достигли, можно сказать, грани перехода к городскому ремеслу. Относительно медленное развитие ремесла автор объясняет, между прочим, тем, что в Прибалтике прослойка имущей знати — главный потребитель высококачественного специализированного производства — не достигла еще такой зажиточности и такой степени социальной дифференциации, как в названных соседних странах.

ZUM STAND DES HANDWERKS IM OSTBALTIKUM IM 12.—13. JAHRHUNDERT

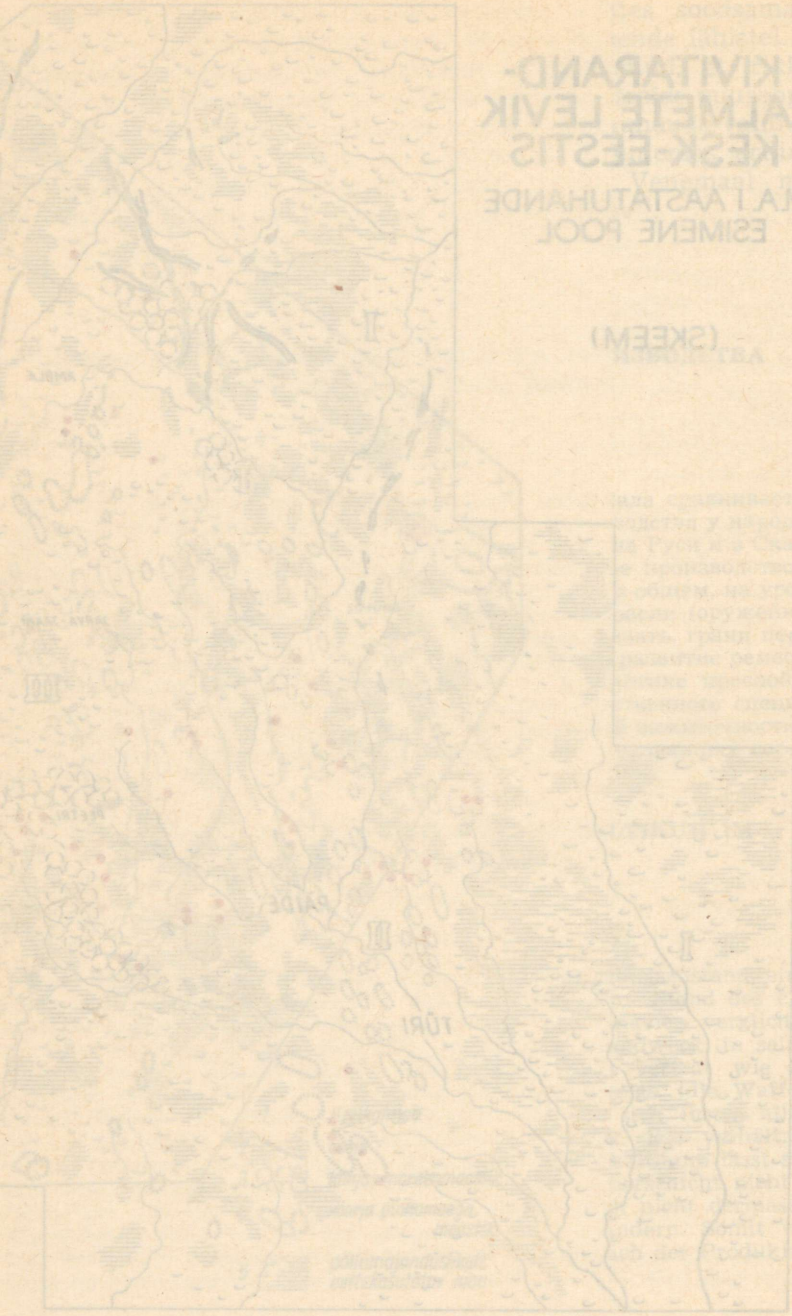
H. MOORA

Zusammenfassung

Auf Grund von Bodenfunden wird der Entwicklungszustand einer Reihe von Handwerkszweigen im Baltikum mit dem Stand des entsprechenden Handwerks in Russland und in Skandinavien verglichen. Verf. gelangt zum Schluss, dass das ostbaltische Handwerk in seiner Entwicklung, im ganzen gesehen, die gleiche Stufe vertrat wie das russische Dorfhandwerk. Nur einzelne Handwerkszweige (die Waffenschmiedekunst, die Weberei, die Töpferei) näherten sich ihrem allgemeinen Zustanden nach dem städtischen Handwerk. Die verhältnismässig langsame Entwicklung des Handwerks im Ostbaltikum lässt sich u. a. dadurch erklären, dass hier die wohlhabende Oberschicht nicht so reich war und sich von der breiten Volksmasse noch nicht dermassen abgesondert hatte wie in den genannten Nachbarländern. Somit war hier auch noch nicht in genügendem Masse Bedarf nach der Produktion eines hochentwickelten Handwerks vorhanden.



Joon. 1. Skeem tarandkalmete levikust Kesk-Eestis. I — Kõrvemaa; II — Väike-Vooremaa; III — süda-Järvamaa; IV — Pandiveremaa.



ASUSTUSE LEVIMISEST ÜHES KESK-EESTI PIIRKONNAS M. A. I AASTATUHANDE ESIMESEL POOLEL

TANEL MOORA

Meie ajaarvamise esimestel sajanditel toimunud järsk muutus muististe iseloomus ja levikus tulenes ilmselt maaharimise ning sellega seotud koduloomapidamise muutumisest põhiliseks majandusharuks. Tingimuste selgitamiseks, milles maaviljelus teiste majandusharude seast esile kerkis, jälgime asustuse kujunemist Kesk-Eestis, endisel Järvamaal ja Edela-Virumaal. Oma looduslikult mitmeti eriilmeliste osade tõttu on see piirkond mõneti kohane nende seaduspärasuste selgitamiseks, miile kohaselt muistne maaviljelejate asustus Eesti alal arenes ja levis.

Kirjeldatava ala võib maastikuliselt jagada neljaks valdkonnaks.[1] Järvamaa lääne- ja loodeosas ehk Kõrvemaal (joon. 1 : I) levivad laialdased sootasandikud ja niisked metsaalad. Siinne hõre asustus paikneb üksikutel madalatel moreenkõrgendikel. Maaviljeluse suurimaks vaenlaseks tuleb siin veel tänapäevalgi pidada muldade liigniiskust.

Teises valdkonnas, Türi ja Paide ümbruskonnas (joon. 1 : II), leidub hulgaliselt väiksemaid voori. Siit ka selle ala nimetus — Väikevooremaa. Viimane moodustas veel 13. sajandi alguses Järvamaast eraldatud väikese maakonna — Alempoisi. Asustus, mis varem paiknes vaid voortel ja teistes kõrgemates kohtades, on uuemal ajal sageli levinud ka kõrgendikevahelistele madalamatele aladele, mis kuivendamise teel on viljakandvaks muudetud. Suhteliselt tihe oli muiste ning on praegugi asustus

[1] Artiklis esinevad andmed loodusoludest on ammutatud teostest: L. Laasimer, Eesti NSV geobotaaniline rajoneerimine. Tartu 1958; A. Lillemaa, Eesti NSV mullastik. Tallinn 1958; A. Lillemaa, Eesti NSV mullastikukaart (1:1 500 000). *Eesti Geograafia Seltsi Aastaraamat 1959*, Tallinn 1960; K. Orviku, Eesti geoloogilisest arengust antropogeenis. *Eesti Loodus 1960, nr. 1;* L. Laasimer, Eesti NSV taimkate. Tallinn 1965. Ühtlasi avaldan tänu mullateadlasele K. Kildemaale, geoloogidele A. Raukasele ning E. Rähnile ja taimeteadlasele L. Laasimerile vastavate nõuannete eest.

Väikevooremaa lõuna- ja idaosas, üleminekul järgnevale, kolmandale valdkonnale.

Kolmandat valdkonda (joon. 1 : III) võib nimetada süda-Järvamaaks ehk Järva tasandikuks. Seda iseloomustab üldiselt tasane, kergelt lainjas, enamasti lääne- ja lõunasuunalise kaldega pinnamood, sest kirjeldatav valdkond hõlmab Pandivere kõrgustiku laugjat lääne- ja lõunanõlva. Peetri ja Kareda ümbruses muudavad siin pinnareljeefi rahutumaks lamedad moreenkünkastikud, Koeru ümbruses esineb aga rohkesti madalaid voorjaid pinnavorme.

Neljanda valdkonna moodustab Pandiveremaa — see osa Pandivere kõrgustikust, mis meie vaatlusalasse jääb (joon. 1 : IV). Kolmandast valdkonnast eraldab Pandiveremaad suurem absoluutne kõrgus (100 ja enam meetrit üle merepinna) ja sellega seotud hüdrograafilise võrgu puudumine. Nimelt eraldub Pandivere kõrgustiku tuumikust selgesti ta ääreala, kus esineb rohkesti suuri allikaid — mitmete jõgede lätteid. Pandiveremaa veevaesus oleneb ta aluspõhja iseloomust, milleks on väga lõhederikas paekõrgendik. Aluspõhja kattev moreen on siin aga tavaliselt õhuke ja väga koreserikas. Seepärast imbuvad sademete veed kiiresti aluspõhja sügavamatesse kihtidesse, kust nad päevavalgele tulevad nimetatud rohkete servaallikatena alles kõrgustiku äärealadel. Kuid ka Pandivere kõrgustiku nõlvaaladel, iseäranis süda-Järvamaal, on pinnaveed jõeorgudevahelistel künnistel suhteliselt sügaval.

Aegade jooksul kuni tänapäevani on inimese tegevus muistset maastikupilti tundmatuseni muutnud. Tuleb arvata, et muiste levisid Kõrvemaal lodumetsad, igasugustel liivmuldadel aga männikud. Sagedased olid muidugi ka rabamännikud ja kõrgematel kohtadel saviliiv- ning liivsavimuldadel kuuse-segametsad. Kindlasti esines rohkesti ka väiksemaid lagerabasid. Inimese tegevusel hariti kõrgemad kohad põlluks, paljud madalamad metsatükid aga heinamaaks, millega vähenes ka metsade mitmekesisus. Eelkõige on inimene siinset loodust mõjutanud kuivendamistöödega.

Märksa rohkem kui Kõrvemaal muutus loodus inimtegevuse läbi Väikevooremaal. Algselt pidid Väikevooremaad katma niisugused metsad, nagu kasvasid Kõrvemaalgi. Lodumetsi ja männikuid esines siin kuuse-segametsade kõrval suhteliselt vähem kui Kõrvemaal. Kuuse-segametsades leidus siin ka rohkem laialehelisi liike, valdkonna lõunaosas näiteks saart.

Kõige rohkem on inimtegevus muutnud siiski süda-Järvamaa ja Pandiveremaa looduslikku ilmet. Muiste pidid siin laialdaselt levima suured kuuse- ja kuuse-segametsad, kusjuures kõrgustiku südamiku suunas liikidevaesed kuusemetsad

oletatavasti omandasid järjest suuremat ülekaalu. Tänapäeval Pandiveremaal esinevad lepikud, haavikud, kasetukad ja enamik kuuse- ning segametsigi on oma tekkelt sekundaarsed.

Vaadeldavale ajajärgule eelnenud sajandeist tunneme ühte rühma kivikirstkalmeid vaid käsitletava ala kirdeosas, Järvajõe küla lähedal. Tol ajal pidi oletatavasti esinema siin asustust mitmel pool mujalgi, kuigi sellest seni jälgi pole leitud. Nähtavasti juurdus komme matta surnuid maapealseisse kivikirstkalmetesse eeskätt Põhja- ja Lääne-Eesti hõimudel. Mujal paistavad surnud olevat maetud madalaisse maasse kaevatud haudadesse, millest ainult harukordadel midagi on säilinud.[2]

Heitnud pilgu I aastatuhande esimesse poolde kuuluvate muististe leviku kaardile (joon. 1),[3] torkab kohe silma, et kaasajal meie vabariigi üks kõige viljakam ala — süda-Järvamaa ja Pandiveremaa[4] — on muististe, nimelt sellele ajajärgule iseloomulike kivitarandkalmete poolest suhteliselt hõre ja et viimaseid on seal leida ainult piirkonniti. Samasugune pidi tähendatud ajajärgul üldiselt olema ka sealse asustuse levik.

Kui Väikevooremaal Väätsa, Rõa ja Lõõla voortel ning Türi, Raukla ja Kärevere ümbruses on asustus olnud suhteliselt tihe, siis idapoolsel Järvamaal esineb tarandkalmeid rohkesti vaid Pandivere kõrgustiku servaaladel. Pandiveremaa ise näib aga olnud sootuks hõredasti asustatud.

Kesk-Eestis on kalmeid seni kahjuks otsitud ja uuritud suhteliselt vähe ning lünklikult. Seetõttu näiski kirjeldatud varase asustuse pilt seletuvat kõigepealt uurimistöö ebaühtlase seisuga.[5] Kasutatavate andmete kontrollimiseks ja korrigeerimiseks käis autor enamiku kõnesolevast alast 1964. ja 1965. aastal läbi. Pärast kalmete levikukaardi vastavat täpsustamist ja täiendamist suurenes aga veelgi ülaltähendatud erinevus muistse ja nüüdse asustuse leviku pildis.

Kuna tarandkalmed paiknevad peaaegu alati keset kaasaegseid põlde, tuleb oletada, et nad muiste rajati tookordsete

---

2 Üks taoline kalmistu on nähtavasti olnud Tamsa koolimaja juures Elva lähedal.

3 Sellest ajajärgust pärinevatest muististest tunneme vaadeldavalt maa-alalt ainult kivitarandkalmeid ja mõningaid juhuleide, mis vist kõik on leitud lõhutud kalmetest. Asulaid, linnuseid ja peitleide sellest perioodist pole siit veel teada.

4 Näiteks on end. Järva-Jaani kihelkonna kogupindalast tänapäeval kuni 60 protsenti põllu all.

5 Varematel aastatel asjaarmastajate poolt kaevatud kalmed on loendatud väljaandes Sitzungsberichte der Gesellschaft zur Erhaltung Jerwscher Altertümer für den Zeitraum 1904—11. Dorpat 1912. Hiljem on asjatundlikult läbi kaevatud 2 tarandkalmet, Nurmsis ja Tarbjal (joon. 1:1,2).

viljelusmaade vahetusse lähedusse. Võrreldes tarandkalmete paiknemispiirkondi üksteisega, hakkavad selguma need looduslikud eeldused, mida muistne maaviljeleja oma elukoha valikul arvestas.

On põhjendatult arvatud, et I aastatuhande alguses pidi Baltimail maaharimisviisidest peaosa etendama aletegu. Olukorra mõistmiseks Eesti keskosades on kasulik võrrelda sellega vastavaid tingimusi ka Põhja- ja Lääne-Eestis.

Põhja-Virumaal, kus asustus näib I aastatuhande alguses olnud tihedam kui kusagil mujal Eestis, olid Järvamaaga võrreldes mullastikuolud tunduvalt erinevad. Vastavalt mullastikule levisid seal ka mitmeti teiseilmelised metsad. Tuleb oletada, et Põhja-Virumaal ja Harjumaal arenes juba väga varakult kõrvuti aletamisega söödiviljelus. Seda viljelusviisi võib vaadelda kui aleteo rööbiknähtust Põhja-Eesti tingimustes, mis nagu tüüpiline aletegugi on arenenud nn. algelisest aiaviljelusest. Aletamiseks vajalik mets tärkas mahajäetud alemaale ka siin, kui just huumusekiht nii õhuke ei olnud, et ta ühekordse aletamise järel kohe hävis (näiteks tüüpilistel loomuldadel). Korduv aletamine kahjustas Põhja-Eestis sageli esinevaid õhukesi muldi mitte ainult metsa taastumist, vaid ka viljakust silmas pidades. Kuna algeline viljakasvataja eelistas siin just õhukesi muldi nende looduslikult kõrgema huumusesisalduse ja püsivama struktuuri pärast, pidi ta oletatavasti juba väga ammu vastavalt kohalikele mullastikutingimustele kohandama ka maaharimisviisi. Tüsedatel muldadel oli selleks tüüpiline perioodiliselt korduv aletegu, õhematel muldadel aga maa söötijätmine. (Siinkohal märkigem söödiviljeluse algete väga kaugele vanusele viidates, et oletatavasti meie vanimail viljelusmaadel, mis sageli olid loomuldadel, vaevalt üldse kunagi alet tehti.) Nagu vana nimetus «sööt» isegi näitab, kasutati söödiviljelusmaad pärast kamardumist vastavalt mulla omadustele teatud aja vältel karjamaana. Karjatamine ei soodustanud küll söödi metsakasvamist, kuid siia tekkinud põõsaste ja tugeva rohukamara hävitamiseks pidi maa järgmisel ülesharimisel siiski kasutatama tule abi. Ilmselt peavad seni aleteost tunduvalt nooremaks peetava kütiseteo alged pärinema juba käesolevas artiklis vaadeldavast ajajärgust. Mingisugune söödiviljelus, olgu see siis nn. aasasöödiviljelus või kütisetegu, ei ole mõeldav rohujuurestikku purustava ja seega tugevaid veoloomi nõudva künnita. Et Põhja- ja Lääne-Eestis kasutati kuni mööndunud sajandi keskpaigani kündmisel härgi, peaks seletuma eelkõige just taolise väga vana traditsiooniga.

Põhja- ja Lääne-Eestis, sealhulgas ka saartel, olid algelise loomapidamise tingimused tunduvalt paremad kui mujal Eestis. Siinsed sagedased loometsad, puisniidud ja salulehtmetsad võimaldasid suhteliselt tiheda asustuse kujunemist m. a. eelnenud aastatuhande teisel poolel, mil loomapidamist tuleb vaadelda maaviljelusega võrreldes kui mõneti domineerivat elatusala. Koduloomapidamise tingimused kujunesid aga Põhja- ja Lääne-Eestis, võrreldes Lõuna-Eestiga, veelgi soodsamaks sedamööda, kuidas esimesena märgitud alal omandas järjest suurema osatähtsuse söödiviljelus. Nimelt neil põhjusil saadi Põhja-Eestis, võrreldes Lõuna-Eestiga, arvatavasti rohkem karja pidada. (Teatavasti jutustavad sellest ka esimesed kirjalikud allikad.)

Põlispõllundus tekkis arvatavasti söödiviljeluse baasil asulale lähemate viljeluslappide söödisolekuaja lühendamisel ja seile eelduseks on rohke karja olemasolu. Ülalöeldust lähtudes pole põhjust kahelda, et Põhja-Eestis, eriti Põhja-Virumaal, peavad teatud põlispõllunduse alged pärinema juba meie poolt vaadeldavast perioodist, kuigi valitsevaks sai see maaviljelusviis alles hiljem, I aastatuhande lõpul.[6]

Kesk-Eestis, kus tarandkalmeid hakati seniste uurimiste andmeil rajama sadakond aastat hiljem kui Põhja-Virumaal, oli mullastik põhjapoolse Eesti muldadega võrreldes iseendast aleteoks sobivam. Siin leidus rohkesti tüsedate ja, mis peamine, liigniiskuse all mittekannatavate muldadega alasid, kus mets pärast aletamist suhteliselt kiiresti taastus. Ometi esines siin, ja nimelt just Pandiveremaal, sootuks omapäraseid tegureid, mis nähtavasti mõnevõrra muistse asustuse kiiret levimist pidurdasid.

Muistset aleviljelejat ei tohi vaadelda lahus algelisest loomakasvatajast. Teiste sõnadega: tuleb arvestada seda, et muistne maaharija pidas oma elukoha valikul silmas ka selle sobivust loomapidamiseks. Nagu näitavad I aastatuhande algusest pärinevaist kalmetest leitud võsanoad ja -sirbid, hakati vaadeldaval perioodil koduloomade eest järjest rohkem hoolt kandma, varudes neile juba olulisel määral sööta talveperioodiks. Varutava sööda moodustas mitte ainult hein, vaid selles oli küllaltki suur osatähtsus mitmesugustel lehistel. Nii pidi muistne asukas rajama oma alepõllud ja eluaseme kohta, mille ümbruses leidus küllaldaselt looduslikke karjamaid ning alasid, kust karjale talveks sööta sai koguda. I aastatuhande alguses tulevad meie vaatlusalal sellistena kõne alla vaid kohad, kus kasvasid arenenud alustaimestikuga segametsad, milles oluline osa kuulus laialehelistele liikidele. Nagu ülalpool öeldud, oli aga selliseid segametsi Pandiveremaal kasinalt.

Teiseks segavaks teguriks oli Pandiveremaa hüdrograafia omapära. Aluspõhja iseloomust tingituna esineb siin laialdasi alasid, kus põhjaveed on sügaval ja vee saamiseks harilikult üle 10 m sügava kaevu kaevamine nõuab suurt ja rasket tööd. Vaadeldaval ajal ei kaevatud aga ilmselt üldse veel kaevusid, vaid kasutati looduslikult kättesaadavat pinnavett, mispärast eluasemed rajati ikka allikate või suuremate veekogude ligidusse. Ka see peab olema üks põhjusi, miks Pandiveremaal leiame muistse asustuse jälgi vaid selle äärealadel ja sealgi piirkonniti.

---

[6] Vrd. söödiviljelust käsitlevat osa H. Ligi, Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil. Tallinn 1963, lk. 76—83 ja 112—118.

Järvamaa mullastiku algsest iseloomust on kaasajal täpsema ettekujutuse saamine küllaltki raske: on ju siinsed mullad pikaajalise kultuuristamise tulemusel oma algseid omadusi tublisti muutnud. Muistse mullastikupildi selgitamine on aga väga vajalik, sest me teame, et algelisele maaviljelejale, arvestades tema oskusi ja vahendeid, ei olnud alati harimiskõlblikud kõik mullad, mis on viljakandvad tänapäeval. Tol ajal eelistati reeglipäraselt hea drenaažiga, nn. kergeid muldi, sest künd kujutas endast siis vaid mullastiku ülemise horisondi ülekribimist, mis juba alepõletamisega osaliselt oli kobestatud. Algelise karuäkketaolise maaharimisvahendiga «kündmise» ülesandeks jäi veel hiliselgi ajal peaasjalikult ikka seemne muldaviimine.

Kõrvutades nüüd omavahel neid piirkondi, kus vaadeldaval maa-alal levivad tarandkalmed, märkame nende maastikupildis mitmeid ühiseid jooni. Kõigepealt on tähelepandav, et tarandkalmed esinevad mitte niivõrd tasasel kui rahutu pinnareljeefiga aladel ja nimelt enamasti seljakute või kühmude nõlvadel. Varem seletati kalmete sellist paiknemist matmistavade iseärasustega. Tarandkalmete paiknemise lähem uurimine aga laseb paista seda mitmeti uues valguses. Kõrgendikevahelistes orgudes oli muidugi kergem leida vett ja seal esinev taimkate pidi pakkuma soodsamaid võimalusi koduloomapidamiseks. Peamiseks teguriks, mis määras kalmete sellise asetuse, tuleb siiski lugeda tookordsete viljelusmaade paiknemist nõlvadel. Kaasajal on mullastik kõrgustiku lael üldiselt tugevamini leetunud ja väiksema huumusesisaldusega kui nõlvadel. Nõlvamulla suuremat huumusesisaldust on arvatud hilisematel aegadel toimunud erosiooni tagajärjeks. Nähtavasti pidid need vahed mulla (ja vastavalt ka taimkatte) omadustes ilmnema mõnevõrra juba kaugemaski minevikus. Nõlvamullad on laemuldadest tavaliselt ka vähem põuakartlikud. Põuakartlikkus pidi aga muistse pinnalise maaharimise juures tunduvam olema kui hiljem, kus mulda hakati harima sügavamalt. Ilmselt neil põhjusil eelistaski muistne maaviljeleja mitmesuguste moreenkõrgendike nõlvadel leiduvaid muldi ja vastavat taimkatet. Muidu ei oleks tarandkalmete seaduspärane esinemine seal nii üldine.

Pandiveremaa seni teadaolevad tarandkalmed paiknevad kõik tugevasti lainja pinnamoega maastikul.[7] Näiteks asetseb endise Rohu mõisa juures paiknev grupp tarandkalmeid suurema Rohu — Kellavere moreenkõrgendiku põhjanõlval. Siin, suuremale allikale rajatud endise mõisatiigi ümbruses avastas autor 1965. aasta suvel ka tugeva muistse asula kultuurkihi. Usuta-

[7] Mõeldud on kalmeid Triigi, Äntu, Laekvere, Porkuni ja Rohu lähedal (joon. 1:3, 4, 5, 6, 7).

vasti pidi asula eksisteerima siin juba I aastatuhande alguses. Sealsamas naabruses, Simuna ümbruses oleval laiemal põhimoreentasandikul, kus mullastik tänapäeval on viljakuse seisukohalt peaaegu samasugune nagu Rohus ja Laekveres ja kus suurest servaallikast algab Pedja jõgi, pole tarandkalmeid teada. Mulla lõimises on aga mainitud paikkondade vahel erinevusi, sest Rohu ümbruses on ülekaalus just kergemad mullad, nõrgalt leetunud liivsavid, Simuna pool aga suhteliselt raskemad leetjad saviliivad. Taolist seaduspärasust näeme ka süda-Järvamaal, nii siin varem tuntud kui ka hiljuti autori poolt avastatud kalmed[8] asuvad voorjates kohtades. Järvamaa tarandkalmete poolest rikas piirkond end. Peetri kihelkonnas ühtib lainja moreenmaastiku levialaga. Suhteliselt tihedat asustust meid huvitavast perioodist kohtame ka Väikevooremaa voortel.

Milles tookord nõlvamullastiku eelised täpsemalt seisnesid, ei ole praegu kahjuks veel selge. Tuleb arvata, et tarandkalmete niisugusele paiknemisele, nagu seda kirjeldasime, mõjusid kaasa ka veel mõned seni selgitamata vähemolulised põhjused.

Nagu nägime, olid tingimused muistsete maaviljelejate asustuse tekkimiseks ja arenguks Väikevooremaal üldiselt soodsad. Siinsetel maaharimiseks kõlblikel kõrgematel kohtadel (enamasti voortel) levivad küllalt tüsedad nõrgalt leetunud ning nõrgalt karbonaatsed saviliiv- ja liivsavimullad, mis on viljeluseks igati sobivad. Põhjavee tase kõrgemate kohtade ülesharimist ei sega, veestikuvõrgu tihedus teeb joogivee kõikjal hõlpsasti kättesaadavaks. Laialdaste madalamate alade esinemine ja segametsade suhteline rohkus siinses muistses taimkattes olid soodsad ka algelisele loomapidamisele. Sellega näib seletuvatki selle piirkonna suhteliselt tihe muistne asustus.

Süda-Järvamaal kohtame, otsustades muististe leviku järgi, kõige suuremat asustustihedust Peetri ümbruses. Mullastikutingimused on siin soodsamad kui Väikevooremaal. Peetri ja Esna ümbruses levivad karbonaatsed liivsavid, mis on üldiselt kergesti haritavad ja hästi sobivad aleteoks. Kaasaja põllunduse tingimustes loetakse seda piirkonda mullastiku poolest Eesti ala üheks kõige viljakamaks osaks. Juba 13. sajandi alguses oli siin laialdasi põlispõlde.[9]

Mujalt Järvamaa idaosast ja Pandiveremaalt me taolisi tihedaid asustuskeskusi ei tunne. Autor on arvamusel, et jätkuv

[8] Tarandkalmed Varangu, Ramma, Nahkanuia, Preedi lähedal jm. (joon. 1:8, 9, 10, 11).

[9] Henrici Chronicon Livoniae. Editio altera. Recognoverunt Leonid Arbusow et Albertus Bauer. In usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi. Hannoverae 1955, XV:7, XXIII:7.

uurimistöö võib küll veel suurendada muististe arvu kõnesoleval maa-alal. Asustuse tiheduse suhe meie poolt märgitud piirkondades peaks aga üldiselt jääma samasuguseks. Sest nagu meie kaardilt näha, asustas muistne maaharija süda-Järvamaal ja Pandiveremaal esmalt kohalike kõrgendike ja jõgede vahele jäävate künniste servaalasid. Kõrgendike lagedel ja moreentasandikel kasvavate metsade ülesharimine polnud talle veel jõukohane ning see toimus siin pikkamööda alles I aastatuhande teise poole jooksul ja jätkus nimetamisväärselt veel II aastatuhande esimeselgi poolel.

Maaviljelejate asustuse areng meid huvitavas Eesti osas kulges kõige tihedamas seoses siin valitsevate looduslike tingimustega. Kui Väikevooremaal kohtame I aastatuhande alguses üsna rohkesti asulaid, siis järgneval ajal tiheneb seal asustus suhteliselt aeglaselt. See on arusaadav, sest suuremal hulgal saadi uusi viljelusmaid siin kasutusele võtta alles pärast uuemal ajal tehtud laialdasi kraavitamistöid.

Süda-Järvamaal ja Pandiveremaal hakkas muistne maaviljeleja ajapikku järjest rohkem aletama ka suuremates kuusesegametsa massiivides. Ikka enam muutus sellega siin ka looduse ilme. Mahajäetud aledele kasvas peaasjalikult lehtmets (esmajoones kaasik). Söötijäetud maadele ilmusid enne nende võssakasvamist mitmed loomasöödaks sobivad heintaimed. Järjest suurema osatähtsuse omandas maastikupildis kultuurmaade floora ja fauna ning II aastatuhande keskpaiku oli siinne loodus arvatavasti juba üsna sarnane kaasaegse Paide rajooni loodusega.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ В ОДНОМ ИЗ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЭСТОНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

ТАНЕЛЬ МООРА

Резюме

В первых веках нашей эры земледелие и животноводство становятся ведущими отраслями хозяйства населения территории Эстонии. В связи с этим наблюдается быстрый рост населения, которое в это время распространяется в слабо заселенные или совершенно не занятые ранее районы. Расселение происходило неравномерно. Поселенцы явно предпочитали определенные участки другим.

Имеется достаточное основание предполагать, что в рассматриваемый период в земледелии господствовала подсечная система. На основании распространения археологических памятников автор пытается выяснить условия, определявшие расселение древних обитателей на

данной территории. В ее пределах сходятся четыре района, различных в отношении геологического строения, почвы и растительного покрова (рис. 1; условные знаки: 1 — могильники 2—5 веков н. э.; 2 — озы; 3 — волнистый моренный ландшафт; 4 — друмлинный ландшафт; 5 — земли, не использованные под пашню; I—IV — различные в отношении природных условий районы). Эта территория, благодаря разнообразию природных условий, дает хорошие возможности для сравнений, таким образом, для изучения данного вопроса. Можно прежде всего наблюдать, что почти незаселенными оставались как западный, низменный район, в котором преобладают чрезмерно увлажненные и заболоченные почвы (I), так и северо-восток — Пандивереская возвышенность (IV), на которой поверхностная вода просачивается вглубь трещиноватых коренных пород и которая лишена рек. Основная масса населения сосредоточилась в двух остальных районах: на юго-западе, в окрестностях современного города Тюри, в местности, где много небольших друмлинов и где господствуют слабо оподзоленные супесчаные почвы (II); вторым населенным краем является южная часть территории (III), для которой характерны слегка волнистый рельеф и оподзоленные дерново-карбонатные почвы.

В общем, население придерживалось местностей с неровным рельефом и «легкими» почвами. Равнинная часть территории была заселена значительно слабее волнистой. Поселения располагались, как правило, на склонах возвышенностей. Это объясняется, видимо, тем, что, по сравнению с вершинами, склоны были менее засушливы, они имели более богатую гумусом почву и более разнообразную растительность (широколиственные породы и соответствующий подлесок), создававшую наиболее благоприятные условия с точки зрения животноводства. Вообще заселение определенного участка зависело от ряда обстоятельств: 1) от того, в какой мере свойства местной почвы соответствовали состоянию древней агротехники; 2) насколько растительность была благоприятна для содержания скота; 3) от водного режима (легкий доступ к питьевой воде) и от некоторых второстепенных условий.

DIE VERBREITUNG DER BESIEDLUNG IN EINEM MITTELESTNISCHEN GEBIET IN DER ERSTEN HÄLFTE DES 1. JAHRTAUSENDS U. Z.

TANEL MOORA

Zusammenfassung

In den ersten Jahrhunderten u. Z. wurden der Bodenbau und die Viehhaltung zur massgebenden Wirtschaftsform der Bevölkerung Estlands. Dies spiegelt sich in der raschen Zunahme der Bevölkerung sowie in ihrer Verbreitung in früher dünn oder gar nicht besiedelte Landesgebiete. Die Besiedlung verlief jedoch ungleichmässig, indem die Bevölkerung gewisse Gegenden den übrigen bevorzugte.

Es wird allgemein angenommen, dass in der fraglichen Zeit der Bodenbau im wesentlichen auf Brandwirtschaft beruhte. Auf Grund der Verbreitung der Bodenaltertümer versucht der Verfasser der Besiedlung nachzugehen und die Bedingungen aufzuhellen, die ihren Verlauf bestimmten. Im untersuchten Gebiet stossen vier Landschaften aneinander, die in ihrem geologischen Aufbau, ihrer Bodenart und ihrer

Pflanzendecke gewisse Sonderzüge aufweisen (Abb. 1; 1 — Gräberfelder des 2.—5. Jahrhunderts; 2 — Ose; 3 — gewelltes Moränengelände; 4 — Drumlingelände; 5 — unbebautes Gelände; I—IV — die vier Landschaften mit verschiedenen Naturbedingungen). Vor allem kann man beobachten, dass sowohl der Westen (I) wie der Nordosten (IV) so gut wie unbesiedelt verblieben. Der niedrige westliche Landstrich hatte übermässig feuchte, zu einem grossen Teil versumpfte Böden; im Nordosten, auf der Pandivere-Höhe herrschte dagegen Wassermangel, da das Bodenwasser dort in den rissigen Untergrund versickerte. Die Besiedlung konzentrierte sich hauptsächlich in den beiden übrigen Landschaften: im Südwesten (II), für den zahlreiche kleine Drumlin-Rücken mit leichten Bleicherdeböden kennzeichnend sind, und im Süden und Südosten (III), wo leicht gewellte Oberflächenformen sowie schwach gebleichte Karbonatböden vorherrschen.

Im allgemeinen hält sich die Besiedlung an Gegenden mit hügeliger oder gewellter Bodenflächengestaltung und mit leichten Böden, während ebenes Gelände bedeutend dünner besiedelt blieb. Die Siedlungen befanden sich in der Regel auf den Abhängen von Anhöhen. Dies ist offenbar dadurch zu erklären, dass die Abhänge im Vergleich mit dem Gipfel weniger unter Dürre litten, humusreichere Böden und auch eine reichhaltigere Pflanzendecke hatten (Eichenmischwald mit entsprechendem Unterwald), was für die Viehhaltung wichtig erschien. Die Besiedlung eines Geländes hing von einer Reihe von Bedingungen ab: erstens davon, inwieweit die Bodenbeschaffenheit dem Stand des derzeitigen Bodenbaus entsprach, zweitens, in welchem Masse die Pflanzendecke den Anforderungen der Viehhaltung genügte, drittens von der Zugänglichkeit des Trinkwassers; von Bedeutung waren auch noch manche geringere Umstände.

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ В ЗАПАДНОЙ ЛАТВИИ (КУРЗЕМЕ)

Э. МУГУРЕВИЧ

Поселения и городища в западной Латвии исследованы очень слабо. Поэтому произведенные в 1965 году раскопки городища Маткуле представляют особый интерес.[1] Городище Маткуле[2] (называемое также Бусес) расположено на территории колхоза «1 Мая» Маткульского сельсовета Тукумского района. Оно было сооружено на мысу длиной 200 м, который вдается в излучину реки Имулы, левого притока Абавы. Здесь берега древней долины реки отвесны и достигают высоты 25 м. С севера мыс защищен двумя валами; один из них, высотой 4 м, проходящий у площадки городища, имел основное оборонительное значение. Несмотря на то, что с остальных трех сторон мыс окружен рекой, площадку (длиной 50 м и шириной 25 м) с южной стороны дополнительно защищают земляной вал высотой 2 м и форбург. Судя по находкам[3], полученным на площадке у подножия большого вала, можно полагать, что вал начали возводить уже в первый период существования данного укрепления.

В культурном слое городища выделяются два горизонта. Верхний горизонт, давший около 95 проц. общего количества вещевых находок и 25 проц. керамики, датируется 10-м — началом 14 века. В настоящей статье мы остановимся только на результатах раскопок нижнего горизонта культурного слоя, которые дали лишь 5 проц. всех вещевых находок, но около 75 проц. керамики.

В оборонительных сооружениях и вообще в строениях нижнего горизонта важное место занимали столбовые конст-

[1] Раскопки были организованы Институтом истории АН Латв. ССР в сотрудничестве с Тукумским художественным и краеведческим музеем под руководством автора.

[2] E. Brastiņš, Latvijas pilskalni, I. Kuršu zeme. Rīgā 1923, стр. 51—52.

[3] В 1965 году была исследована площадь 116 м^2 на площадке городища, 28 м^2 в форбурге и 31 м^2 — в поселении.

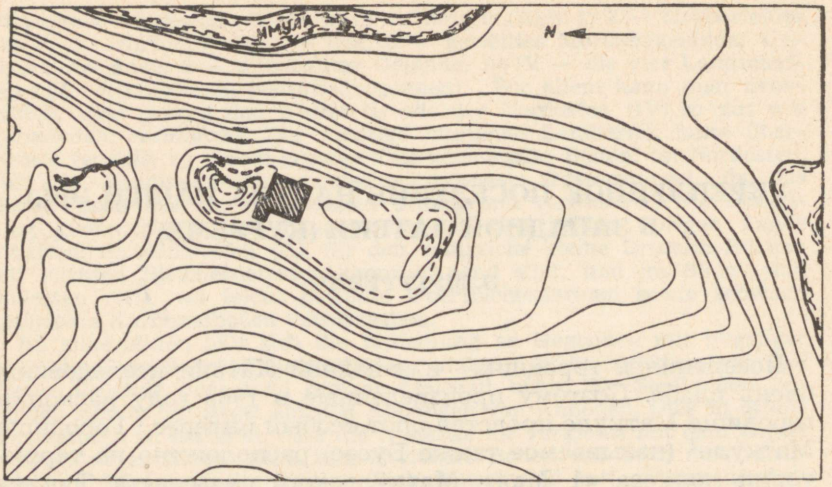


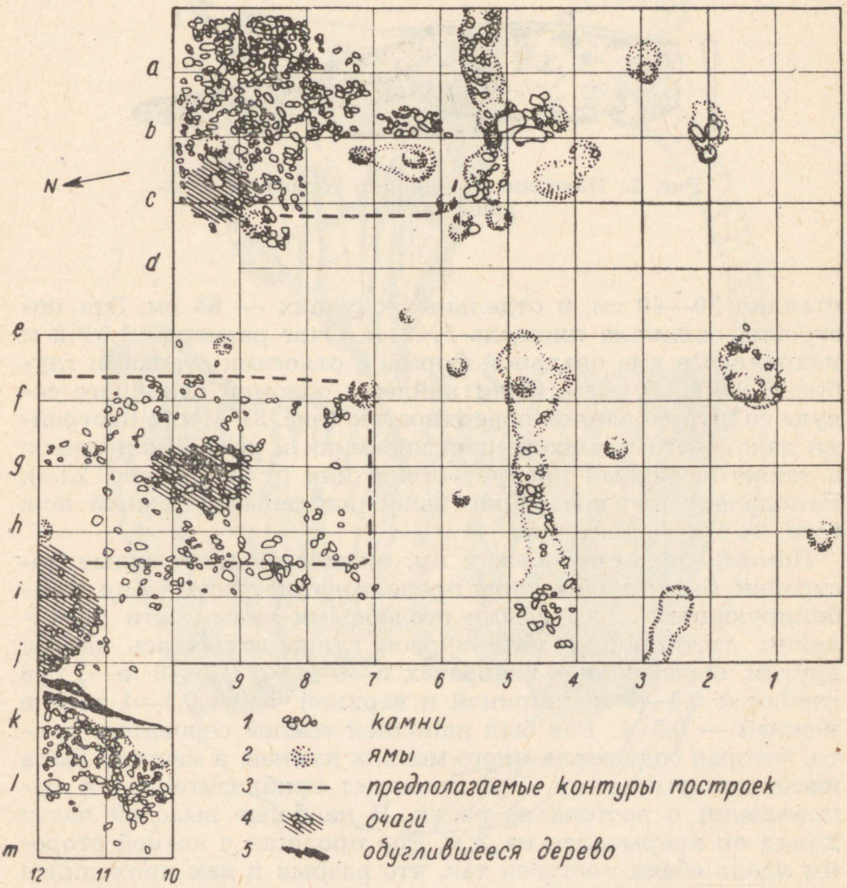
Рис. 1. Городище Маткуле ...

рукции. После снятия культурного слоя в материковой глине обозначилось множество ям (рис. 1). Преобладающее большинство этих округлых в плане ям достигало глубины до 50 см при диаметре 25—45 см. Эти ямы можно было бы считать местами столбов. Они обычно располагались по прямой линии, охватывая более обширные углубления, которые по ряду признаков могут рассматриваться как места построек. Нами были вскрыты две постройки, расположенные у склонов холма. Западную стенку постройки на восточном склоне холма в квадрате 7—10 /a—d отмечали два почти параллельных ряда столбов. По остаткам постройки можно было проследить по крайней мере два строительных периода. Первоначально постройка была расположена ближе к склону холма, позднее расширена в сторону площадки, в результате чего появился второй ряд столбов[4] и был устроен очаг. В нижней части углубления постройки было найдено несколько черепков штрихованной и гладкостенной лепной керамики.[5] Расположенная выше по склону часть постройки

[4] Вследствие ограниченности площади раскопок не были вскрыты восточная и северная стены постройки. Поэтому нельзя было установить ее точные размеры. Надо все же полагать, что она занимала площадь не меньше 4×5 м.

[5] Вещевого материала верхнего горизонта, случайно попавшего в нижний культурный слой, мы не рассматриваем.

имела многослойную вымостку, состоявшую из мелких искрошившихся и ломких камней. Очаг, размерами 1,5×2 м, был расположен в квадратах 9—10 /c—d, в яме глубиной 35 см с отлогими стенками. Очаг охватывался полукругом из камней, много камней лежало и в самом очаге. Близ очага найден бронзовый перстень с парноспиральными концами (рис. 2 : 1). Вторая постройка была расположена в западной части площадки в квадратах 8—12 /f—i. От нее сохранились столбовые ямы, расположенные по метровым линиям f и h, и очаг в квадратах 9—11 /g—h. Диаметр столбовых ям со-



... и строительные остатки в нижнем горизонте раскопа.

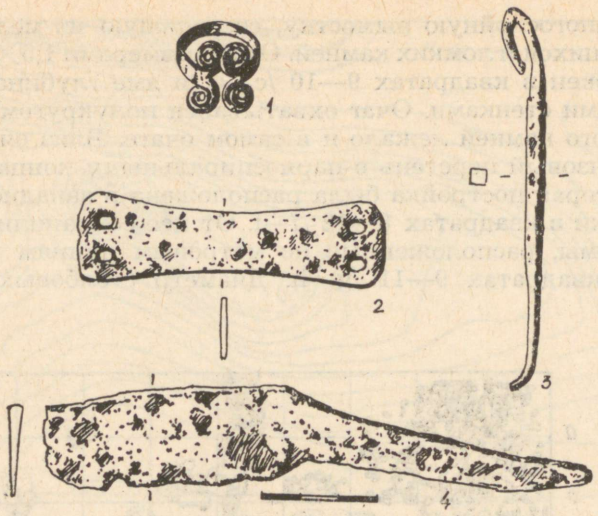


Рис. 2. Находки из нижнего горизонта городища Маткуле.

ставлял 30—40 см, в отдельных случаях — 65 см. Эта постройка занимала площадь 5×3 м. Очаг размером 1,5×2 м находился в яме овальной формы с отлогими стенками глубиной 0,5 м. В очаге были найдены обломки глиняного сосуда со штрихованной поверхностью (рис. 3). Место постройки дало много штрихованной керамики и костей животных, а также железный предмет (шило или булавка? рис. 2 : 3). Неподалеку от постройки были найдены железный нож (рис. 2 : 4) и зернотерка.

Помимо рядов столбовых ям, охватывающих жилые постройки, были прослежены продолговатые углубления, комбинирующиеся с круглыми столбовыми ямами. Эти углубления, достигающие материковой глины, смыкаясь одно с другим, образовали в квадратах 5—6 /a—d и 5—6 /e—j ров глубиной 0,5—1 м, шириной в верхней части 0,5—1 м, а в нижней — 0,5 м. Ров был наполнен землей сероватого цвета, которая содержала много мелких камней, а местами была насыщена угольками. Ров проходил приблизительно в направлении с востока на запад. В наиболее высокой части холма он прерывался на 2 м. Ров пролегал с южной стороны вдоль обеих построек так, что разрыв в нем приходился как раз против промежутка между постройками. Из этого можно заключить, что столбы, укрепленные во рву камня-

ми, были каким-то образом связаны с упомянутыми выше постройками.

Ров со столбами, по-видимому, составлял оборонительный пояс, а в месте, где он прерывается, вероятно, находился вход. Как установил Я. Граудонис[6], во второй половине

[6] J. Graudonis, Celtniecība Latvijā I g. t. p. m. ē. un m. ē. sākumā (pēc arheoloģiskiem materiāliem). *Известия АН Латвийской ССР, 1961, № 4,* стр. 13—14.

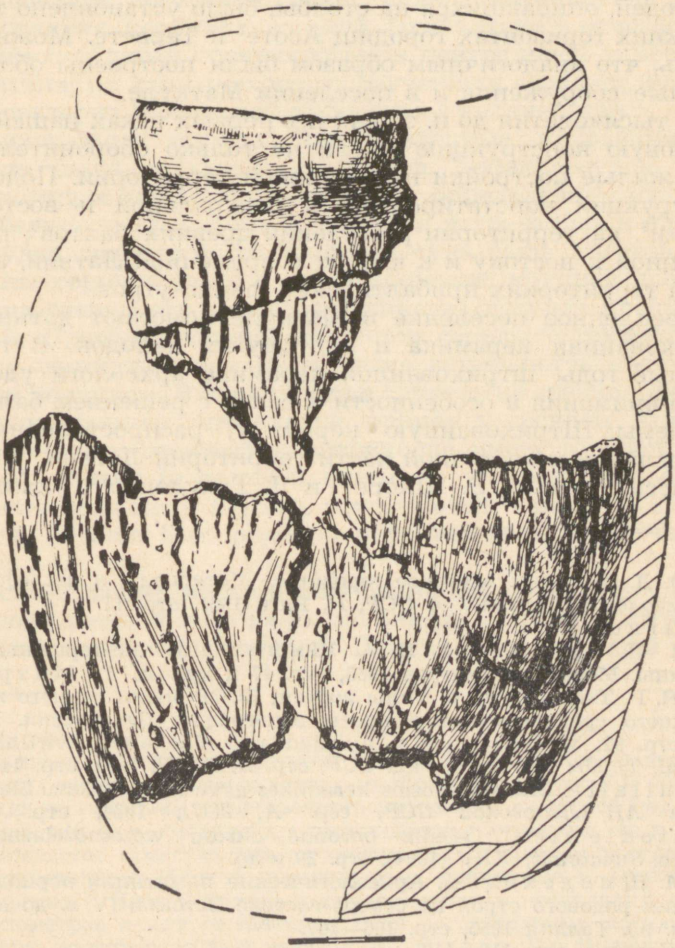


Рис. 3. Реконструированный глиняный сосуд со штрихованной поверхностью из городища Маткуле.

I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры для защиты укрепленных поселений служила опиравшаяся на столбы плетеная изгородь. В тех случаях, когда остатков наземных защитных сооружений не сохранилось (как, например, в Мукукалнсе), о прежнем существовании их свидетельствуют рвы и места столбов. Подобный ров, относящийся к концу I тысячелетия до н. э., был вскрыт на Мукукалнсе. В этом рву, шириной 0,6—0,8 м и глубиной до 0,6 м был камнями закреплен деревянный палисад. Существование деревянных изгородей, опиравшихся на столбы, было установлено также в нижних горизонтах городищ Асоте[7] и Тервете. Можно полагать, что аналогичным образом были построены оборонительные сооружения и в поселении Маткуле.

В I тысячелетии до н. э., как и в первых веках нашей эры, столбовую конструкцию имели не только оборонительные, но и жилые постройки на обширной территории. Подобные конструкции констатированы в центральной и восточной Латвии[8], на территории расселения древних балтов[9], расположенной к востоку и к югу от современной Латвии, а также на территориях прибалтийских финно-угров.[10]

Укрепленное поселение в Маткуле помогают датировать штрихованная керамика и ряд других находок. В послевоенные годы штрихованной керамике археологи уделяли много внимания в особенности в связи с решением балтской проблемы. Штрихованную керамику, распространенную в центральной и восточной части территории Латвии, подробно рассматривали Э. Шноре[11] и Я. Граудонис[12], указавшие

---

[7] Э. Д. Шноре, Асотское городище. *Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, II,* Рига 1961, стр. 11.

[8] Graudonis, стр. 11.

[9] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. Москва-Ленинград 1963, стр. 47 и др.; А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко, Типы жилищ БССР эпохи раннего железа и раннего средневековья. Вопросы этнографии Белоруссии. Минск 1964, стр. 92; V. Daugudis, Aukštadvario piliakalnio itvirtinimai ir pastatai. *Труды АН Литовской ССР, сер. А, 1 (12),* 1962, стр. 44 и др.; E. Danilaitė, Brūkšniuotosios keramikos gyvenvietė Vakaru Lietuvoje. *Труды АН Литовской ССР, сер. А, 2(17),* 1964, стр. 30—32; J. Antoniewicz, Osiedla obronne okresu wczesnożelaznego w Prusach. *Światowit,* XXV (1964), стр. 29 и др.

[10] М. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин 1955, стр. 166—167.

[11] Шноре, стр. 110—112.

[12] J. Graudonis, Vēlais bronzas un agrais dzelzs laikmets Latv. PSR teritorijā. Rīgā 1962 (Рукописная диссертационная работа, хранящаяся в библиотеке Института истории АН Латвийской ССР).

на ее аналогии и приведшие обширную литературу по данному вопросу.

В укрепленном поселении Маткуле было найдено 290 обломков посуды со штрихованной поверхностью, что составляет 64 проц. всех находок лепной керамики. Остальную часть керамических находок представляют обломки гладкостенной посуды. Керамика с облитой поверхностью полностью отсутствовала. Такой состав керамики в известной мере помогает определить верхний хронологический рубеж существования поселения. В середине I тысячелетия н. э. штрихованная керамика во всей Прибалтике[13] исчезает, а керамика с облитой поверхностью в центральной и восточной Латвии, по данным хорошо изученных городищ, наиболее характерна для второй половины I тысячелетия[14].

Штрихованные сосуды, представленные находками из Маткуле, были небольших размеров. У тех сосудов, размеры которых поддавались точному определению, их диаметр обычно не превышал 20 см, хотя встречались и обломки сосудов диаметром до 30 см. Посуда была изготовлена из глины коричневатого цвета с примесью крупной дресвы. Толщина стенок огромного большинства сосудов превышала 1 см. Преобладающими являются сосуды с профилированным, отогнутым венчиком, реже встречаются сосуды с прямым венчиком. В большинстве случаев на стенках имеется односторонняя штриховка, причем у сосудов, найденных в верхних горизонтах, штриховка имеет горизонтальное направление (в верхной части), в то время как среди керамики, лежавшей глубже, встречаются черепки с вертикальной и даже беспорядочно перекрещивающейся штриховкой.

По своей форме маткульские глиняные сосуды со штрихованной поверхностью наиболее близки к III типу штрихованной керамики из поселения Паплинийс в западной Лит-

---

13 Там же.

14 То же относится, по-видимому, к западной Латвии. В древнем поселении, расположенном к западу от городища Маткуле и возникшем, судя по находкам вещественного материала, во второй половине I тысячелетия н. э., отсутствует штрихованная керамика, но в большом количестве представлена гладкостенная и облитая посуда. Обломки керамики с облитой поверхностью, найденные в погребении № 1 кургана в Илес Гайлиши, расположенного в нескольких десятках километров к югу от Маткуле, судя по остальному могильному инвентарю, датируются 4—5 веками (H. Moora, Ein Hügelgrab der römischen Eisenzeit in Ile, Kreis Jelgava, Lettland. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII 1930. Rigae 1931, стр. 451, 457).

ве[15], нижний слой которого датируется концом I тысячелетия до н. э.

По Я. Граудонису[16], в Латвии признаками ранней штрихованной керамики (датируемой I тысячелетием до н. э.), отличающими ее от поздней, следует считать ведрообразную форму и большой диаметр сосудов, толщину стенок 1,0—1,5 см и двухстороннюю штриховку. На основании этих признаков лишь меньшая часть маткульской штрихованной керамики может быть отнесена к указанному периоду. Большая часть ее имеет признаки поздней штрихованной керамики (относящейся к началу нашей эры), как, например, отогнутый венчик, вертикальная, большей частью односторонняя штриховка, причем только штриховка самого края венчика имеет горизонтальное направление.

Ближайшую параллель маткульской керамике представляет штрихованная керамика VI слоя городища Тервете[17], относящаяся к началу I тысячелетия н. э. Территориально наиболее близкими к Маткуле местами находок штрихованной керамики являются Варвес Стрики[18], Маткулес Тояты[19] и Друбазас[20] в северной Курземе; керамика этих памятников отличается, однако, более слабой штриховкой и меньшей толщиной стенок. Керамика из Варвес Стрики датируется приблизительно тем же периодом, что и нижний горизонт городища Маткуле, в то время как керамику из Тояты и Друбазас следует, по Я. Граудонису, отнести к эпохе бронзы.[21]

Массовые находки штрихованной керамики на городище Маткуле позволяют с известной достоверностью включить в ареал распространения этой керамики и западную Латвию, что до сих пор казалось сомнительным из-за недостатка материала.[22] В 1962 году Ф. Д. Гуревич[23] полагала, что, по сравнению с эпохой бронзы, позже, на рубеже нашей эры,

---

[15] Danilaitė, рис. 7—8. Значительное сходство штрихованной керамики из Маткуле и Паплинийс подтвердил также научный сотрудник Тельшяйского музея В. Валатка, производивший раскопки поселения Паплинийс.

[16] Я. Я. Граудонис, Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР. Автореферат канд. диссертации. Ленинград 1962, стр. 21.

[17] Раскопки Э. Бривкалне и Ф. Загорского в 1958—1960 гг.

[18] CVVM 64030, A 10811 : 109.

[19] CVVM 59168, A 5963.

[20] CVVM 62072, A 8923 : 1.

[21] Graudonis, Vēlais bronzas un agrais dzelzs laikmets.

[22] J. Antoniewicz, Z problematyki badań osadnictwa wczesnożelaznegu na wschodnich Mazurach. *Rocznik Białostocki, II*, Białystok 1961, стр. 39, рис. 13.

[23] Ф. Д. Гуревич, Древности Белорусского Понеманья. Москва—Ленинград 1962, стр. 34—35.

ареал распространения штрихованной керамики сузился, так как этот тип керамики якобы больше не обнаруживается на западе Латвии и Литвы. Некоторые другие исследователи[24] также полагали, что штрихованная керамика характерна, главным образом, для восточно-балтских племен, хотя отдельные находки этой керамики уже имелись в западной Латвии[25]. После того как штрихованная керамика была обнаружена и на западе Литвы[26], не могло быть сомнения в том, что малочисленность ее находок объясняется лишь слабой изученностью поселений и городищ западных районов Латвии и Литвы.

Что касается этнической принадлежности памятников со штрихованной керамикой, то в последнее время почти все археологи, занимающиеся этим вопросом (П. Н. Третьяков, В. В. Седов, А. Г. Митрофанов, Х. А. Моора, Я. Я. Граудонис и др.), приписывают их балтским племенам. Не опровергая в принципе это положение, Ф. Д. Гуревич[27] высказала мнение, что штрихованная керамика была характерна только для той части восточных балтов, которая была ассимилирована проникшими на их территорию славянами. По ее мнению, между памятниками со штрихованной керамикой и культурой балтских курганных могильников не прослеживается генетической связи и, следовательно, нельзя доказать преемственность этих культур. В настоящее время мы, однако, знаем, что ареалы распространения культуры курганных могильников и штрихованной керамики полностью совпадают.

Если попытаться ответить на вопрос об этнической принадлежности населения укрепленного поселения Маткуле, следует иметь в виду как добытый в этом поселении материал, так и характер ближайших археологических памятников. Поселение Маткуле находится в бассейне реки Абава, который с эпохи бронзы образовал контактную зону между территориями балтов и прибалтийских финно-угров.[28] Па-

---

[24] R. Jablonskitė-Rimantienė, Ankstyvojo geležies amžiaus Lapainios puodžiai. *Iš lietuvių kultūros istorijos, III*, Vilnius 1961, стр. 14; J. Jaskanis, Wyniki badań kurhanu w Kuraszewie, pow. Hajnówka, przeprowadzonych w 1961 roku. *Rocznik Białostocki, IV*, Białystok 1963, стр. 338.

[25] Шноре, стр. 110; Граудонис, Поздний бронзовый и ранний железный века, стр. 20.

[26] Danilaitė, стр. 33—38.

[27] Гуревич, рис. 21, стр. 35—36.

[28] F. Balodis, Die baltische — finnisch-ugrische Grenze in Lettland in vorgeschichtlicher Zeit. *Mémoires de la Société finno-ougrienne, LXVII*, Helsinki 1933, стр. 34; Граудонис, Поздний бронзовый и ранний железный века, стр. 33.

мятниками прибалтийских финно-угорских племен следует считать каменные могильники в Рендас Авотыни и Кандавас Рейнас, датируемые тем же периодом, что и поселение Маткуле.[29] Полученный при раскопках поселения Маткуле материал носит, скорее всего, смешанный в этническом отношении характер. Так, ближайшие аналогии железному ножу с изогнутым черенком (рис. 2 : 4) найдены в датируемых 1 веком н. э. каменных могильниках с ящиками или оградками в пределах Эстонии.[30] Хронологически более поздним является бронзовый перстень с парными спиральками на концах (рис. 2 : 1). В Латвии найдены два подобных кольца, датируемые 3—4 веками.[31] К рассматриваемому периоду, вероятно, может быть отнесена также железная пластинчатая оковка с вогнутыми краями (рис. 2 : 2), имеющая некоторое сходство с железными поясными оковками, найденными на древней балтской территории в Полесье.[32] Несколько обработанных кусочков кремня, а также зернотерка не поддаются точной датировке. Таким образом, как керамика, так и остальные находки свидетельствуют о том, что культурный слой укрепленного поселения Маткуле восходит к концу I тысячелетия до н. э. и к первой половине (скорее всего к 3—4 векам) I тысячелетия н. э. Этот вывод в целом подтверждают также строительные остатки, причем постройка на западном краю площадки может считаться более ранней (датируется, вероятно, концом I тысячелетия до н. э. и началом нашей эры), а постройка на восточном ее краю[33] могла бытовать вплоть до конца существования поселения.

Укрепленное поселение Маткуле находилось в этнически неоднородном районе, в котором доминирующую роль игра-

---

[29] R. Šnore, Latvijas aizvēstures kartes, I. *Acta Universitatis Latviensis. Philologorum et Philosophorum Ordinis Series, t. I, supplementum II*, Rigae 1936, стр. 22, карта I.

[30] Шмидехельм, стр. 29, 57—58, рис. 8 : 2, 11 : 6.

[31] Сходные кольца найдены в Руцавас Мазкатужи (CVVM 59117, A 1837) и Нитауре (CVVM 64840, DM I 326). Подробнее об этих кольцах см. H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil. ÕES Toim. XXIX, Tartu 1938, стр. 463, где указано, что этот тип колец встречается во всей Прибалтике.

[32] J. Jaskanis, Groby cialopalne z okresu rzymskiego w miejscowości Zawyki, pow. Łapy. *Rocznik Białostocki, II*, Białystok 1961, стр. 413, табл. XXV : 5.

[33] В этом отношении характерны обнаруженные в постройке каменные кладки; такие кладки были найдены также в детально исследованном поселении 2—4/5 веков в Спиетыни (см. И. Дайга, М. Атгазис, Раскопки в Спиетыни и Платери в 1962 году. Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 года, Рига 1963, стр. 30).

ли балтские элементы (характер построек и керамики). В типах ряда описанных выше предметов сказывается влияние прибалтийско-финской культуры.

KINDLUSTATUD ASULA MEIE AJAARVAMISE ALGUSEST LÄÄNE-LÄTIS (KURZEMES)

E. MUGUREVICS

Lühikokkuvõte

1965. aastal kaevas autor Tukumsi rajoonis Abava vasempoolse lisajõe Imula käärus asuvat Matkule linnust. Tehti kindlaks kaks asustusperioodi. Nooremal, 10.—14. sajandit hõlmaval järgul oli linnus kaitstud kõrgete muldvallide ja eelkindlustusega. Linnuse juures oli olnud ka asula. Artiklis peatub autor ainult vanemasse perioodi, I aastatuhande lõppu e. m. a. ja m. a. I aastatuhande esimesse poolde kuuluvatel asustusjäänustel. Esimeses kaevandis (joon. 1) paljanesid arvukad postiaugud, mis pärinesid kahest punutud seintega ja maasse süvendatud kolletega eluhoonest. Kaevamisel leiti rohkesti keraamikat, üks jahvatamiskivi ja mõned metallesemed (joon. 2). Keraamikast moodustavad 65 protsenti paksuseinaliste riibitud nõude killud (joon. 3), väiksem osa pärineb sileda pinnaga nõudest. Seni kehtis üldiselt arvamine, et riibitud keraamika oli levinud ainult Läti ja Leedu idaosas. Nüüd on selle massiline esinemine tehtud kindlaks ka Lääne-Lätis.

EINE BEFESTIGTE SIEDLUNG VOM ANFANG UNSERER ZEITRECHNUNG IN WESTLETTLAND (KURZEME)

E. MUGUREVICS

Zusammenfassung

Verf. unternahm im J. 1965 Grabungen auf der Wallburg Matkule, die im Gebiet (Rayon) Tukums in einer Windung der Imula, eines linken Nebenflusses der Abava liegt. Es liessen sich zwei Siedlungsperioden feststellen. In der jüngeren Periode, die das 10.—14. Jahrhundert umfasste, war die Burg durch hohe Erdwälle sowie eine Vorburg geschützt gewesen. Ihr war auch eine Siedlung vorgelagert. Im Artikel werden nur die der älteren Periode, dem Ende des 1. Jahrtausends v. u. Z. und der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. angehörenden Siedlungsreste erörtert. In der 1. Grabungsstelle (Abb. 1) wurden zahlreiche Pfostenlöcher freigelegt, die von zwei Wohnbauten mit Wänden aus Flechtwerk und mit in den Erdboden eingetieften Herdstellen herrührten. Die Grabung ergab eine Menge Keramik, einen Reibstein und einige Metallgegenstände (Abb. 2). Die Tonware besteht zu 65% aus dickwandiger Binsenstrichkeramik (Abb. 3), zum geringeren Teil aus Überresten glattwandiger Gefässe. Bisher wurde vielfach angenommen, dass die Binsenstrichkeramik nur im Osten Lettlands und Litauens verbreitet war. Nun ist ihr massenhaftes Vorkommen auch für Westlettland bezeugt.

PRILLSPIRAALPÄISTE NÕELTEGA LINIKUKEED

J. SELIRAND

Eesti naiste peakatetest käesoleva aastatuhande alguses on säilinud vähe arheoloogilist materjali. On arvatud[1], et neiud käisid II aastatuhande alguses lahtiste juustega, kasutades juuste kooshoidmiseks pärgi ja paelu. Abielunaised seevastu kandsid, nagu teistelgi rahvastel, peakatteid, kas linikut või teataval viisil seotud rätti. Peakattele omistati ühtlasi võime kaitsta selle kandjat kurja eest.

Rohkem materjali on säilinud liniku ilustamiseks, samuti aga ka nähtavasti selle kaitsejõu suurendamiseks kasutatud pronksehetest. Naiste peakatete ilustamine pronksehetega näib olevat Eesti alal mõneti uueks nähtuseks. Nimelt on teada, et Läti ja Leedu aladel kanti pronksist peaehteid juba m. a. I aastatuhandel.[2] Eesti alal vastavad leiud seni puuduvad. Vanimad peaehted, mida siit tunneme, on pärit II aastatuhande algusest.

Suuremaiks ja ilusamaiks peakatete ehteiks olid prillspiraalpeaga pronksnõelte külge kinnitatud pronkskeed (joon. 1). R. Hausmann pidas esimesena prillspiraalpeaga nõelu juuksevõi peakattenõelteks.[3] Hiljem käsitleti neid nõelu ja nendega ühendatud keesid aga koos rinnaehetega.[4] Alles viimastel aastakümnetel kalmete uurimisel tehtud tähelepanekud tõestasid, et kõnealused nõelad pärinesid linikutelt.[5]

Seni on Eesti mandrilt leitud üldse 15 terviklikumat prillspiraalpäiste nõelte külge kinnitatud keed; peale selle on aga leitud veel 27 prillspiraalpeaga nõela, mille küljes keed pole säilinud või millel on ainult tükike keed järel. Nõelte pikkus

---

[1] H. Moora, Eesti rahvarõivaste arenemise ajaloost. Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult. Tallinn 1957, lk. 11, 14; Vrd. H. Moora, Eestlaste kultuur muistsel iseseisvusajal. *Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabineti Toimetused, IV*, Tartu 1926, lk. 9.

[2] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil. *ÕES Toim. XXIX*, Tartu 1938, lk. 470—473.

[3] R. Hausmann, Einleitung zur Abtheilung Archäologie. *RK*, lk. LXIV.

[4] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B VIII:1*, Dorpat 1925, lk. 61, 81 jj.; Moora, Eestlaste kultuur, lk. 12.

[5] Moora, Eesti rahvarõivaste, joon. 7a, b; lk. 15 jj.

ulatub 5,3—9,5 cm; erinevad on kaks eksemplari: kõige pikem (pikkus 10,6 cm) on juhuleid Torma Ookatkult ja kõige lühem (4,5 cm) Haapsalu rajooni Pajumaa kivikalmest. Keed on valmistatud kahekordsetest peenikestest rõngakestest, mille läbimõõt on keskmiselt 0,5 cm. Tavaliselt on nõelte vahel kolm keerida, kuid on leitud ka ühe- realisi ja isegi mõned kuni viierealised keed. Keede külge on kinnitatud sagedamini ristripatseid ja kuljuseid, ühel juhul on kee küljes õhuke tõmpkooniline ripats ning teisel juhul loomakihv.

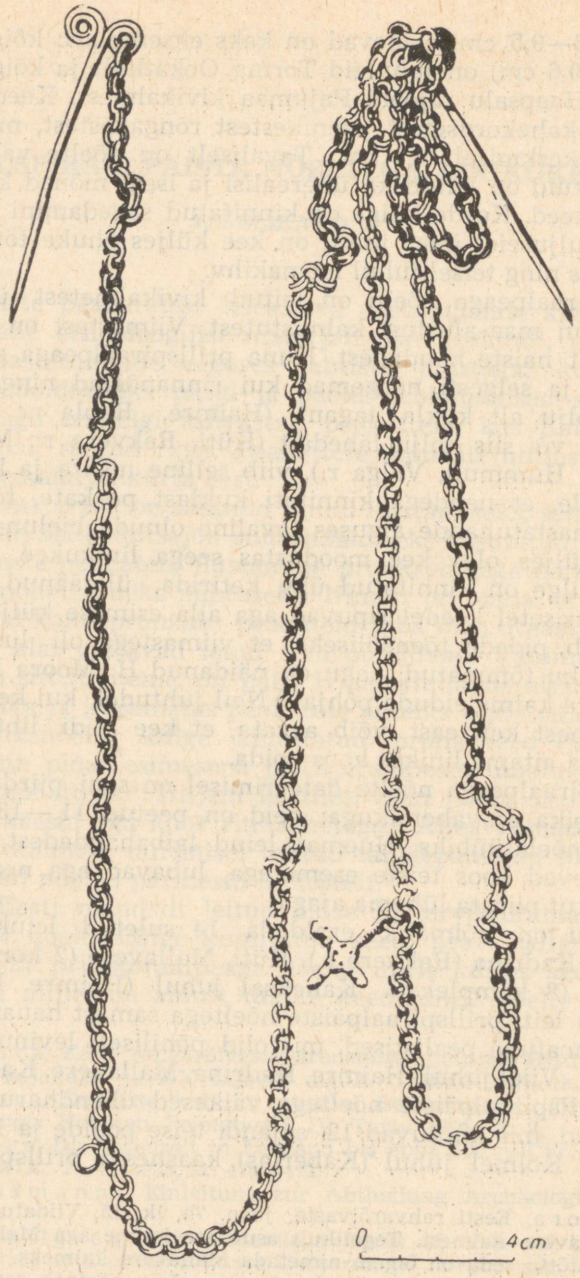
Prillspiraalpeaga nõelu on leitud kivikalmetest üle poole vähem kui maa-alustest kalmistutest. Viimastest on neid leitud ainult naiste haudadest. Kuna prillspiraalpeaga nõelad on väikesed ja selgesti nõrgemad kui rinnanõelad ning neid on leitud kolju alt kukla tagant (Haimre, Rapla r.; Kaberla, Harju r.) või siis kolju lähedalt (Küti, Rakvere r.; Mallavere, Harju r.; Hummuli, Valga r.), viib selline nõelte ja kee asend arvamisele, et nendega kinnitati kuklast peakate, tõenäolisemalt II aastatuhande alguses tavaline olnud abielunaise linik. Nõelte küljes olev kee moodustas seega linikukee. Kuivõrd nõelte külge on kinnitatud üks ketirida, ülejäänud ketiread mitmekordsetel keedel ripuvad aga alla esimese küljest, sedavõrd võib pidada tõenäoliseks, et viimastega oli linik kukla taga kokku tõmmatud, nagu on näidanud H. Moora Mallavere ja Haimre kalmeleidude põhjal.[6] Neil juhtudel, kui kee koosnes ainult ühest ketireast, võib arvata, et kee pidi lihtsalt oma raskusega aitama linikut koos hoida.

Prillspiraalpeaga nõelte dateerimisel on seni piirdutud suhteliselt pika ajavahemikuga: neid on peetud 11.—13. sajandil levinud nõelatüübiks. Uuemad leiud laibahaudadest, kus nõelad esinevad koos teiste esemetega, lubavad aga nende kasutuselolekut piirata lühema ajaga.

Esialgu on võimalik eraldada 14 suletud leiukompleksi: Haimre, Kadrina (Rakvere r.), Küti, Mallavere (2 kompleksi) ja Kaberla (8 kompleksi). Kaheksal juhul (Haimre, Mallavere, Kaberla) leiti prillspiraalpäiste nõeltega samast hauast pronksplekist noatupe pealistised, mis olid põhiliselt levinud 12.—13. sajandil. Viiel juhul (Haimre, Kadrina, Mallavere, Kaberla) leiti koos prillspiraalpäiste nõeltega väikesed ühendharulised ristpeanõelad, mis kuuluvad 12. sajandi teise poolde ja 13. sajandi algusse.[7] Kolmel juhul (Kaberlas) kaasnesid prillspiraalpeaga

[6] Moora, Eesti rahvarõivaste, joon. 7b, lk. 15. Viidatud kohas on juttu Pikavere kalmest. Tegelikult asub see kalme aga Mallavere küla maal, mistõttu seda on õigem nimetada Mallavere kalmeks.

[7] Osa üksikult leitud prillspiraalpeaga nõelu pärineb samuti kohtadest, kus on leitud väikesi ühendharulisi ristpeanõelu.



Joon. 1. Pronksist linikukee Kaberlast.

nõeltega aga hilised ühendharulised kaksikristpeanõelad, mis kuuluvad 13. sajandisse. Neljal juhul (Küti, Mallavere, Kaberla) leiti samast hauast kolmest pronkstraadist keeratud käevõrusid, mis Eesti alal hakkasid rohkem levima 12. sajandi teisest poolest alates. Kolmel juhul kaasnesid linikukeedega ümmarguse esiosaga vööpandlad (Haimre, Mallavere); viimased pärinevad samuti 12. sajandi teisest poolest ja 13. sajandist. Kaberlas kaasnesid prillspiraalnõeltega kahel juhul 12.—13. sajandi õhukesed laiad hõbeplekist käevõrud ja rinnalehed, ühel juhul samaaegsed sõrmused tordeeritud ja põiki soonitud keskosaga ning ühel juhul rombiliste laienditega haakotsine kaelavõru. 12.—13. sajandist on pärit ka Varbola ja Soontagana maalinnadest ning Tallinna Toompealt leitud prillspiraalpeaga nõelad. Kõiki loendatud leiukomplekse arvestades võib pidada tõenäoliseks, et prillspiraalpeaga nõelad tulid Eestis kasutusele 12. sajandi teisel poolel ja olid tarvitusel veel 13. sajandilgi.

Prillspiraalpeaga nõel on iseendast väga vana ja laial alal esinev nõelakuju. M. Gadžijevi järgi esines neid Iraanis IV aastatuhandel e. m. a., järgmisel pronksiaja epohhil Küklaadidel, Väike-Aasias (Trooja), Kesk-Aasias (Anau); III aastatuhandel e. m. a. olid nad tuntud Gruusias, II aastatuhande esimesel poolel e. m. a. levisid aga ka Põhja-Kaukaasiasse, kus muutusid laialt armastatud ehteks.[8] Pronksiajal oli selliseid nõelu ka Põhja-Euroopas, Rootsis ja Taanis.[9] Ei ole mingit põhjust arvamiseks, et enam kui 1500 aastat hiljem Eesti alal esinevad prillspiraalpäised nõelad oleksid põlvnenud nimetatud varaseist nõeltest. Meie nõelte levikuala piirdub oluliselt Eesti territooriumiga. Väljastpoolt seda on leitud vaid üksikuid siit juhuslikult väljaviidud eksemplare, nimelt tänapäeva Läti NSV piiridest 2 nõela [10] ja Lääne-Leedust 1 nõel[11]. Mõned prillspiraalpeaga nõelad on küll teada ka vadja alalt Voinossolovo kääbas-

---

[8] М. Г. Гаджиев, О бронзовых булавках Дагестана эпохи бронзы. *СА 1964, № 4,* lk. 186 jj. Samas on antud ka viited vastavale kirjandusele.

[9] Statens Historiska Museum och Kungl. Myntkabinettet. Samlingarnas tillväxt 1947. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Stockholm, joon. 6, lk. 59.

[10] Üks neist (AI 2199:6 — ktk.) on leitud kusagilt Lõuna-Liivimaalt. Teine (Latvijas PSR Zinātņu Akadēmija Vēstures Institūts Dop $\frac{86}{II:4:22}$) leiti 1960. aastal 11.—13. sajandisse kuuluvaist Lejas Dopelese kääpaist (Jēkabpilsi rajoon) luustiku paremalt vaagnalt, nõelatipp jalutsi poole.

[11] Lietuvių liaudies menas. Vilnius 1958, joon. 475 = P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius 1961, joon. 361. Dateeritud on see 9. sajandiga, mis aga Eesti vastavate nõelte vanust silmas pidades tundub olevat ebaõige.

test[12], kuid need on valmistatud rauast ja tunduvalt tugevamad. Keed on nende külge kinnitatud peast allpool asuva aasa abil, mispärast neid tuleb pidada kohalike meistrite poolt valmistatud rinnanõelteks.

Seega olid prillspiraalpeaga linikunõelad II aastatuhande alguses puht-eestipäraseks ehteks. On tõenäoline, et see nõelakuju tekkis Eesti alal siin juba varem ripatsina kantud prillspiraali kohandamisega nõelapeaks. Prillspiraal oli kui ehe ja kaitsesümbol alates 5.—6. sajandist üsna levinud Baltimail ja Soomes niihästi ripatsina kui keekandjana.[13] Nõelapeaks kujunesid ju Baltimail mõned muudki ripatsid — kolmnurgad ja rattad.

Prillspiraalpäiste nõeltega linikukeed on eriti Eesti mandrile iseloomulikuks ehteliigiks; saartelt pole neid seni leitud. Kuid nende levik ei ole mandrilgi ühtlane. Kõige rohkem — nimelt 26 — on prillspiraalpäiseid nõelu leitud muistsest Rävalast; Sakalast on leitud 8, Läänemaalt 6, Harju- ja Virumaalt kummastki 5, Ugandist 3 ja Vaigast 2 eksemplari. Kesk-Eesti maakondadest pole seni leitud ühtki prillspiraalpäist nõela.

Leidude leviku järgi võib oletada, et prillspiraalpeaga nõelte lähtepiirkond, kust need levisid laiemale, asus kusagil mandri loode- või põhjaosas, kust nimetatud nõelte üldarvust on leitud ümmarguselt 63 protsenti. Kuivõrd prillspiraalpäiste nõeltega keede tarvituseletuleku algust tähistab nende ilmumine maaaluste kalmistute hauapanuste hulka, sedavõrd tundub olevat tõenäoline, et prillspiraalpäiste nõelte lähtepiirkonna otsimisel tuleb arvestada neid maakondi, kus nimetatud nõelad esinevad esijoones maa-aluste kalmistute leiumaterjalis. Sellisteks maakondadeks on Virumaa, Rävala ja Harjumaa. Arvestades asjaolu, et sealt on laiemale levinud veel teisigi ehtevorme, tuleb prillspiraalpäiste nõelte lähtepiirkonnaks pidada nimelt neid maakondi.

---

[12] MAP 20, tahv. XVII:32.

[13] Vrd. RK, tahv. 3:12, 13:11; E. Kivikoski, Die Eisenzeit Finnlands, Bilderatlas und Text, II. Porvoo—Helsinki 1951, joon. 712, 713, 1044, 1045; E. Kivikoski, Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. *SMYA XLIII*, Helsinki 1939, lk. 150 jj.

УКРАШЕНИЯ ДЛЯ ГОЛОВНЫХ ПОВЯЗОК С БУЛАВКАМИ С ПАРНОСПИРАЛЬНОЙ ГОЛОВКОЙ

Ю. СЕЛИРАНД

Резюме

В материковой части Эстонии в женских погребениях 12—13 веков встречаются своеобразные украшения, состоящие из двух небольших бронзовых булавок с парноспиральной головкой, которые соединяются между собой одной бронзовой цепочкой или несколькими цепочками (рис. 1). Булавки обнаруживались, как правило, под затылочной частью черепа; судя по этому, они служили застежками обязательной для замужних женщин головной повязки. Цепочки, имеющие нередко подвески в виде крестиков или бубенчиков, свисали на спину женщины. Эти предметы не только представляли собой украшения, но имели и значение оберегов. Хотя булавки с парноспиральной головкой встречались уже в эпоху бронзы, рассматриваемые поздние булавки возникли в Эстонии, очевидно, самостоятельно, путем перенесения на булавку парной спирали, которую начиная с 5—6 веков в Прибалтике нередко носили в качестве подвески. Таким же путем возникли прибалтийские булавки с треугольной и колесообразной головкой.

KOPFTUCHGEHÄNGE MIT BRILLENSPIRALENNADELN

J. SELIRAND

Zusammenfassung

Auf dem estnischen Festlande kommt in den aus dem 12.—13. Jahrhundert stammenden Frauengräbern ein eigenartiger Schmuck vor, der aus zwei kleinen bronzenen Nadeln mit Brillenspiralenkopf und einer oder mehreren an die Nadeln angehängten Bronzeketten besteht (Abb. 1). Die Nadeln liegen stets am Hinterhaupt und haben wohl das für die verheirateten Frauen verbindliche Kopftuch zusammengehalten. Die Ketten, die oft Kreuzchen- oder Schellenanhänger tragen, hingen auf den Rücken der Frau hinab. Die Nadeln und Ketten dienten nicht nur als Zierden, sondern ihnen wurde offenbar auch schützende Kraft zugeschrieben. Obgleich Nadeln mit Brillenspiralen schon in der Bronzezeit vorkamen, dürften die gleichartigen späten Nadeln selbständig entstanden sein, indem der seit dem 5.—6. Jahrhundert im Baltikum oft getragene Brillenspiralenanhänger auf die Nadel als deren Kopf übertragen wurde. In der gleichen Weise scheinen ja auch die ostbaltischen Nadeln mit Rad- oder Dreieckkopf entstanden zu sein.

EISENZEITLICHE BEFESTIGTE SIEDLUNGEN IN SCHWEDEN

MÄRTEN STENBERGER

Die vorgeschichtliche Siedlung in Schweden wurde wahrscheinlich im allgemeinen durch Einzelhöfe oder unregelmässig gruppierte Ansammlungen von Höfen gekennzeichnet. Leider ist die Kenntnis der Struktur der vorzeitlichen Siedlung in Schweden noch sehr begrenzt. Dies bezieht sich auf alle drei vorgeschichtliche Perioden, vor allem aber auf die Stein- und Bronzezeit.

Auf dem schwedischen Festland sind hier und da Baureste ausgegraben worden, die aus der Eisenzeit herrühren, aber in der Regel haben sie sich als recht unansehnlich und wenig erläuternd erwiesen. Eine Ausnahme bilden jedoch die Ausgrabungen, die unter der Leitung von Professor Wilhelm Holmqvist auf Helgö im Mälarsee geführt werden, wo seit etwa zehn Jahren ein Siedlungssystem von einer früher in Schweden unbekannten Art und von einem einzigartigen Reichtum an Fundmaterial freigelegt wird. Es sind Überreste von einander nahe gelegenen Höfen aufgedeckt, die möglicherweise eine Ortschaft mit Handwerk und Handel als Hauptgewerbe gebildet haben.[1] Wichtig sind auch die Untersuchungen von Siedlungen aus der jüngeren Eisenzeit, die Dozent Märta Strömberg während einer Folge von Jahren in Schonen bei Hagestad, im Kirchspiel gleichen Namens, ausgeführt hat.[2]

Ein ausserordentlich vielseitiges Bild von der Art der Siedlung während der Eisenzeit gewähren dagegen die beiden grossen Ostsee-Inseln Gotland und Öland — auf jeder dieser Inseln haben sich hunderte von Steinfundamenten der lang-

[1] W. Holmqvist, B. Arrhenius, P. Lundström, Excavations at Helgö, I. Stockholm 1961; W. Holmqvist and B. Arrhenius, Excavations at Helgö, II. Stockholm 1964.

[2] M. Strömberg, Eine siedlungsgeschichtliche Untersuchung in Hagestad, Südost-Schonen. *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum*, Lund 1961.

schmalen Häuser erhalten, die als Einzelhöfe oder in grösseren, unregelmässigen Agglomerationen auftreten. In den Fällen, wo eine grössere Anzahl von Hausfundamenten auf derselben Stelle vorkommt, verteilen sie sich auf 2—3, höchstens 5—6 Höfe mit je 3—5 Häusern auf jedem Hof. Hier handelt es sich offenbar um die Ausläufer eines Stammhofes. Eine Anzahl Häuser ist auf den beiden Inseln untersucht worden. Die dabei gemachten Funde stammen in sämtlichen Fällen aus der jüngeren römischen Eisenzeit und Völkerwanderungszeit. Dieses dürfte doch nicht ausschliessen, dass auf den Inseln dieselbe Bauweise sowohl vor wie nach der angegebenen Zeitperiode vorkam. Jedenfalls darf man sie mit recht grosser Sicherheit für die ältere römische Eisenzeit annehmen. Die bisherigen Ausgrabungen sind aber zu gering um in dieser Frage einen endgültigen Schluss zu erlauben.[3]

Es ist zu beachten, dass überall, wo die gotländischen bzw. öländischen Höfe in Gruppen liegen, offenbar jeder Hof sein eigenes Land besessen hat. Nichts deutet darauf hin, dass eine organisierte Dorfsiedlung mit gemeinsamer Wirtschaft vorgekommen ist, sondern die Höfe bildeten allem Anschein nach selbständige Einheiten. Das Dorf im soziologischen Sinn hat also mutmasslich weder auf Gotland noch auf Öland existiert. Einige wahrscheinliche Ausnahmen von dieser Regel werden im folgenden näher besprochen.

Man hat bisher geglaubt, dass die Höfe während der Eisenzeit offen lagen, d. h. dass sie keine Verteidigungsanlagen hatten. Der befestigte Hof oder das befestigte Dorf, auf dem Kontinent seit der Steinzeit aus verschiedenen Kulturkreisen bekannt, wäre streng genommen nicht in dem schwedischen Kulturgebiet vorgekommen.

Neuere Untersuchungen an verschiedenen Orten im Lande haben gewissermassen zu einer Revision dieser Vorstellung geführt und erkennen lassen, dass befestigte Siedlungen während der Eisenzeit in Schweden bis zu einem gewissen Grade und unter speziellen Bedingungen existiert haben. Künftige Forschungen im Gelände dürften sehr wahrscheinlich die Anzahl solcher Anlagen erhöhen, ohne dennoch die Auffassung zu ändern, dass der unbefestigte Hof die gewöhnliche Siedlungsform war. Damit ist nicht gesagt, dass die Höfe überhaupt keine Schutzanlagen hatten. Solche kamen natürlich vor. Unmittelbar auf dem Erdboden oder auf niedrigen Grund-

[3] M. Sternberger, Öland under äldre järnåldern. Stockholm 1933; M. Stenberger and O. Klindt-Jensen, Vallhagar, A Migration period settlement on Gotland/Sweden, 1—2. Stockholm 1955.

mauern oder Wällen aufgeführte hölzerne Einfriedigungen und Zäune kamen sicherlich vor. Solche Umzäunungen um eine Siedlung herum erschienen natürlich, nicht zuletzt der Weidetiere wegen. In einigen Fällen können sie auch eine fortifikatorische Gestaltung gehabt haben.

Auf einer durch Wälle geschützten Felsenpartie bei Darsgärde, im Kirchspiel Skederid, Uppland, hat Dr. Björn Ambrosiani zahlreiche Steinfundamente von 10—12 Meter langen Häusern untersucht und dabei verschiedene Siedlungsfunde, Gebrauchskeramik, Webstuhlgewichte, Mahlsteine und einfache Eisengegenstände angetroffen. Es ist offensichtlich, dass die Menschen dort innerhalb des Schutzwalles gewohnt haben, aber inwiefern die Existenz der Siedlung auf einen kürzeren Zeitabschnitt, z. B. eine Kriegsperiode, beschränkt war, oder ob sie einen permanenteren Charakter hatte, bleibt vorläufig ungewiss. Das erstere ist am wahrscheinlichsten. Auch ausserhalb des Walles liessen sich Überreste von grossen Wohnhäusern nachweisen. Die vom Wall umgebene Siedlung lässt sich schwierig datieren, aber die Funde deuten auf die jüngere römische Eisenzeit hin. Diese Datierung wird durch C14-Bestimmungen von Holz vom Tor des Befestigungswerks gestützt, die das 4. Jahrhundert n. Chr. ergeben haben.[4]

Auch auf einem paar in Mittelschweden auf Berghöhen gelegenen vorgeschichtlichen Burgen hat man Reste von Bauten angetroffen, aber auch von diesen gilt es, dass sie möglicherweise nur während unruhiger Zeiten bevölkert gewesen sind.

Höfe mit je mehreren Hausfundamenten sind von Dozent Evert Baudou bei Halleby im Kirchspiel Skärkind, Östergötland, ausgegraben worden. Es sind drei nahe beieinander gelegene Höfe, die den Eindruck machen, ein kleines Dorf gebildet zu haben. Es gab aber keine gemeinsame Umzäunung, sondern jeder Hof war von einer niedrigen Mauer umgeben. Dieser ausgesprochene Individualismus dürfte die Annahme, dass eine Dorfgemeinschaft existiert hätte, ausschliessen. Die Siedlung dürfte aus der römischen Eisenzeit und Völkerwanderungszeit stammen.

Die eben erwähnten Anlagen vertreten zwei verschiedene Typen: den eingezäunten Hof, der auch von Gotland und Öland bekannt ist, und die auf einer Höhe gelegene, vermutlich übergehend besiedelte Verteidigungsburg.

Eine für skandinavische Verhältnisse einzigartige Siedlungsform wird z. Z. auf Öland bei dem Dorf Eketorp, Kirchspiel Gräsgård, im südlichsten Teil der Insel, ausgegraben.

---

[4] B. Ambrosiani, Fornlämningar och bebyggelse. Uppsala 1964.

Es ist eine runde Kalksteinbefestigung, die allem Anschein nach zu verschiedenen Zeiten ständig bewohnt war und die es verdient, in diesem Zusammenhang hier näher besprochen zu werden.

Unter den zahlreichen vorgeschichtlichen Denkmälern Ölands gibt es etwa zwanzig vorzeitliche Burgen, die von besonderem Interesse sind. Fast alle sind als geschlossene Ringburgen erbaut und ziehen sich gleich einem Band über die Insel hin, von ihrem nördlichen bis zum südlichen Ende. Unter ihnen nimmt die Burg Ismantorp dadurch eine Sonderstellung ein, das sie ca 90 Hausfundamente umfasst, die in symmetrischer Gruppierung das Innere der Anlage füllen (Taf. VI). Die Burg Ismantorp ist in der archäologischen Litteratur lebhaft diskutiert worden, aber die Frage nach ihrem Alter und ihrer Anwendung steht immer noch offen, da in der Anlage bei Untersuchungen weder eine Kulturschicht noch Gegenstandsfunde nachgewiesen werden konnten. Aus rein theoretischen Gründen ist ihre Bauzeit dem 5. oder 6. Jahrhundert u. Z., d. h. der nordischen Völkerwanderungszeit zugewiesen worden.[5]

Die südlichste Anlage dieser Art ist die erwähnte Burg bei Eketorp. Sie liegt auf der Grenze zwischen bebautem Land und dem offenen, heideähnlichen Kalksteingebiet, Stora Alvaret genannt, welches den grössten Teil der Insel im Süden umfasst. Im Osten grenzte die Anlage an einen seichten, jetzt entwässerten See. Sie besteht aus einer ringförmigen, ca 1,5—2 Meter hohen, in Trümmern liegenden Kalksteinmauer, die von einer äusseren, niedrigen Mauer umgeben ist, die wahrscheinlich eine Art von Holzkonstruktion getragen hat. Ihr innerer Durchmesser beträgt ca 80 Meter. Die Anlage hat nur einen Eingang und dieser liegt im Südwesten.

Am Anfang der dreissiger Jahre machte der Verfasser eine kleinere Probeausgrabung innerhalb der Ringmauer, wobei beträchtliche Kulturschichten mit zahlreichen Gegenständen und einer grossen Menge Tierknochen gefunden wurden. Die Funde wiesen auf die späte Wikingerzeit und das ältere Mittelalter hin, die der nordischen Chronologie entsprechend etwa den Zeitabschnitt von 1000 bis 1300 umfassen.[6]

Erst etwa dreissig Jahre später konnte an eine planmässige Untersuchung der Burg Eketorp geschritten werden. Sie wurde im Sommer 1964 angefangen, im Sommer 1965 weitergeführt

[5] Stenberger, Öland under äldre järnåldern, S. 235 ff.

[6] Sternberger, Eketorps borg. En förhistorisk befästning med medeltida bosättning. *Arkeologiska studier tillägnade K. K. H. Kronprins Gustaf Adolf*, Stockholm 1932.

und wird ununterbrochen so lange betrieben werden, bis die ganze Anlage erforscht ist. Das bisher ausgegrabene Areal beträgt ca 700 qm.

Die Untersuchungen führten zu überraschenden Ergebnissen. Es konnten zwei, durch ein steriles Lager getrennte Kulturhorizonte erkannt werden. Der obere Horizont besteht aus einer kompakten Masse von Trümmern, die von der Innenseite der Hauptmauer und vermutlich von kleineren Häusern stammen. Die Häuser sind mehr oder weniger aus Stein erbaut gewesen. An verschiedenen Stellen traten unter den Trümmern Reste von Grundmauern verhältnismässig kleiner, vierseitiger Gebäude auf, die miteinander und im allgemeinen auch mit der Hauptmauer nicht verbunden waren.

In diesen Steintrümmern wurden ohne bestimmte Lagerfolge die meisten Gegenstandsfunde gemacht, insgesamt ca 7000 Nummern. Sie bestätigen die frühere Annahme, dass die Entstehung des oberen Kulturniveaus in die späte Wikingerzeit und ins ältere Mittelalter fällt. Die Funde bestehen hauptsächlich aus einfachen Eisengegenständen, wie Messer, Hufeisen, Nieten und Nägel. Dazu kommen Funde verschiedener Art, wie Tischler- und Erntegeräte, Waffenteile, eine Menge Pfeilspitzen verschiedener Art, Sporen und Fussangeln, Schlösser und Schlüssel, Feuerstahle und Scheeren; weiterhin Kämme, Nadeln, Spinnwirteln, Spielwürfel und Schlittschuhe aus Bein, Glasperlen, geschliffene Berg- und Amethystkristalle, Schmucksachen aus Bronze und Silber, und Keramik von slawischem Typus. Tierknochen sind ausserordentlich zahlreich. Im Jahre 1964 wurde ein kleiner Bronzezylinder mit ca 300 Silbermünzen gefunden, die vermutlich auf Gotland um 1200 geprägt sind. An verschiedenen Stellen sind etwa zwanzig ähnliche Münzen sowie auch ein paar arabische Silbermünzen zutage gekommen.

Die Anlage wurde einmal im älteren Mittelalter durch einen heftigen Brand verwüstet. Hiervon zeugen Brandlager, die ausserhalb des Tores in der Ringmauer angetroffen wurden. Auch die Bausteine der Ringmauer zeigten starke Brandspuren. Mehr oder minder zusammenhängende Brandschichten traten entlang der Innenseite der Ringmauer unter den eingestürzten Steintrümmern zutage. Von einem katastrophartigen Ereignis zeugen auch die Münzfunde sowie das Vorkommen zahlreicher zerstreut auftretender Menschenknochen in den Trümmerlagern.

Unter diesem oberen Horizont und dem erwähnten sterilen Lager traten im unteren Kulturhorizont ausserordentlich gut erhaltene Überreste eines älteren Siedlungssystems hervor, das sich direkt an die Innenseite des Hauptwalles anschloss. Dieses

Siedlungssystem besteht aus nahezu trapezförmigen Hausfundamenten, die nebeneinander liegen und gemeinsame Langseiten haben (Taf. VII : 1, 2). Die eine Schmalseite der Häuser stützt sich gegen die Hauptmauer, die andere, mit der Eingangsöffnung in der Mitte, liegt nach dem Zentrum der Anlage hin. Dies ist im Prinzip dieselbe Planlösung wie in der Burg Ismantorp (Taf. VI) mit dessen äusserer, von der Innenseite der Hauptmauer radial ausgehenden Häuserreihe. Aber während die Siedlung in der Burg Ismantorp sich als steril, leer und lebenslos, ohne Baueinzelheiten, Kulturschicht oder Gegenstandsfunde erwiesen hat, liefert der untere Horizont der Eketorp-Anlage uns Überreste einer wirklichen Siedlung von vermutlich verhältnismässig langer Dauer.

Sechs Häuser der genannten Art sind bisher in den unteren Kulturniveau freigelegt worden. Ihre Masse stimmen untereinander so nahe überein, dass man den Eindruck der Anwendung einer Zeichnung, eines Architektenplans erhält. Die Länge der Häuser beträgt durchgehend 11,5 m, die Breite der inneren, dem Ringwall zugekehrten Giebelwände ca 5 m, die der äusseren — 4 m (sämtlich von innen gemessen). An der Innenseite der meisten Eingangsöffnungen steht ein auf die Kante gestellter Schwellenstein von gleicher Dicke, flankiert von mit Steinen eingefassten Löchern von den Türpfosten. Die Häuser dürften zwei Räume enthalten haben, einen inneren und einen äusseren, jeder mit einer Feuerstelle. Die Dächer wurden von zwei in der Längsrichtung der Häuser verlaufenden Reihen von Pfosten getragen; die Pfosten ruhten auf Unterlagesteinen oder waren mit Steinen in Löchern verkeilt, die man in den Erdfussboden eingetieft hatte. In zwei Häusern gibt es neben der einen Längswand eine rechteckige, aus Stein gebaute Kiste, die möglicherweise als Backofen gedient hat.

Im Gegensatz zum Fundreichtum des oberen Siedlungshorizonts sind die bisher gemachten datierbaren Gegenstandsfunde von der Reihenhaussiedlung von recht geringer Anzahl, aber doch ausreichend, um eine Allgemeindatierung dieser Siedlung in die späte Völkerwanderungszeit — ältere Wendelzeit, d. h. ins 6.—7. Jahrhundert u. Z. zu gestatten. Die betreffenden Funde bestehen aus ein paar Bronzespangen, einem bronzenen Riemenendebeschlag, Teilen von gelbgrünen Glasbechern mit aufgelegten Drähten von einem Typ, der in gotländischen und südnorwegischen Grabfunden der Völkerwanderungszeit allgemein vertreten ist. Hierzu kommen Scherben von Tongefässen mit charakteristischen Grübcheneindrücken am Mündungsrand, die eine vom schwedischen Festland bekannte Form aus der älteren Wendelzeit vertreten. Zu den interessantesten Funden

gehört eine fragmentarische Schieferplatte mit kräftig eingeritzten älteren Runen. Auf dieser Platte kann u. a. die Beschwörungsformel *Alu* abgelesen werden.

Aus der älteren Wikingerzeit liegen keine Gegenstandsfunde vor und deshalb ist es gegenwärtig wahrscheinlich, dass eine Unterbrechung in der Besiedlung zwischen dem Ende der Wendelzeit und dem späteren Teil der Wikingerzeit eintrat.

Es ist natürlich noch unmöglich sich darüber auszusprechen, welcher Art die Siedlung im übrigen ist und ob die mit nahezu mathematischer Genauigkeit aufgeführten Reihenhäuser entlang der ringförmigen Hauptmauer einen geschlossenen Kreis ohne Unterbrechung bilden. Die bisher zutagegekommenen Hausfundamente dürften alle von Wohnbauten stammen. Falls aber die Siedlung, wie anzunehmen ist, während einer gewissen Zeit ständig bewohnt war, müssten sich innerhalb der Ringmauer auch Bauten anderer Bestimmung finden: Ställe, Vorratshäuser, Werkstätten. Im oberen Lager sind zahlreiche Eisenschmelzen und Eisenschlacken angetroffen worden, woraus folgt, dass wenigstens während der Entstehung dieser Wohnschicht Eisenschmelzen und Eisenschmieden vorkamen. Bisher sind aber keine Überreste von Schmelzöfen oder Schmieden nachgewiesen worden. Man hat auch keine Siedlungsüberreste ausserhalb der Ringmauer feststellen können. Sollten Gebäude genannter Art existiert haben, müssen sie also in einem anderen Teil des befestigten Gebiets wiedergefunden werden.

Die streng symmetrische Planlösung des unteren Siedlungshorizonts ist von ausserordentlich grossem Interesse. Einen entsprechenden Siedlungstyp, den man im Prinzip in der Burg Ismantorp wiederfindet und der der älteren Aufzeichnungen zufolge auch in einigen anderen Burgen im südlichen Teil der Insel vorgekommen ist, kennen wir aus dem übrigen Skandinavien nicht. In der Planung liegt wohl eine gewisse Ähnlichkeit mit einigen Anlagen der jüngeren Eisenzeit im südwestlichen und nördlichen Küstenland Norwegens vor, aber diese sind unbefestigt und ihre Häuser viel zufälliger gruppiert gewesen.

Eine so entwickelte und durchdachte Bauweise, wie wir sie in Eketorp vorfinden, war kaum eine selbständige Schöpfung der öländischen Bevölkerung, deren Siedlungen zuvor aus Einzelhöfen mit Häusern in zerstreuter Lage bestanden, sondern dürfte aller Wahrscheinlichkeit nach auf fremde Impulse und Vorbilder zurückzuführen sein. Sucht man nach solchen, so richtet sich der Blick in erster Linie nach Südosten, in den spätrömisch-byzantinischen Kulturkreis, wo das befestigte Dorf

mit radialer Gruppierung der Häuser vorkam, das sich in unruhigen Zeiten herausgebildet hatte. Aus dieser Richtung erreichte in der späten Völkerwanderungszeit ein Strom von römischen Solidi Öland und das Ostseegebiet. Öländische Teilnehmer an den grossen Ereignissen auf dem Kontinent können da mit dieser Form von kollektiven, zum gemeinsamen Schutz und zu gemeinsamer Verteidigung zusammengeschlossenen Siedlungen Bekanntschaft gemacht haben. Sie haben dann bald Anlass gefunden ihre Erfahrungen auf den öländischen Boden zu übertragen. Sollte die angegebene Datierung des unteren Siedlungsniveaus von Eketorp richtig sein, kann dieses mit den verheerenden kriegerischen Ereignissen in Verbindung stehen, die gemäss einer von vielen Archäologen verfochtenen Ansicht auf Öland um 500 u. Z. sowie etwa zur selben Zeit im südlichen Ostseegebiet stattgefunden haben. Diese Heimsuchung kann die Einwohner der ausgesetzten Insel zu der für skandinavische Verhältnisse ungewöhnlichen Wohnart gezwungen haben. Joachim Werner hat schon früher mit grossem Scharfblick auf ähnliche Möglichkeiten bezüglich der Burg Ismantorp hingewiesen, aber als er diese zum Ausdruck brachte, war die Siedlung bei Eketorp noch unbekannt. Werner zufolge müsste die Burg Ismantorp als gemeinsamer Zufluchtsort während der Unruhezeit angelegt worden sein. Im Prinzip könnte also dieser Gedankengang zutreffend sein, aber nach den Eketorpfunden zu urteilen, dürfte die neuartige Siedlung auf der Insel am ehesten erst nach dieser unruhigen Zeit aufgekommen sein.[7]

Wie damit auch sei, die untere Siedlung in Eketorp ist, wie gesagt, kaum von zufälliger Art gewesen. Die sorgfältige Bauart der Häuser, ihre Einrichtung und die verhältnismässig starken Kulturschichten deuten auf eine permanente Siedlung hin. Die Anlage dürfte ein befestigtes Dorf gewesen sein. Vermutlich können mehrere von den «Burgen» Südölands als gleichartige befestigten Siedlungen aufgefasst werden. Allein durch weitere Untersuchungen dürften wir Klarheit über ihre Gründung und Lebenslänge erhalten.

Es ist noch zu früh sich darüber auszusprechen, wie die obere Wohnschicht zu deuten ist, wie man ihr Reichtum an Gegenständen aus der späten Wikingerzeit und dem älteren Mittelalter sowie die Überreste einer Siedlung zerstreuter Art erklären soll. Diese Siedlung scheint einen kollektiven Charakter gehabt zu haben, der mit Rücksicht auf die Lage der Anlage

---

[7] J. Werner, Zu den auf Öland und Gotland gefundenen byzantinischen Goldmünzen. *Fornvännen 1949*, S. 257 ff.

schwer zu verstehen ist: sie befindet sich recht weit vom Meer, ohne eine Wasserverbindung mit diesem zu haben, sie liegt am Rande der kargen Kalksteinsteppe Südölands. Einige Funde aus dieser Schicht sind von slawischem Charakter. Es ist deshalb nicht völlig ausgeschlossen, dass ein Zusammenhang zwischen dieser Siedlung und den Kriegsunternehmen der slawischen Wenden im Süden der Ostsee im 11.—12. Jahrhundert vorliegen könnte. Auch dieses Problem kann erst in der Zukunft gelöst werden.

RAUAAJA KINDLUSTATUD ASULAD ROOTSIS

MÅRTEN STENBERGER

Lühikokkuvõte

Seni Rootsis uuritud muistsete ehituste jäänused on kuulunud enamasti hajali asuvate üksiktaludega ja ebakorrapärase plaaniga asulatele. Erandiks on kollektiivsed kindlustatud asulad Ölandi saarel. Üks niisuguseid on autori poolt juba varematel aastatel uuritud Ismantorpi asula (vt. õhufoto tahv. VI). 1964. aastal alustas autor samalaadse asula uurimist saare lõunaosas Eketorpis (tahv. VII : 1, 2). Samuti nagu eelmine, oli ka see asula ümbritsetud paeplaatidest laotud ringvalliga. Asula õuel leiti kaks kultuurkihti. Ülemine kiht pärineb 11.—13. sajandist. Lisaks arvukale esemelisele materjalile tulid sellest päevavalgele väikeste nelinurksete, peamiselt kividest ehitatud hoonete alused. 6.—7. sajandisse kuuluvast alumisest kultuurkihist leiti kõrvuti asetsenud, põhiplaanilt trapetsikujuliste elamute aluseid, mis paiknesid radiaalselt vahetult valli siseküljel (tahv. VII : 1, 2). Elamutel olid ühesugused mõõtmed (pikkus 11,5 m, laius vallipoolses otsas 5 m, teises — 4 m) ja nad olid ehitatud ilmselt ühtse plaani järgi. Autor peab võimalikuks, et sellise, Rootsi tingimustes erandliku asulatüübi tekkimist põhjustasid Läänemere piirkonnas I aastatuhande keskel valitsenud rahutud olud. Sellisele asulatüübile on nähtavasti olnud eeskujuks samalaadsed kindlustatud asulad rooma-bütsantsi kultuuri piirkonnas.

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ШВЕЦИИ

МОРТЕН СТЕНБЕРГЕР

Резюме

Как показали археологические раскопки остатков древних построек в Швеции, эти остатки относятся к обособленным поселениям хуторского типа. Исключением являются коллективные укрепленные поселения на острове Эланд. На табл. VI воспроизводится аэрофото одного из этих укреплений, Исманторп, которое было вскрыто автором в начале 1930-х годов. В 1964 году автор приступил к исследованию

остатков другого подобного укрепления, расположенного на юге острова, в Экеторп (табл. VII : 1, 2). Это укрепление, как и названные выше, было обнесено сплошным круговым валом, сложенным из известнякового плитняка. При раскопках площадки были обнаружены два культурных слоя. Верхний слой относится к 11—13 векам. В нем, помимо многочисленного вещевого материала, были обнаружены основания небольших четырехугольных домов, построенных преимущественно из известняка. В нижнем горизонте, датируемом 6—7 веками н. э., были найдены основания примыкающих друг к другу трапециевидных в плане жилых построек, расположенных радиально непосредственно за валом (табл. VII : 1, 2). Эти жилища построены по единому плану и имеют одинаковые размеры (длина с внутренней стороны 11,5 м, ширина на конце, обращенном к валу, 5 м, на другом конце — 4 м). Автор считает возможным, что данный, исключительный в условиях Швеции, тип поселений возник в связи с неспокойной обстановкой в районе южной Балтики в середине I тысячелетия н. э. и что образцом для него послужили подобные укрепленные поселения в римско-византийском мире.

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ 11—13 ВЕКОВ ИЗ ГОРОДИЩА КОКНЕСЕ

А. СТУБАВС

Укрепление-замок Кокнесе (*castrum Kukenoys*), расположенное на правом берегу реки Даугавы в 100 км от Риги, было в начале 13 века политическим, военным и административным центром небольшого феодального княжества, в котором, по данным «Хроники Ливонии», правил русский князь (*rex*) Весцеке, Ветсеке (*Vesceke, Vetseke*), упоминаемый в русских летописях под именем Вячко.[1] В его дружине помимо русских служили и местные жители — латгалы и селы. Последние упоминаются также в качестве данников князя.[2] В 1208 году войско крестоносцев напало на Кокнесе. Вячко, не получив вовремя запрошенную из Полоцка помощь, предал огню укрепления замка и вместе со своей дружиной ушел на Русь.

Кокнесе продолжало, однако, и в последующие столетия играть значительную роль в истории Латвии. В 1209 году епископ Альберт построил в Кокнесе каменный замок, который, пройдя несколько стадий развития, просуществовал до 1701 года. Ранее этот памятник не подвергался археологическому изучению.

Исследование его началось в 1961 году. Раскопками 1961—1965 годов вскрыта площадь в 1128 кв. м, составляющая лишь небольшую часть всей территории памятника (собственно замок охватывает 2000 кв. м, форбург — 4000 кв. м, укрепленная часть посада — 36 000 кв. м). В форбурге и замке мощность культурного слоя достигает 4—7 м. В форбурге вскрыто 11 слоев, на территории замка — 14. Раскопки дали 6129 предметов — инвентарных единиц, 15 211 об-

---

[1] Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. Москва—Ленинград 1938 (в дальнейшем: Хроника Ливонии), X, 3; XI, 8, 9; XII, 1; Полное собрание русских летописей, III. С.-Петербург 1893, стр. 39.

[2] Хроника Ливонии, XII, 1.

ломков керамики и разный другой материал. В 6—11-ом слоях, особенно в форбурге, обнаружены сравнительно хорошо сохранившиеся остатки деревянных построек и деревянный инвентарь.

Материал раскопок характеризует 4 периода заселения памятника: 1) I тысячелетие до н. э. и первые века нашей эры (время существования укрепленного поселения); 2) 5—8/9 века н. э. — период перехода к классовому обществу; 3) с 10-го по начало 13 века — период раннего феодализма; 4) 1209—1701 годы — периоды развитого и позднего феодализма (время существования каменного замка).[3]

Наиболее многочисленный и ценный в научном отношении материал добыт в слоях 11—13 веков. Около 1000 года замок Кокнесе был дополнительно укреплен форбургом. С этого времени вплоть до его взятия в 1208 году Кокнесе представлял собой сильно укрепленный феодальный центр. Своеобразные конструкции деревянных построек и вещевой материал, в которых сказывается влияние славянской культуры, свидетельствуют о смешанном этническом составе населения Кокнесе в период с 11 по начало 13 века. В материальной и духовной жизни Кокнесе в это время прослеживается явное взаимопроникновение восточнославянской и латгало-селской культуры.

Помимо обычных орудий труда, оружия, украшений и утвари, было найдено несколько редких предметов (деталь арбалета 12 века, т. наз. «орех» — *nucleus*, свинцовая вислая печать 11 века с изображениями св. Георгия и св. Софии, т. наз. родовые знаки-подвески Ярослава Мудрого и др.). В этой статье рассматриваются немногочисленные находки, полученные, главным образом, при раскопках 1965 года, представляющие интерес в качестве материала для истории техники и хозяйства.

---

[3] Материалы раскопок кокнесского городища будут полностью опубликованы после завершения исследований. О предварительных результатах раскопок см. А. Стубавс, Археологические раскопки 1961 года в Кокнесе. Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1961 года, Рига 1962, стр. 52—54; результаты раскопок 1962 и 1963 гг. опубликованы в тезисах докладов на отчетных сессиях 1963—1964 годов. См. далее: Referātu tēzes. Arheoloģijas sekcija. Rīgā 1965., стр. 16—19. A. Stubavs, Jauni arheoloģiski dati par seno Koknesi. Dabas un vēstures kalendārs 1964. g. Rigā 1963, стр. 156—160. Кокнесский привозной материал (включая материал раскопок 1963 г.) частично опубликовал Э. С. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига 1965, стр. 8, рис. 5 : 3, 4, 33, 44, табл. II : 31, XII : 21-41, XIV.

Изображенный на табл. VIII : 2 роговой предмет представляет собой блок (лат. *liedzējs*),[4] существенную деталь «лезива» (лат. *dzeinis*) — подъемного приспособления с сидением, подвешивавшегося к дереву с пчелиной бортью. Длина предмета — 83 мм, ширина — 37 мм, толщина — 35 мм, средний диаметр паза — около 15 мм. Сверху посередине на блоке образовалось от веревки гладкое полукруглое углубление. Лезиво применялось в лесном бортничестве для того, чтобы бортник мог с его помощью подтянуться на дерево и провести все необходимые работы (устроить борть, выбрать мед и пр.). О существовании лесного бортничества и его значительной роли в экономике латгалов в начале 13 века сообщает «Хроника Ливонии».[5]

Данный блок найден в слое 11 века. Он имеет параллели в латвийском этнографическом материале.[6] В 19 веке подобные блоки изготовлялись из дерева и поэтому были более массивными. Однако размеры детали не имели решающего значения для обеспечения безопасности работы бортника, так как основная веревка, к которой было привязано сидение, проходила над блоком. В случае поломки блока сидение вместе с человеком оставалось висеть на основной веревке. Другая основная деталь этого остроумного приспособления — распределитель, «ворон», (лат. *vārna*[7]) — также сконструирована с учетом необходимости обеспечить безопасность бортника. Основная веревка охватывает двойную веревку распределителя всей системы лезива. Функциональное соответствие этнографическим экземплярам этого распределителя обнаруживается у двух роговых полуфабрикатов, найденных А. Карнупом в 1938 году при раскопках городища Талсы в слое 11 века.[8]

Фрагментарный роговой предмет (табл. VIII : 3), найденный в Кокнесе в слое 11 века, соответствует по своему назначению описанному распределителю. Длина его равна 62 мм, ширина — 21 мм. Из трех имеющихся отверстий верхнее имеет наибольший диаметр (около 16 мм), как это наблюдается и у соответствующих этнографических приспособлений. Это и понятно, так как через верхнее отверстие проходила основная, самая толстая веревка (см. реконструкцию

---

[4] A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, I. Teil. St. Petersburg 1907, стр. 200, рис. 132, 134, 135.

[5] Хроника Ливонии, XVI, 3.

[6] CVVM 17921.

[7] Bielenstein, I, стр. 127, 129.

[8] CVVM 65171 : 477 : 1, 2.

табл. VIII : 3а)[9], на которую приходилась вдвое большая нагрузка, нежели на каждую из двух веревок, поддерживающих сидение[10]. Достоверность реконструкции подкрепляется тем фактом, что один из латвийских этнографических лезив[11] вообще не имеет блока — «ворона». Его заменяет искусное переплетение из веревок, которые образуют четыре петли; это переплетение удерживает веревки сидения на известном расстоянии, не позволяя им свиться. Находка детали лезива 11 века в Кокнесе показывает, что снаряд этот в рассматриваемый период уже приобрел законченную форму, просуществовавшую далее вплоть до 20 века.

Интерес представляет также находка блока от горизонтального ткацкого стана (табл. VIII : 1). Длина его 190 мм, ширина — 22 мм, толщина — 19 мм, первоначальный диаметр колесика — 40 мм. Блок изготовлен из дуба и отличается своей упрощенной формой. Два отверстия, просверленные в пересекающихся направлениях на верхнем конце, служили для прикрепления его к верхнему брусу — поднебнику. Большинство блоков-вальцев от горизонтальных ткацких станов 19 века в Латвии имели только одно отверстие. Рассматриваемая деталь найдена в слое, датируемом концом 12 — началом 13 века.

На основании находок древних тканей и технологии их изготовления А. Зариня пришла к выводу, что горизонтальные ткацкие станы, более производительные, чем стоячие, распространились на территории латгалов в 12 веке.[12] Появление этого орудия в Европе связывается с изменениями, происшедшими в ткацком производстве в период феодализма.[13] Однако у простейших подобного рода станов названная деталь могла и отсутствовать.[14] Кокнесская находка свидетельствует о том, что на территории Латвии в конце 12 века ткацкий стан имел уже относительно совершенные детали,

---

[9] У фрагментарного кокнесского экземпляра нижние отверстия асимметричны по отношению к верхним, поэтому реконструкция распределителя может быть не совсем точной. Симметричный распределитель с 3 отверстиями найден на городище Асоте в слое 12 века, см. Э. Д. Шноре, Асотское городище. *Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, II,* Рига 1961, табл. VIII : 13.

[10] CVVM 17925.

[11] CVVM 17762 — фрагмент лезива из окрестностей Руцавы.

[12] A. Zariņa, Seno audumu tehnisko analižu rezultāti. *Par tehnikas vēsturi Latvijas PSR. Rakstu krājums VI,* Rīgā 1964, стр. 152.

[13] А. Нахлик, Ткани Новгорода. Жилища древнего Новгорода. *МИА 123,* Москва 1963, стр. 275.

[14] М. Н. Левинсон-Нечаева, Ткачество. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. *Труды Государственного исторического музея, вып. 33,* Москва 1959, рис. 2.

известные по источникам 14 века[15] и продолжавшие применяться также в более поздние столетия в т. наз. вальцевых станах[16].

При сматывании нити в клубок или наматывании ее на мотовило, чтобы суровье не врезывалось в руку, в качестве удобного вспомогательного приспособления пользовались костяной бабкой с 2 отверстиями, высверленными сбоку и на торце ее. Функционально это орудие соответствует известному в латвийском этнографическом материале деревянному орудию — юрку (лат. *vivuļa*)[17]. В Кокнесе эти костяные предметы найдены в слоях, датируемых 11—13 веками и более поздним временем. Однако по форме и размерам кокнесская находка, относящаяся к 13 веку и имеющая 4 отверстия (табл. VIII : 5), не имеет параллелей ни в археологическом, ни в этнографическом материале. Можно предполагать, что это орудие (длиной 51 мм) применялось в качестве юрка для одновременного наматывания двух или большего числа нитей. Помимо этого, костяной юрок мог использоваться для одновременного навивания на ткацкий стан трех нитей основы. Простой деревянный юрок в качестве предшественника ложечки для навивания основы упоминает А. Алсупе.[18]

Таблица VIII : 4 воспроизводит железный скребок, употреблявшийся для выскребания из квашни остатков теста. Длина его 168 мм, ширина — около 88 мм. В этнографическом материале известны скребки для квашни с железной или деревянной ручкой.[19] Кокнесский экземпляр, по-видимому, такой деревянной ручки не имел.

Неясным остается назначение костяного предмета, изображенного на табл. VIII : 6 и не имеющего пока аналогии. Его максимальная длина 77 мм, ширина — 53 мм. На срезанной и тщательно сглаженной поверхности имеются 5 отверстий, причем центральное, наиболее глубокое, высверлено перпендикулярно, в то время как 4 крайних, расположенных по диагонали, направлены косо кнаружи. На необработанной стороне предмета имеются 3 небрежно вырезанные ямки (орнамент или знак собственности?). Возможно, что этот предмет служил как бы штампом, который

---

[15] J. Kamińska, A. Nahlik, Włókiennictwo Gdańskie w X—XIII wieku. *Acta Archaelogica Universitatis Lodziensis, Nr. 6,* Łódź 1958, стр. 92—95, рис. 39—41.

[16] A. Alsupe, Lauku audēju darba riki Vidzemē 19. gs. *Arheoloģija un etnogrāfija, III,* Rigā 1961, стр. 106—108, рис. 15—18.

[17] A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, II. Teil. Petrograd 1918, стр. 389, рис. 400.

[18] Alsupe, стр. 103—104.

[19] CVVM 19840, 20022, 20027 и др.

вдавливали в пластический материал, например в восковой круг, для обозначения качества или принадлежности определенному лицу (клеймо торговца?).

Миниатюрные пружинные ножницы (табл. VIII : 7) длиной 76 мм со слабыми следами позолоты (?), относящиеся к 12 веку, представляют собой предмет роскоши, имевший и практическое назначение. Сходные ножницы, найденные в Новгороде (длина — 95 мм), по мнению Б. А. Колчина, использовались как в домашнем хозяйстве, так и в качестве туалетного прибора.[20]

Три другие находки характеризуют весовую систему, существовавшую в Кокнесе в 11—12 веках. Массивная железная гиря (табл. VIII : 9) вместе с крюком весит 2865 г. Высота гири 94 мм + петля длиной 7 мм, наибольший диаметр гири — 93 мм. Гиря найдена в центральной части замка в 10-м слое, датируемом 11 веком. Близкое типологическое сходство с этой кокнесской находкой обнаруживает гиря 12 века весом в 2450 г из Новгорода.[21]

Железный орнаментированный весовой крюк 12 века (табл. VIII : 8), длиной 158 мм, шириной изогнутой части 13 мм и толщиной 8 мм, имеет параллели в археологическом материале из Старой Рязани[22] и Новгорода[23]. Подобно 7-фунтовой кокнесской гире, крюк предназначен для взвешивания тяжелых предметов. Для увеличения прочности крюк имеет металлическую оковку. По данным Б. А. Колчина, на весах, найденных в Старой Рязани, передвигая гирю на петле по планке с делениями, можно взвешивать предметы, вес которых в 40 раз превосходит вес гири.[24] Самих весов, к которым относились названные детали, не удалось найти. Однако нет сомнений в том, что это были тяжелые весы, на которых в один прием можно было взвесить предметы весом в несколько пудов. Кокнесе в период своего расцвета в 11—13 веках был важным центром торговли, в том числе и транзитной.

При раскопках в Кокнесе было найдено также несколько деталей маленьких чашечных весов, а также клад из 3 серебряных слитков, или гривен, обнаруженный в очаге мас-

---

[20] Б. А. Колчин, Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. *МИА 65*, Москва 1959, стр. 59, рис. 46 : 9.

[21] Колчин, стр. 97, рис. 81 : 3.

[22] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. Москва 1948, стр. 216; А. Л. Монгайт, Старая Рязань. *МИА 49*, Москва 1955, стр. 162, рис. 126.

[23] Колчин, стр. 97 и рис. 81 : 1,2.

[24] Монгайт, стр. 163.

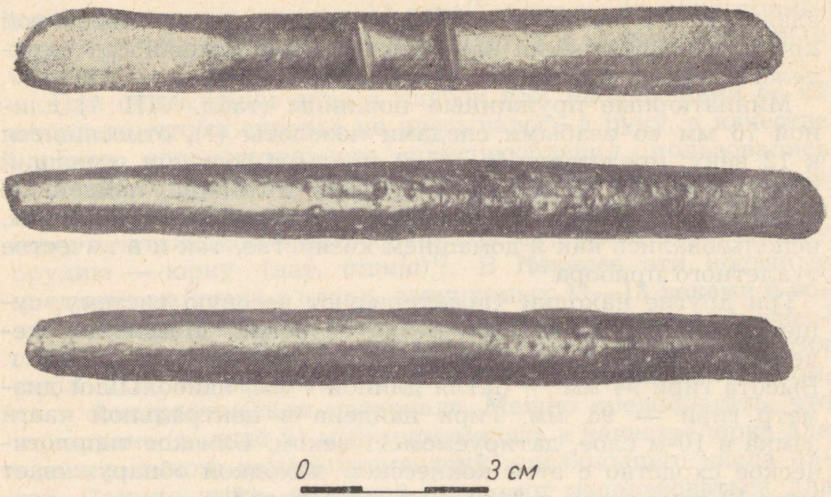


Рис. 1. Клад серебряных слитков 12 века из Кокнесе.

терской бронзолитейщика-ювелира. Слитки продолговатые, сегментарные в разрезе, один из них имеет уплощенные концы и две зарубки (рис. 1 : 1). Вес этого слитка длиной 121,7 мм составлял до химической очистки 102, 923 г, а после очистки (причем оставались следы патины) — 102,691 г. Слиток длиной 131,2 мм (рис. 1 : 2) весит соответственно 102,725 и 102,481 г; третий слиток длиной 123,3 мм (рис. 1 : 3) — 101,984 и 101,880 г.

Древнейшая находка литых серебряных гривен на территории Латвии относится ко второй половине 10 века.[25] Литые гривны часто обнаруживаются вместе с коваными.[26] В кладе из Салгалес Рийниеки, датируемом 11 веком, помимо 17 кованых слитков было также 19 литых, в том числе один весом 103,0 г[27] (всего клад содержал 30 литых слитков, но остальные не сохранились).

---

[25] E. Mugurevičs, Numismātiskais materiāls par Latvijas tirdzniecības ceļiem IX—XIII gadsimtos. *Известия АН Латвийской ССР, 1961,* № 1, стр. 17.

[26] R. Šnore, Zur Typologie der frühen Silberbarren in Lettland. Pirmā Baltijas vēsturnieku konference Rīgā, 16.—20. VIII 1937. Rīgā 1938, стр. 177.

[27] R. Šnore, Par vēlā dzelzs laikmeta sudraba atradumiem Latvijā. *Senatne un Māksla, 1938, II,* стр. 97.

По данным В. Л. Янина, изучавшего древнерусскую денежно-весовую систему, северная гривна, появившаяся во второй половине 10 века и не изменявшаяся в течение всего 11 века, весила 51,19 г. Денежные слитки также стандартизировались в 11 веке и по весу приравнивались к 4 монетным гривнам, либо 1 «серебряной» гривне (норматив — 204,756 г). «Серебряная» гривна сохраняет свой вес и в 13—14 веках.[28] Кокнесские находки с весьма высокой степенью точности соответствуют нормативам русской северной весовой системы. Фактический вес трех слитков всего на 0,1, 0,3 и 0,5 проц. отличается от упомянутого норматива, который для серебряных полугривенных слитков равнялся 102,38 г. Менее точным метрологическим памятником является упомянутая гиря, несколько поврежденная коррозией. Поскольку гиря взвешивалась вместе со ржавчиной, ее вес не должен был сильно измениться. Вес ее равен, как указывалось, 7 русским фунтам и очень близок к нормативу русской северной весовой системы. Данная гиря, однако, соответствует и западно-европейской весовой системе (2865 : 7 = 409,3 г).

Имея в виду характер всего комплекса кокнесских археологических находок, в котором с 10/11 веков по начало 13 века ясно прослеживаются восточнославянские элементы, нет основания сомневаться в том, что в этот период княжество Кокнесе входило в ареал распространения русской северной денежно-весовой системы.

---

[28] В. Л. Янин, Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Москва 1956, стр. 160—162, 204.

ARHEOLOOGILISI LEIDE 11.—13. SAJANDIST KOKNESE LINNUSEST

A. STUBAVS

Lühikokkuvõte

Ulatuslike arheoloogiliste kaevamiste tulemusena Kokneses aastatel 1961—1965 on saadud rikkalik leiumaterjal, mis esindab ajavahemikku I aastatuhandest e. m. a. kuni m. a. 17. sajandini. Artiklis vaatleb autor lähemalt mõningaid 11.—13. sajandist pärinevaid tööndusega seotud esemeid. Tahv. VIII : 2, 3 kujutatud sarvesemed on pärit seadeldisest, mille abil mesiniku iste tõmmati puu otsa. Tahv. VIII : 1 on kujutatud horisontaalsete kangastelgede plokki. Tahv. VIII : 5 esitatud nelja auguga luuese kujutab endast tõenäoliselt lõngakerimisel kasutatud viiulit (niksi).

Luueseme otstarve tahv. VIII : 6 on teadmata. Rauast kaapi tahv. VIII : 4 on kasutatud leivaküna puhastamiseks taignast. Tahv. VIII : 7 on esitatud väiksed käärid, mida arvatavasti on kasutatud tualettvahendina. Tahv. VIII : 9, 8 näeme rauast kaaluvihti (2865 g) ja kaalukonksu. Leidude hulgas on ka väiksemate, väärismetallide vaagimiseks kasutatud kaalude osa, samuti kolmest hõbedakangist koosnev aare (joon. 1). Kogu leiumaterjalis ilmneb märgatavaid vene kultuuri mõjusid.

EINIGE ARCHÄOLOGISCHE FUNDE DES 11.—13. JAHRHUNDERTS VOM BURGBERGE KOKNESE

A. STUBAVS

Zusammenfassung

Auf dem Burgberge Koknese (Kokenhusen) sind 1961—1965 umfangreiche Ausgrabungen ausgeführt worden, die ein reiches Fundmaterial geliefert haben, das aus einer langen Zeit herrührt, die vom 1. Jahrtausend v. u. Z. bis ins 17. Jahrhundert u. Z. reicht. Verf. bespricht einige mit verschiedener gewerblichen Tätigkeit verbundene Funde aus dem 11.—13. Jahrhundert. Die auf Taf. VIII : 2, 3 veranschaulichten Gegenstände aus Horn sind Teile einer Vorrichtung zum Hochziehen am Honigbaum des Sitzes für den Imker. Taf. VIII : 1 gibt einen aus Eichenholz hergestellten Block von einem horizontalen Webstuhl wieder. Der Knochengegenstand mit 4 Löchern, Taf. VIII : 5, dürfte eine beim Wickeln von Garn benutzte sog. Garnflöte sein. Die Bestimmung eines anderen Knochengegenstands, Taf. VIII : 6, bleibt problematisch. Der eiserne Schaber, Taf. VIII : 4, hat zur Entfernung von Teigresten aus dem Backtrog gedient. Taf. VIII : 7 stellt eine kleine Scheere dar. Ein eisernes Wägestück von 2865 g Gewicht und ein Haken von einer Waage werden auf Taf. VIII : 9 und 8 wiedergegeben. Zu den Funden gehören auch Teile von kleinen, zum Wiegen von Edelmetallen bestimmten Waagen sowie ein Schatz, der aus drei Silberbarren besteht (Abb. 1). Im ganzen Fundstoff kommt ein offensichtlicher russischer Einschlag zum Vorschein.

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК В КИВТЫ (ВОСТОЧНАЯ ЛАТВИЯ)

Э. ШНОРЕ, И. ЦИМЕРМАНЕ

Исследованные Институтом истории АН Латвийской ССР поселение и могильник в селе Кивты[1] расположены в 9 км от города Лудзы, на северном берегу озера Цирма. Памятник занимает моренный холм, возвышающийся на 4 м над болотистой низиной. Когда-то этот бугор, вероятно, представлял собой островок.[2]

Первоначально памятник стал известным как латгальский грунтовой могильник 7—8 веков, сохранившийся на склонах холма культурный слой поселения был замечен позже. На вершине холма культурный слой был совершенно уничтожен пахотой и сохранился только частично в заполнении могильных ям.

В южной части поселения обращают на себя внимание идущие по направлению к берегу озера естественные впадины, или ложбины, использованные древним населением под жилища, вероятно, чтобы найти защиту от сильных ветров. Мощность культурного слоя в центральной, наиболее глубокой впадине, достигающей длины 70 м, в отдельных местах достигала 1,20 м. Верхний горизонт (толщиной 10—25 см) культурного слоя представлял собой темно-коричневатую, почти стерильную почву. Под ним следовал насыщенный камнями и находками интенсивно черный культурный слой поселения мощностью в 15—65 см. Ниже залегал сероватый слой мощностью в 15—30 см, представляющий собой, по мнению геолога К. Гринберга, погребенную почву. Под серым слоем следовала материковая глина.

---

[1] Исследования этого памятника, главным образом, экспедициями 1957 и 1958 гг., охватили примерно $^{7}/_{8}$ его площадки, составляющей 6600 м^2. Его исследование было начато уже в 1938 и продолжено в меньших масштабах в 1948 и 1955 гг. В настоящей статье раздел по керамике написан И. Цимермане.

[2] По мнению геолога К. Гринберга.

Мощность культурного слоя в двух впадинах на окраинах поселения не превышала 50 см.

В южной части поселения от построек сохранились только сложенные из камня очаги, имевшие обычно 1—2 м в диаметре. Камни, содержавшиеся в культурном слое, в своем большинстве происходят от разрушенных очагов.[3] Остатки сравнительно компактной каменной кладки, сохранившиеся в центральной части поселения, были, возможно, строительными остатками (вымостка пола?). Отдельные ямки от столбов свидетельствовали о применении в строительстве столбовых конструкций.

Следы построек лучше всего сохранились в северной части поселения, где мощность культурного слоя не достигала 50 см. В ряде случаев здесь были выявлены остатки четырехугольных жилых построек, размерами в 6×6 и 6×5 м, с остатками очагов. Эти жилища представляли собой, по всей вероятности, наземные бревенчатые курные избы.

Раскопки дали 435 предметов. Численно преобладают изготовленные из кричного железа орудия труда.[4] Встречающиеся в культурном слое куски шлака свидетельствуют о местной переработке болотной руды в кричное железо. Из железных изделий наиболее многочислены шилья (44 экз.) и ножи (38 экз.). Одно шило (рис. 1 : 25) было редкой формы с расширенной рукояткой. Аналогичное шило обнаружено в 19-м погребении III кургана в Боки[5], датируемом концом 6 века. Впервые среди других восточнолатвийских находок начала нашей эры встретились небольшие ножи с выпуклым лезвием, служившие, возможно, для бритья (рис. 1 : 22, 23). Подобные ножики найдены в каменных могильниках севера Эстонской ССР[6], но известны также из северо-восточной Польши и из Чехословакии[7].

---

[3] Аналогичный характер носил культурный слой одновременного с Кивтским Спиетиньского поселения в Екабпилсском районе (раскопки И. Дайги и М. Атгазиса в 1962 и 1963 гг.).

[4] Металлографический анализ некоторых железных предметов осуществлен А. Антейном.

[5] CVVM A 11777 : 83. Бокский могильник в Екабпилсском районе был в 1961 г. исследован Музеем истории ЛССР. Выражаем благодарность за информацию руководителю раскопок Л. Ванкиной.

[6] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—V в. н. э.). Таллин 1955, стр. 132.

[7] W. Gaerte, Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1929, рис. 193 b, c.; K. Motykova-Šneiderova, Zarovĕ pohrebište ze starši doby rimskĕ v Tišicich ve strednich Česhach. *Pamatky Archeologicke*, 1963, 2.

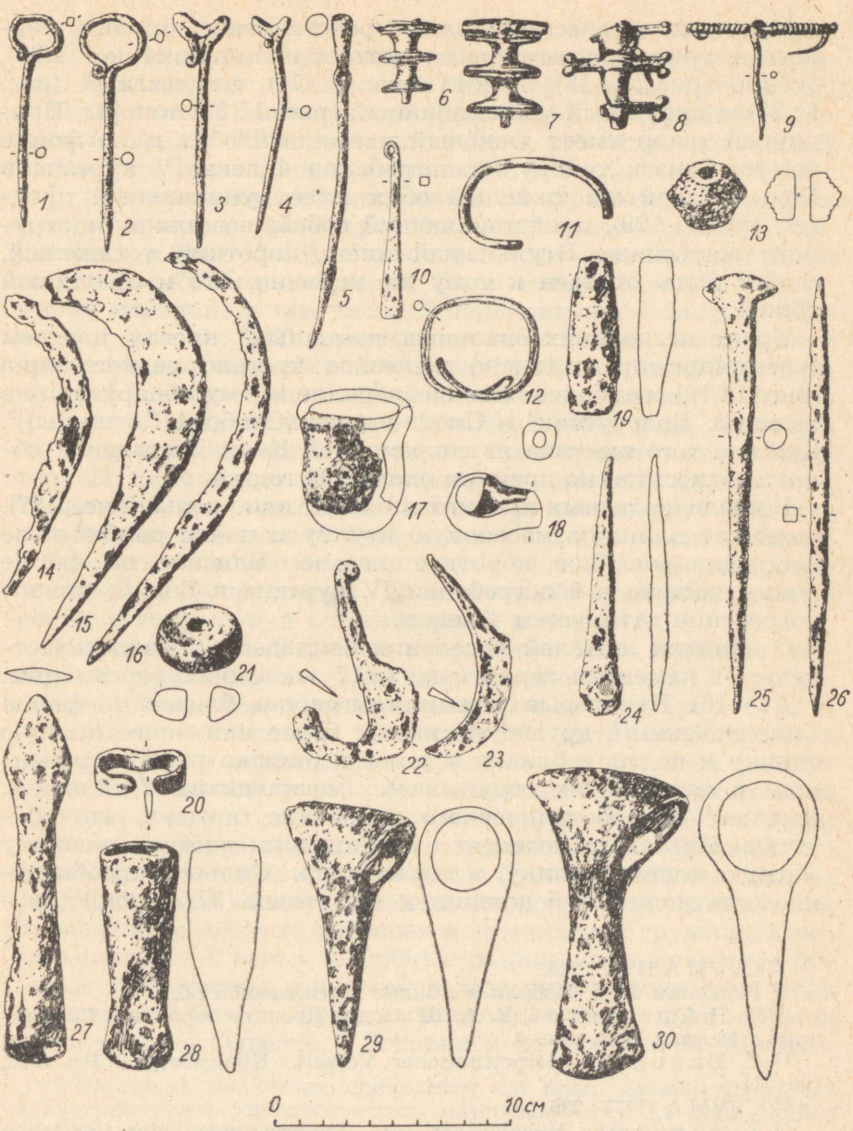


Рис. 1. Находки из поселения Кивты.

Отдельными экземплярами представлены орудия, связанные с ремесленным производством: напильник (рис. 1 : 26), зубило (рис. 1 : 19), долота (рис. 1 : 24), втульчатый (рис. 1 : 28) и проушный узколезвийный (рис. 1 : 30) топоры. Проушный топор имеет тяжелый массивный обух и по форме весьма близок топору из погребения 4 века IV кургана в Боки.[8] Такой же тяжелый обух имеет уникальный предмет (рис. 1 : 29), представляющий собой, возможно, инструмент жестяника. Втульчатый топор, короткий и тяжелый, может быть отнесен к тому же времени, что и проушный топор.

Кроме нескольких овальных каменных кресал, в одном экземпляре представлено железное кресало редкого типа (рис. 1 : 10); наиболее близкие параллели ему обнаружены в селищах Белоруссии[9] и Смоленщины (Слобода Глушицы)[10]. Кресала того же типа из современной Калининградской области относятся ко времени около 200 года н. э.[11]

В число железных предметов входит одно копье (рис. 1:27), имеющее длинную массивную втулку и почти ромбическое непрофилированное короткое лезвие. Близкое по форме копье найдено в 9 погребении IV кургана в Боки[12]; данное погребение датируется 4 веком.

О занятии жителей поселения земледелием свидетельствуют 31 каменная зернотерка и 17 железных серпов (рис. 1 : 14—16). Некоторые экземпляры серпов близки по форме Салениекским[13], другие же имеют более или менее прямую спинку и по типу близки к серпам, широко распространенным в латгальских грунтовых могильниках 7—8 веков. Анализ[14] палеоботанического материала показал, что обитатели Кивтского поселения выращивали ячмень, пшеницу мягкую и двузернянку, а также горох. Сильное преобладание остатков костей домашних животных (97,5 проц.)[15], ха-

---

8 CVVM A 11777 : 226.

9 Раскопки Л. Д. Поболя в Абидне Могилевской обл.

10 П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. Москва 1963, рис. 4.

11 C. Engel, Aus ostpreussischer Vorzeit. Königsberg i. Pr. 1935, рис. 44.

12 CVVM A 11777 : 236.

13 R. Šnore, Die Hügelgräber und Steinsetzungen der römischen Kaiserzeit bei Salenieki (Lettland). *Sb. GEG 1932*, Tartu 1935, рис. 6 : 10, 7 : 10.

14 Анализы произведены А. Расиньшем.

15 Остеологический материал определен К. Паавером. Кости крупного рогатого скота составляют 51,4 проц., лошади 20,6 проц., мелкого рогатого скота 17,4 проц., домашней свиньи 8,1 проц. всего количества костных остатков.

рактеризует удельный вес скотоводства в экономике поселения. Со скотоводством косвенно связаны пряслица от веретен: 9 каменных экземпляров плоской формы (рис. 1 : 21) и 38 глиняных, биконической (рис. 1 : 13) и округло-биконической формы. Известное значение в хозяйстве обитателей поселения имело также рыболовство и охота.[16]

В поселении было обнаружено 34 фрагмента глиняных цилиндрических тиглей (рис. 1 : 17) и 7 ложкообразных плавильников (рис. 1 : 18). Несмотря на наличие прямых доказательств обработки бронзы, было найдено лишь 6 бронзовых изделий, в том числе 3 перекладчатые фибулы. Две из них (рис. 1 : 6, 7) отличаются небольшими размерами и представляют латвийский вариант фибул с непосредственно примыкающей к головной части перекладиной[17]; третья (рис. 1 : 8), сохранившаяся в фрагментарном виде, имеющая на концах перекладин шишечки, также представляет характерный для каменных могильников северной Латвии тип. Такие фибулы с валиком на головке вместо трубочки для оси, можно датировать 4—5 веками.[18] Далее были найдены 2 браслета круглого сечения (рис. 1 : 11, 12) и фрагмент арбалетной фибулы (рис. 1 : 9), относящейся, по всей вероятности, к типу фибул с подвернутой ножкой.

В сравнительно большом количестве были найдены железные булавки. У посоховидных булавок (всего 13 экз.) головное кольцо имеет четырехугольное сечение (рис. 1 : 1, 2) и завиток — признаки, позволяющие датировать их 3—4 веками. Одним экземпляром представлена булавка с конусовидной головкой (рис. 1 : 5). Бронзовые булавки этого типа сравнительно часты в земгальских грунтовых могильниках 5—6 веков. Пять экземпляров костылевидных булавок относятся к раннему типу этого вида булавок, не имеющих ни тордировки, ни обмотки бронзовой проволокой; данный тип булавок широко распространен в латгальских грунтовых могильниках 7—8 веков. Подобные ранние костылевидные булавки обнаружены в нижней толще культурного слоя ряда поселений.[19] Ранняя булавка несколько иного вида найдена в могильнике Оявески в Эстонии и датируется М. Шмиде-

[16] На диких животных приходится 2,5 проц. сохранившегося в культурном слое остеологического материала (лось 1,2 проц., кабан 0,5 проц., зубр (тур?) 0,4 проц., куница 0,2 проц., бобр 0,2 проц.).

[17] S. L a u l, Jaagupi tarandkalme Elva rajoonis. Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II, Tallinn 1962, стр. 48.

[18] H. M o o r a, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil. *Verh. GEG XXIX*, Tartu 1938, стр. 93.

[19] Например, в нижнем пласте культурного слоя селского городища Селпилс в 1965 г., в культурном слое эстонского городища Отепя в 1953 г.

хельм 5 веком или началом 6 века.[20] Указанные кивтские булавки могут быть отнесены к 6 веку, возможно, что они бытовали еще и в начале 7 века.

Наиболее массовый материал составляют обломки глиняной посуды. Из общего числа 13 373 обломков подавляющее большинство — 69,5 проц. принадлежит к текстильной керамике. В этом отношении поселение в Кивты занимает особое место среди латвийских памятников последних веков до н. э. и первых веков нашей эры. Текстильная керамика изготовлена из глины с примесью как крупной, так и более мелкой дресвы. Отпечатками текстиля часто покрыта не только внешняя поверхность сосуда, но и изнутри ее днище. Часть отпечатков происходит от грубой полотняной ткани, но встречаются отпечатки и саржевой ткани разных плетений.[21]

Большинство сосудов имеет диаметр в 15—20 см, прямые или немного расширяющиеся кверху стенки (рис. 2 : 12). Нередко верхний край сосуда вогнут внутрь, образовывая более или менее выраженную профилировку (рис. 2 : 13). Такие сосуды употреблялись для приготовления пищи, о чем свидетельствуют остатки нагара на ряде черепков. «Настольную посуду» представляли мискообразные сосуды 10—15 см в диаметре (рис. 2 : 1, 8), с отношением высоты к диаметру 1 : 2 или 2 : 3. Гораздо реже встречаются горшки диаметром в 25—30 см и совсем редко сосуды еще больших размеров. В нижних пластах культурного слоя встречались обломки текстильной керамики, украшенные по плечу полосой ногтевых защипов. Край этих сосудов немного отогнут наружу. Обнаружено также несколько черепков с косой насечкой или вдавлениями пальцев по краю сосуда. На этом виде керамики, связанной с начальным этапом заселения Кивтского поселения, сказываются влияния дьяковской керамики.[22] Большая же часть кивтской текстильной керамики прямых аналогий в дьяковской керамике не имеет. Более поздние, профилированные формы текстильной керамики имеют самые ближайшие параллели в каменных могильниках южной Эстонии.[23]

Второе место по количеству — 21,2 проц. всей керамики —

---

[20] Шмидехельм, стр. 144, рис. 36 : 2.

[21] По определению А. Зарини.

[22] И. Цимермане, Текстильная керамика Латвии и вопрос о ее связях с дьяковской культурой. (В печати.).

[23] S. Laul, Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria, 1965, № 3,* табл. VII : 2.

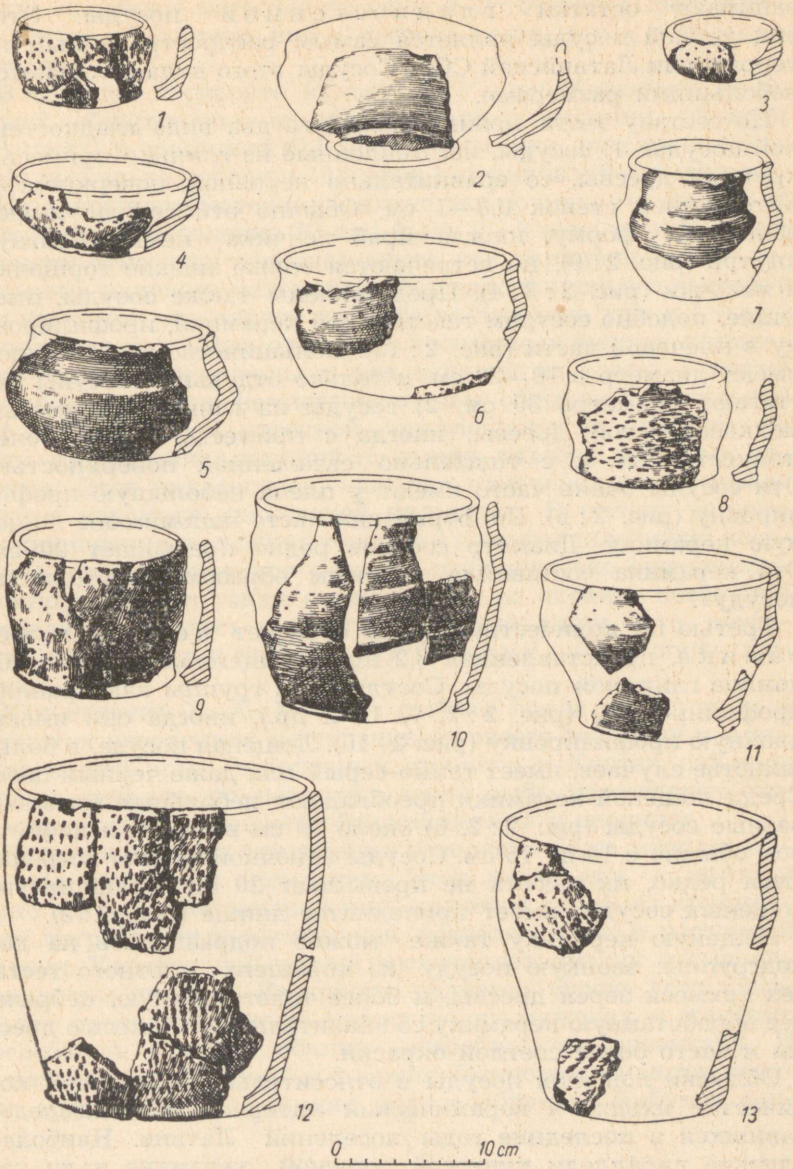


Рис. 2. Керамика из поселения Кивты.

занимают остатки гладкостенной посуды. Этот вид лепной посуды является самым распространенным на территории Латвийской ССР. Сосуды этого вида отличаются небольшими размерами.

По составу теста можно различить два вида гладкостенной посуды: 1) сосуды, изготовленные из глины с примесью крупной дресвы, со сравнительно неровной поверхностью и толщиной стенок 0,8—1 см. Обычно эти сосуды имеют баночную форму, иногда край венчика немного загнут внутрь (рис. 2 : 9), но встречаются также низкие горшочки и мисочки (рис. 2 : 3, 4). Представлены также сосуды, имеющие, подобно сосудам текстильной керамики, профилировку в плечевой части (рис. 2 : 13). Большинство этих сосудов имеют диаметр в 10—20 см и только отдельные сосуды достигают диаметра 30 см; 2) сосуды из глины с примесью мелкозернистой дресвы, иногда с примесью песка, более тонкостенные и с тщательно сглаженной поверхностью. Эти сосуды очень часто имеют у плеча небольшую профилировку (рис. 2 : 5). По форме они часто напоминают лощеную керамику. Диаметр сосудов редко превышает 20 см. Эта керамика составляла, главным образом, «настольную посуду».

Третью по количеству группу образует лощеная керамика, представленная 8,2 проц. общего количества обломков глиняной посуды. Сосуды этой группы как правило профилированы (рис. 2 : 2, 7, 11 и др.), иногда они имеют двойную профилировку (рис. 2 : 10). Лощеная посуда, в большинстве случаев, имеет темно-серый или даже черный цвет. Среди лощеной керамики преобладают небольшие мискообразные сосуды (рис. 2 : 2, 6) около 10 см высотой и диаметром обычно с 10 до 15 см. Сосуды баночной формы встречаются редко, их высота не превышает 20 см. Большинство лощеных сосудов имеет приподнятое днище (рис. 2 : 2).

Лощеную керамику также можно подразделить на две подгруппы: звонкую посуду из хорошего, плотного теста, без примеси зерен дресвы, и более толстостенную, небрежнее обработанную керамику со значительной примесью дресвы и часто более светлой окраски.

Обломки лощеной посуды в относительно небольшом количестве входят в керамический материал всех исследовавшихся в последние годы поселений Латвии. Наиболее близкие параллели кивтской лощеной керамике дали каменные могильники в Салениеки на востоке Латвии[24], а

---

[24] R. Šnore, рис. 9 : 3 и др.

также подобные могильники южной Эстонии[25]. Наблюдаются все же и отличия как в составе теста, так и в окраске сосудов.

В верхнем горизонте культурного слоя Кивтского поселения обнаружены немногочисленные черепки облитой (1,4 проц.) и защипной (0,1 проц.) керамики, нижние пласты дали несколько черепков (0,4 проц.) штрихованной керамики.

Из описанного материала можно заключить, что временем процветания поселения Кивты были 3—6 века н. э. К этому времени относится основная масса как керамики, так и остального вещевого материала. Ряд находок свидетельствует все же о том, что данное место было заселено уже в I тысячелетии до н. э. Сюда относятся 3 каменных топора, кремневый наконечник стрелы и ряд изделий из кости, а также упомянутые выше немногочисленные обломки текстильной керамики с косой насечкой, вдавлениями от пальцев по краю сосуда или с идущей по плечу полосой ногтевых защипов. Этот вид сосудов, как уже отмечено, имеет параллели в керамике дьяковской культуры. В пользу раннего возникновения поселения говорит и само расположение поселения, характерное для ранних, рыболовческо-охотничьих стоянок. Следует также отметить, что на окраине поселения экспедиции удалось вскрыть каменный ящик, т. е. погребальный памятник конца эпохи бронзы и начала эпохи железа.

Как отметил Х. А. Моора[26], рыбная ловля в Кивтском и в схожих поселениях не утрачивает своего значения и в начале нашей эры. Рыболовных крючков в Кивтах найдено, правда, немного, но, вероятно, ловля рыбы на соседнем озере происходила, главным образом, сетями и вершами.

Начиная с 7 века территория поселения была использована под грунтовой могильник. Этот могильник, в котором было вскрыто 175 захоронений, является одним из крупнейших погребальных памятников, исследованных в восточной Латвии. Характерной чертой восточнолатвийских могильников, в том числе и Кивтского, является строго установившаяся противоположная ориентировка мужских и женских погребений, а также обилие погребального инвентаря. В мужских погребениях 7 и 8 веков обычно встречаются поздняя арбалетная или ранняя подковообразная фибулы, мас-

---

[25] Керамика из Вирунука хранится в Институте истории АН Эстонской ССР (4161 : 776; 4262 : 972).

[26] Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. *Советская этнография, 1960, № 3,* стр. 27—28.

сивные профилированные браслеты, 2 наконечника копий, узколезвийный топор и скрамасакс. Для женских погребений того же времени характерны шейные гривны, заканчивающиеся седлом и крючком, гривны с уплощенными или тордированными концами, спиральные, манжетовидные или полые браслеты, головные венки и наплечные покрывала виллайне.[27] Большинство погребений относится к 7—8 векам, но могильник использовался еще и далее, до 12 века включительно. В могильном инвентаре соответственно прослеживается последовательное развитие форм материальной культуры, в том числе и одежды. Все могилы содержали трупоположения, за исключением двух погребений с трупосожжениями. Одно, женское трупосожжение помещалось в ногах мужского погребения, другое трупосожжение представляло собой погребение мужчины. Для мужского трупосожжения была вырыта могильная яма того же размера, что и для трупоположений, и погребальный инвентарь был положен в яму в том порядке, в каком его клали в могилы с трупоположениями. Это мужское погребение является одним из редких мужских трупосожжений на латгальской территории, где изредка обнаруживались и одиночные женские трупосожжения.

В раннефеодальный период грунтовой могильник в Кивтах постепенно забрасывается и неподалеку, у современного села Верни, возникает новый могильник.

Как следует из вышеизложенного, материал Кивтского поселения в своей большой части имеет параллели как в каменных могильниках северной Латвии, так и южной Эстонии. Обнаруженный в Кивтах тип маленьких перекладчатых фибул не встречается в балтских курганах первых веков н. э. В нескольких километрах от поселения в селе Лиетавниеки в 1957 году экспедицией был обнаружен неизвестный ранее каменный могильник. Это свидетельствует о том, что в ближайшем соседстве Кивтского поселения обитало финское население.

Восточнолатвийские памятники первой половины I тысячелетия н. э. исследованы еще недостаточно. Юго-восточная Латвия, где расположено Кивтское поселение, входит в ареал соприкосновения балтских племен, хоронивших умерших в коллективных курганах, и прибалтийско-финского населения, для которого характерны каменные могильники. Это определило до известной степени смешанный в этниче-

---

[27] Тот же состав имел инвентарь латгальских погребений в Нукшах, см. Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд, Нукшинский могильник. *Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I*, Рига 1957.

ском отношении характер культуры на этой территории. Финские каменные могильники в этот период заходили еще сравнительно далеко на юг (Лиетавниеки, Салениеки). В то же время, как это показал открытый экспедицией в 1957 году курганный могильник в Дзилнаскалнсе[28] в Балвском районе, курганы балтского облика обнаружены значительно севернее Лудзы.

Обитавшая со второй половины I тысячелетия до н. э. на берегу озера Цирма небольшая прибалтийско-финская семейная община в первой половине I тысячелетия н. э. значительно разрослась. Она поддерживала тесные связи не только с этнически родственными соседями на севере и с балтскими племенами на юге, о чем свидетельствуют тяжелые формы железных изделий, но и с населением более отдаленных территорий — области дьяковской культуры в верховьях Волги и Оки. На рубеже 6—7 веков жизнь в поселении прекращается. Причина запустения поселения кроется в тех сдвигах, которые происходят в это время на территории Латвии: прибалтийско-финские племена оттесняются к северу или ассимилируются балтским племенем латгалов. На месте запустевшего поселения на берегу озера Цирма латгалы закладывают свой могильник.

---

[28] E. Šnore, Latviešu arheologu piedalīšanās Baltijas kompleksā arheologiskā, etnogrāfiskā un antropologiskā ekspedīcijā. *LPSR Zinātņu Akademijas Vēstis, 1957, № 4,* стр. 170.

KIVTI ASULA JA KALMISTU (IDA-LÄTI)

E. ŠNORE, I. CIMERMANE

Lühikokkuvõte

Nimetatud, 1957. ja 1958. aastal uuritud asula on paiknenud künkal, mis soisest madalikust Cirma järve ääres esile kerkib ja asub Ludza linnast ümmarguselt 9 km põhja pool. Kaevamistel leiti jälgi eluhooneist maapinda süvendatud leeasemetega, mis olid laotud kividest. Hooneist olid ühed postehitused, teised salvatud palkehitused. Leiumaterjali moodustavad suurem hulk keraamikat, rohkearvulised metallesemed, jahvatuskivid, savist tiiglite katkendid, loomaluud jne. Mitmesuguseid savinõuliike kujutab joon. 2, muud leiud on pildistatud joon. 1. Keraamika hulgas on ülekaalus tekstiilijälgedega nõude killud (joon. 2 : 12, 13). See keraamikaliik ühendab kõnesoleva asula läänemeresoome hõimude muististega Põhja-Lätis ja Kagu-Eestis. Kivti asula on tekkinud juba enne meie ajaarvamise algust, selle õitseng langeb aga m. a. 3.—6. sajandisse. 7. sajandil oli asula juba maha jäetud ja selle kohale rajati tüüpiline latgalite kalmistu.

DIE SIEDLUNG UND GRABSTÄTTE KIVTI (OSTLETTLAND)

E. ŠNORE, I. CIMERMANE

Zusammenfassung

Die genannte, 1957 und 1958 untersuchte Siedlung hat auf einem Hügel gelegen, der sich über eine Sumpfniederung am Cirma-See erhebt und etwa 9 km in nördlicher Richtung von der Stadt Ludza entfernt ist. Bei den Grabungen wurden Spuren von Wohnhäusern mit in den Boden eingetieften steinernen Herdstellen entdeckt. Von den Häusern waren einige Pfostenbauten, andere gezimmert gewesen. Die Funde bestanden aus Keramik, einer Anzahl von Metallgegenständen, Reibsteinen, Bruchstücken von tönernen Schmelztiegeln, Tierknochen u. a. dgl. Die verschiedenen Arten der Keramik sind in Abb. 2, die der übrigen Funde in Abb. 1 wiedergegeben. Unter der Tonware ist die Textilkeramik (Abb. 2 : 12, 13) vorherrschend. Diese Keramikart schliesst die Siedlung den nordlettischen und südostestnischen Denkmälern der ostseefinnischen Stämme an. Die Siedlung ist schon vor Beginn unserer Zeitrechnung entstanden, ihre Blütezeit fällt aber in das 3.—6. Jahrhundert u. Z. Im 7. Jahrhundert liegt sie bereits verlassen da und an ihrer Stelle wird eine typische lettgallische Grabstätte angelegt.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОЛИТОВСКИХ БОЕВЫХ ТОПОРОВ

А. ТАУТАВИЧЮС

В последние годы археологи уделяли большое внимание изучению оружия литовских племен. В своем исследовании боевых топоров эпохи раннего феодализма в Литве Р. Волкайте-Куликаускене отнесла к этому периоду, в числе других, и все восточнолитовские узколезвийные боевые топоры.[1] Она полагает, что боевые узколезвийные топоры появились не ранее 10 века, так как наблюдаемые у них щековицы — выступы по обеим сторонам проуха, по ее мнению, являются характерными только для топоров этого периода.

Для уточнения времени появления указанных боевых узколезвийных топоров важны некоторые не опубликованные еще находки, обнаруженные в восточнолитовских курганах. В первую очередь в этом отношении заслуживает внимания находка из Цигельне Швенченского района, севернее озера Вайонис. Здесь в 1907 году В. А. Каширский вскрыл несколько курганов. Курган № 2, имевший насыпь диаметром 11 м и высотой до 1 м, обложенную каменным венцом, содержал два трупоположения. Погребение № 1 находилось в подкурганной яме. С правого бока костяка лежали два втульчатых наконечника копий, на груди — бронзовая арбалетная фибула, у тазовых костей — остатки костяных гребней, нож и три бронзовые пряжки, а около левой ноги — боевой узколезвийный топор (рис. 1 : 1—5).[2] Эту могилу как по по-

[1] R. Volkaitė-Kulikauskienė, Kovos kirviai Lietuvoje ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, 1 (16)*, 1964, стр. 110—112.

[2] Отчет о раскопках хранится в архиве ЛОИА, дело Археологической ком. 1907/53. Находки хранятся в Гос. Эрмитаже (коллекция № 788/7-13).

гребальному обряду, так и по инвентарю следует датировать 5 веком, во всяком случае, не позже начала 6 века н. э.[3] Боевой узколезвийный топор из этого погребения пока самый древний из всех подобных восточнолитовских топоров. Он является единственным известным нам до настоящего времени топором со щековицами, найденным в восточнолитовских курганах с трупоположениями.

Другой сходный топор из курганов в Рекучяй Швенченского района, раскопанных В. А. Каширским в 1907 году, хранится в Гос. Эрмитаже. Этот топор найден в погребении с трупосожжением вместе со слабо профилированным наконечником копья и овальной бронзовой пряжкой (рис. 1 : 6—8).[4] На основании типа копья и пряжки он может быть датирован приблизительно 6 веком или началом 7 века.

В 1913 году П. С. Рыков в Сморгоньских курганах (БССР, Ошмянский район) №№ 6 и 8 нашел два топора того же типа.[5] Оба они найдены вместе с втульчатыми наконечниками копий при трупосожжениях в курганах, обложенных каменными венцами. Эти топоры следует датировать второй половиной первого тысячелетия н. э.

В 1914 году П. С. Рыков продолжал раскопки этого могильника и при трупосожжении в кургане № 2 нашел еще один боевой топор вместе с втульчатым наконечником копья (длиной 49 см), типичным для конца первого тысячелетия н. э.[6]

В 1895 году Ф. В. Покровский нашел боевой узколезвийный топор в Будрянах (БССР, Поставский район), в кургане № 9. К тому же трупосожжению относились два наконечни-

---

[3] Фибула из этого погребения близка по форме арбалетным фибулам, которые Н. Оберг относит к 5 веку, ср. N. Åberg, Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala 1919, стр. 57. Она близка к готландским фибулам периода VI : 2, который датируется 475—550 гг., см. B. Nerman, Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm 1935, рис. 144—145, стр. 68. Подобные словацкие фибулы датируются 5 веком, см. M. Lamiova-Schmiedlova, Spony z doby rimskej na Slovensku. Nitra 1961, табл. XVIII : 6, стр. 24.

[4] В отчете В. А. Каширского нет описания погребения. Вещи хранятся в Гос. Эрмитаже (№ 787/1-3).

[5] П. С. Рыков, Могильник близ станции Сморгонь. Дневник раскопок близ м. Сморгонь, Ошмянского уезда, Виленской губ., в мае 1913 г. *Записки Северо-западного отдела Русского географического общества, кн. 4*, Вильна 1914, стр. 7—17. Топоры воспроизведены на снимках на стр. 11 и 15. Они хранятся в Историко-этнографическом музее в г. Вильнюсе.

[6] Отчет о раскопках в архиве ЛОИА, дело Археологической ком. № 1914/300. Находки хранятся вместе с материалами раскопок 1913 г.

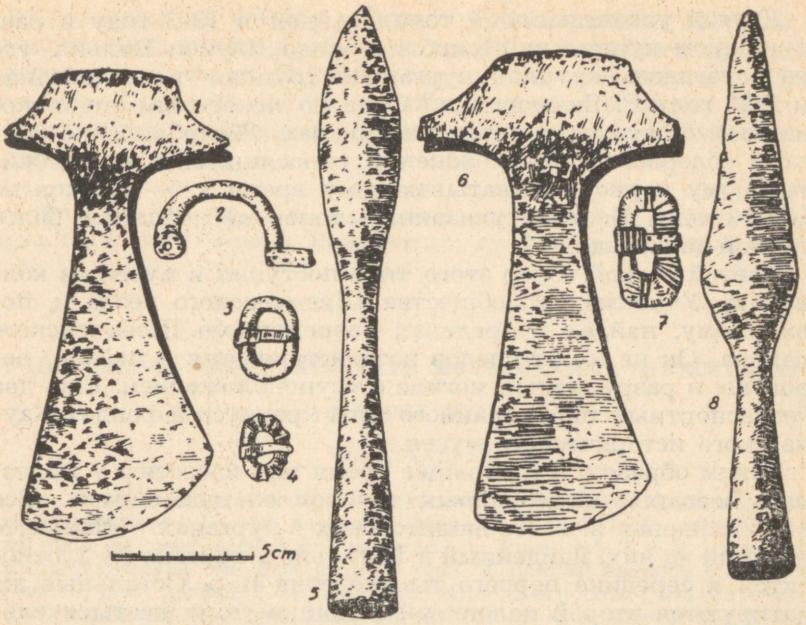


Рис. 1. Погребальный инвентарь захоронения с трупоположением № 1 кургана № 2 в Цигельне, Швенченского района (1—5) и захоронения с трупосожжением в Рекучяй, Швенченского района (6—8).

ка копий, позволяющие датировать данное погребение приблизительно 8—9 веком.[7]

В Вильнюсском историко-этнографическом музее хранятся еще три боевых узколезвийных топора, представляющие собой случайные находки из разрушенных курганов. Один из них найден в курганном могильнике в Вилконис Эйшишского района, где В. Шукевич вскрыл ряд трупосожжений 5—7 веков.[8] Можно предполагать, что и данный, найденный в разрушенном кургане топор относится приблизительно к этому же времени. По форме обуха этот топор наиболее близок топору из Сморгоньского кургана № 6.

---

[7] Ф. В. Покровский, К исследованию бассейна р. Вилии в археологическом отношении. *Труды X археологического съезда*, т. 1, Москва 1899, отдельн. оттиск со стр. 69—70. Во втором погребении с трупосожжением, обнаруженном в этом кургане, найден обыкновенный узколезвийный топор восточнолитовского типа второй половины первого тысячелетия н. э.

[8] Отчет В. Шукевича в архиве ЛОИА, дело Археологической ком. № 1894/90.

Другой узколезвийный топор найден в 1913 году в разрушенном кургане в Жвирбляй около Науйои Вильня, где располагалась крупная курганная группа, исследованная в 1928 году Р. Якимовичем.[9] Судя по некоторым опубликованным об этих раскопках материалам, Жвирбляйские курганы содержали трупосожжения, относящиеся к продолжительному периоду, охватывающему время с 5—6 веков по 11—12 века. Поэтому указанный топор не поддается более точной датировке.

Третий боевой топор этого типа поступил в музей из коллекции Учительского общества Швенченского уезда и, повидимому, найден в пределах современного Швенченского района. Он не имеет следов воздействия огня и найден, вероятно, в разрушенной могиле с трупоположением. Еще два беспаспортных топора данного типа хранятся в фондах Каунасского исторического музея.

Таким образом, в настоящее время нам известны 9 железных боевых узколезвийных топоров со щековицами. Все они найдены в восточнолитовских курганах. Наиболее древний из них, найденный в Цигельне в кургане № 2, относится к середине первого тысячелетия н. э. Остальные же датируются второй половиной и концом того же тысячелетия. В исследованных до настоящего времени восточнолитовских курганах 11—12 веков топоры этого типа еще ни разу не найдены. Не встречались боевые топоры этого типа и в древнерусских курганах 10—12 веков.[10] Исключительно редко обнаруживались подобные топоры также в польских памятниках 10—12 веков.[11] Это еще раз подтверждает, что боевые узколезвийные топоры со щековицами восходят к середине и второй половине первого тысячелетия, а не к 10—12 векам.

10—12 веками, видимо, следует датировать лишь такие узколезвийные боевые топоры, которые, наподобие многих широколезвийных топоров, имеют не только щековицы, но

---

[9] Находки из раскопок хранятся в Гос. археологическом музее в Варшаве. Przegląd Archeologiczny, t. 4, Poznań 1929, стр. 145—146; Prehistoria ziem polskich. Warszawa 1948, стр. 425—426, табл. 100.

[10] В составленной М. Х. Алешковским схеме топоров русских дружинников таких топоров нет, см. М. Х. Алешковский, Курганы русских дружинников XI—XII вв. *СА 1960, № 1*, стр. 72, рис. 1.

[11] По А. Надольскому, это тип IVб; ему известны только 2 экземпляра, которые он датирует 11 веком, см. A. Nadolski, Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź 1954, табл. XVI : 2, стр. 44. Но эта датировка вызывает сомнения, другие археологи относят данные два топора к 8—9 векам, см. W. Sarnowska, Topory wczesnosredniowieczne z obszaru Sląkaska. *Swiatowit, XXIV* (1962), стр. 495—497.

и удлиненную спинку обуха.[12] Узколезвийные топоры с удлиненной спинкой обуха в восточнолитовских курганах середины и второй половины первого тысячелетия не встречались. Поэтому нельзя считать синхронными эту и рассмотренную нами выше группу узколезвийных боевых топоров.

---

[12] Volkaitė-Kulikauskienė, рис. 7:4; Алешковский, рис. 1:19; тип IVa по А. Надольскому, см. Nadolski, табл. XVI:1.

IDA-LEEDU VÕITLUSKIRVESTE KRONOLOOGIA KÜSIMUSEST

A. TAUTAVIČIUS

Lühikokkuvõte

On arvatud, et ida-leedu kitsad kirved nn. lappidega kummalgi pool silma pärinevad 10.—12. sajandist. Mõned suletud leiud võimaldavad tõestada, et need kirved on vanemad ja kuuluvad 5.—10. sajandisse. Kahte vanemaist leidudest kujutab joon. 1; nendest esimene (Cegelnėst, joon. 1:1—5) pärineb 5.—6. sajandist, teine (Rekučiaist, joon. 1:6—8) — 6.—7. sajandist. 10.—12. sajandist on pärit ainult kitsaskirved, millel peale silmalappide on ka kannapikendused ehk -lapid.

ZUR FRAGE NACH DER ZEITLICHEN STELLUNG DER OSTLITAUISCHEN STREITÄXTE

A. TAUTAVIČIUS

Zusammenfassung

Es ist angenommen worden, dass die ostlitauischen schmalen Streitäxte mit Vorsprüngen oder Lappen beiderseits des Schaftlochs aus dem 10.—12. Jahrhundert herrühren. Einige geschlossene Funde ermöglichen es nachzuweisen, dass diese Äxte älter sind und aus dem 5.—10. Jahrhundert stammen. Zwei der ältesten Funde sind in Abb. 1 veranschaulicht. Von diesen gehört der erste (Cegelnė, Abb. 1:1—5) ins 5.—6. Jahrhundert, der zweite (aus Rekučiai, Abb. 1:6—8) ins 6.—7. Jahrhundert. Ins 10.—12. Jahrhundert gehören lediglich die Schmaläxte, die ausser Schaftlochlappen auch einen Helmdach haben.

О РАННИХ И ПОЗДНИХ ГОРОДИЩАХ ДЬЯКОВА ТИПА

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

Среди древностей «железного века», характерных для лесной зоны Восточной Европы, наиболее известными являются городища дьякова типа. Как особая группа (культура), они были определены в начале нашего века А. А. Спицыным. В дальнейшем не раз уточнялись их хронология, границы распространения и место среди других восточноевропейских древностей. Теперь известно, что наиболее ранние городища восходят к третьей четверти I тысячелетия до н. э., вероятно, — к ее началу, а позднейшие — к середине I тысячелетия н. э. Область дьяковских городищ, как выяснилось, охватывает восточную и центральную части Волго-Окского междуречья, Верхнее Поволжье и Валдайскую возвышенность. На юге и востоке она граничит с областью городецкой и ананьинской культур. Все три культуры — дьяковская, городецкая и ананьинская — с достаточным основанием связываются с финно-угорскими племенами. На западе область дьяковских городищ простирается вплоть до земель, занятых в раннем «железном веке» восточнобалтийскими племенами. Граница между ними и финно-уграми проходила не по водоразделу Днепра и Волги, как представлялось раньше, а несколько восточнее. Древности «железного века» в бассейне Верхней Оки и в верховьях Москва-реки принадлежат не к дьяковской, а к восточнобалтийским культурам. Археологическая граница, разделяющая финно-угров и балтов в западной части Волго-Окского междуречья, совпадает с границей финно-угорской и балтийской гидронимии.

Со времени первых раскопок на дьяковских городищах было известно, что они имеют два слоя: нижний и верхний. Нижний слой характеризуется глиняной посудой баночных форм с сетчатой (текстильной) орнаментацией, а в верхнем слое представлена неорнаментированная керамика. В хо-

де многолетних исследований собран большой материал, обрисовывающий хозяйство, быт, экономические и культурные связи обитателей как ранних, так и поздних городищ. Высказан ряд соображений об их общественных отношениях и идеологических представлениях. Выделена серия вещей, наиболее характерных для позднедьяковской культуры. Среди них первое место занимают своеобразные глиняные грузики и ажурные бронзовые навершия для булавок. В археологической литературе они фигурируют как грузики и навершия «дьякова типа», как руководящие формы дьяковских древностей. В ранних дьяковских городищах, имеющих лишь сетчатую керамику, грузики не встречаются.

В ходе археологических работ последних десятилетий наши представления о культурах «железного века» в лесной полосе Восточной Европы значительно обогатились. Были исследованы, в частности, несколько городищ около Москвы и в Верхнем Поволжье.[1] Большой новый материал, характеризующий культуру и историю восточных балтов и ранних славян, получен в ходе исследований, произведенных в Верхнем Поднепровье и по его периферии, в частности, в области верхнего течения р. Оки.[2] Значительный вклад в археологию «железного века» сделан в Прибалтике. Одним из частных итогов всех этих исследований явился новый взгляд на дьяковскую культуру. Выяснилось, что в определение этой культуры и ее характерных признаков должны быть внесены существенные коррективы.

Еще в начале 40-х годов и позднее мной не раз было отмечено, что среди находок с верхневолжского городища Березняки отчетливо представлены западные элементы — вещи с эмалью, фибула балтийского типа, черная лощеная посуда реберчатых форм и др. То же самое можно сказать и о многих других позднедьяковских городищах, расположенных в центральных частях Волго-Окского междуречья. Среди находок, сделанных на этих городищах, неоднократно встречались изделия, происхождение которых нужно

---

[1] А. Ф. Дубынин, Результаты работ Можайской экспедиции. *КСИА 94*, 1963; И. Г. Розенфельдт, Посуда Троицкого городища. *СА 1965, № 1;* Г. П. Латышева, И. Г. Розенфельдт, Раскопки Барвихинского городища. *КСИА 102*, 1964; Ю. А. Краснов, Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг. *КСИА 102*, 1964 и мн. др.

[2] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. Москва-Ленинград 1963; П. Н. Третьяков, К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья. *Slavia Antiqua, t. XI*, 1964; Т. Н. Никольская, Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. *МИА 72*, 1959.

искать в верховьях Оки, на Верхнем Днепре или в Прибалтике.[3]

Археологические раскопки, произведенные за последние десятилетия в области верхнего течения Днепра, Оки и Москва-реки, впервые позволили обстоятельно обрисовать культуру восточных балтов в разные периоды ее истории. При этом выяснилось, что до нашей эры и в первые века н. э. эта культура заметно отличалась от дьяковской. Верхнеднепровская керамика не имела сетчатого орнамента; разными были формы железных изделий и бронзовых украшений и др. Позднее же, начиная с 2—3-го веков н. э., дьяковская культура и культура верхнеднепровских и верхнеокских балтов приобрели множество общих черт. О вещах с эмалью речь уже шла выше. Глиняные грузики, считавшиеся типичными дьяковскими, во множестве были найдены на городищах Смоленщины; немало их встречено и в более западных областях, в частности на территории Литовской ССР. Стало ясно, что это характерный элемент культуры балтов и что название «грузики дьякова типа» следует изменить. Дьяковские навершия найдены на городищах в поречье Десны и на Смоленщине. Особенно в большом числе они встречаются в бассейне Верхней Оки, т. е. опять-таки в области восточных балтов. Керамика позднедьяковских городищ второй четверти I тысячелетия н. э. в основных чертах не отличается от синхроничной ей верхнеднепровской и верхнеокской. Это относится как к сосудам, покрытым лощением, так и к обычной лепной посуде. Наконец, позднедьяковские городища нередко приближались к верхнеднепровским и более западным по своему внешнему виду. Они имели такую же сложную систему многорядных укреплений, как смоленское городище Тушемля или литовские пилькальнисы.[4] Все это может получить лишь одно объяснение: позднедьяковская культура не сложилась на месте, а была принесена с запада восточнобалтийским населением.

Если бы речь шла о распространении в Волго-Окском междуречье вещей с эмалью или других металлических изделий, это можно было бы объяснить торговыми связями. Но в данном случае мы имеем другую картину: с запада в глубину междуречья продвинулись все основные элементы

---

[3] П. Н. Третьяков, 1) К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. *МИА 5*, 1941, стр. 79—83; 2) К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. *СА 1957, № 2*, стр. 69—75.

[4] П. Н. Третьяков, Бологовское городище. *КСИА 87*, 1962.

культуры восточных балтов. Совершенно прав был акад. Х. А. Моора, когда он писал, что «в южной и юго-западной частях области дьяковской культуры должны были обитать балты». К подобному же выводу пришел А. П. Смирнов и некоторые другие исследователи.[5]

Имеются, однако, наблюдения и другого порядка. На некоторых городищах Верхнего Поволжья была прослежена несомненная преемственность между сетчатой и гладкой керамикой, свидетельствующая против смены населения. В восточных частях Волго-Окского междуречья, где также прослеживается такая преемственность, элементы балтийской культуры на позднедьяковских городищах не прослеживаются или представлены очень слабо. Грузики «дьякова типа» встречаются там исключительно редко. Нет их и на городищах поречья Средней и Нижней Оки. После середины I тысячелетия н. э. в восточных частях междуречья появляются рядовые могильники, характерные для культуры волго-окских финно-угорских племен.[6]

Следовательно не все Волго-Окское междуречье было занято во 2—3 вв. восточными балтами. На востоке они дошли приблизительно до линии Ярославль — Плещеево озеро — Коломна. Более того, и к западу от этой линии старое дьяковское (финно-угорское) население во многих местах продолжало сохраняться, хотя и испытало на себе значительное влияние более высокой культуры пришельцев.

В настоящее время исторические процессы, происходившие в среде восточнобалтийского населения в начале I тысячелетия н. э., уже не составляют загадки. Начиная с рубежа нашей эры в области Верхнего Поднепровья стали продвигаться среднеднепровские зарубинецкие племена, являющиеся, по мнению большинства археологов, одной из раннеславянских группировок. В первые века н. э. они продвинулись особенно далеко по Десне, оттесняя на север местное население. Уже в то время на многих городищах бассейна Верхней Оки и в западных частях Волго-Окского междуречья появляется керамика и другие элементы культуры, характерные для деснинских (юхновских) племен. В последующие века восточнобалтийские племена, теснимые

---

[5] Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен. *СА 1958, № 2*, стр. 23; А. П. Смирнов, Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века. *КСИА 94*, 1963, стр. 7—8.

[6] Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья, стр. 43; О. Н. Бадер, Древние городища на Верхней Волге. *МИА 13*, стр. 101—102, 130—132.

славянами, проникают в центральные части Волго-Окского междуречья, являясь главными создателями позднедьяковской культуры.

И еще одно обстоятельство должно быть здесь отмечено. Зарубинецкие племена, постепенно продвигавшиеся в глубины Верхнего Поднепровья, оказывали значительное влияние на культуру местного населения, оказавшегося поблизости от зарубинецких поселений. В быту последнего появились не только металлические — железные и бронзовые — изделия зарубинецких форм, но и глиняная посуда, похожая на зарубинецкую. Сюда относится в первую очередь посуда реберчатых форм, покрытая лощением.[7] Эти приобретенные элементы верхнеднепровские и верхнеокские восточнобалтийские племена принесли с собой в центральные части междуречья. Вследствие этого позднедьяковская культура несет на себе некоторые зарубинецкие черты.

Так как же теперь быть с терминологией, связанной с дьяковской культурой? Мне думается, что дьяковскими следует называть лишь ранние древности, характеризующиеся сетчатой (текстильной) керамикой. Культуру же последующего периода нужно называть позднедьяковской, рассматривая ее как результат смешения местных и восточно-балтийских элементов с явным преобладанием последних в западной половине Волго-Окского междуречья. Глиняные грузики и ажурные навершия дьяковскими называть не следует. Лучше говорить о грузиках балтийского типа и о восточнобалтийских навершиях.

---

[7] Третьяков и Шмидт, Древние городища Смоленщины, стр. 22—24.

VARASEIST JA HILISEIST DJAKOVO TÜÜPI LINNUSTEST

P. N. TRETJAKOV

Lühikokkuvõte

Djakovo tüüpi linnuseid, mis I aastatuhande kolmandast veerandist e. m. a. kuni m. a. I aastatuhande keskele olid levinud Volga ja Okaa vahemail, Volga ülemjooksu piirkonnas ja Valdai kõrgustikul, käsitati varemalt ühtse rühmana. Erineva iseloomuga savinõude järgi tehti küll vahet varaste ja hiliste linnuste vahel, mis kõik soome-ugri hõimudele omistati. Uued uurimised võimaldavad nüüd eraldada hiliste Djakovo linnuste seas kaht kohalikku alarühma: lääne- ja idapoolseid linnuseid. Esimesed on levinud Volga ja Okaa ülemjooksul ja nende vahele jääval maa-alal kuni Jaroslavli — Pleštšejevo järve — Kolomna jooneni. Lääne-

poolseil linnustel oli sageli täiuslikum kaitsesüsteem kui idapoolseil. Eriti iseloomulikud olid neile nn. Djakovo tüüpi savikedrad ning läbistatud nõelapead. On põhjust arvata, et selle alarühma linnused kuulusid peaasjalikult balti hõimudele. Taganedes slaavlaste eest, kes Dnepri jõgikonnast põhja ja kirdesse liikusid, tungisid idabaltlased m. a. 2.—3. sajandil soome-ugri hõimude alale ja surusid need osaliselt oma muistselt asumisalalt välja.

ÜBER DIE FRÜHEN UND SPÄTEN BURGEN VOM DJAKOWO-TYP

P. N. TRETJAKOW

Zusammenfassung

Die Burgen (Gorodischtschen) vom Djakowo-Typ, die vom dritten Viertel des 1. Jahrtausends v. u. Z. bis zur Mitte des 1. Jahrtausends u. Z. am Oberlauf der Wolga, zwischen der Wolga und Oka sowie im Gebiet der Waldai-Höhen verbreitet waren, wurden früher als eine gemeinsame Gruppe betrachtet. Auf Grund verschiedenartiger Tonware unterschied man allerdings frühe und späte Djakowo-Burgen, die sämtlich finnisch-ugrischen Stämmen zugeschrieben wurden. Die Ergebnisse neuer Untersuchungen gestatten nun die jüngeren Djakowo-Burgen in zwei örtliche Untergruppen — eine westliche und eine östliche — einzuteilen. Der Bereich der Westgruppe umfasst den Oberlauf der Wolga und Oka sowie das dazwischenliegende Gebiet bis zur Linie Jaroslawl—Pleschtschejewo-See — Kolomna. Die Befestigungen der westlichen Burgen sind im Vergleich mit denen der östlichen im allgemeinen vollkommener. Ganz besonders charakteristisch für sie sind aber aus Ton gebrannte «Wirtel» vom sog. Djakowo-Typ sowie metallene durchbrochene Nadelköpfe. Man darf annehmen, dass diese Untergruppe der Djakowo-Burgen vornehmlich baltischen Stämmen gehörte. Unter dem Druck der sich aus dem Dnepr-Becken verbreitenden Slawen schoben sich die Ostbalten im 2.—3. Jahrhundert u. Z. ins Wohngebiet der finnisch-ugrischen Stämme vor und verdrängten diese aus einem Teil ihrer ursprünglichen Sitze.

LISANDEID IDUMEA AJALOOLE

E. TÕNISSON

Ida-Baltimaade piirkondade ja rahvaste hulgas nimetab preester Henrik oma kroonikas eraldi Idumead (*Ydumea*) ja selle elanikke idumealasi (*idumei, ydumei*). Nagu näitas juba A. Bielenstein, oli Idumea suhteliselt väike piirkond, hõlmates esijoones Koiva parempoolse lisajõe Brasla alamjooksu ümbruskonda ja teatavat maa-ala sealt ida ning kirde poole (joon. 1).[1] Hilisema territoriaalse jaotuse kohaselt vastab Idumea seega põhiliselt Cēsise maakonna loodeosale (Liel- ja Mazstraupe, Kūdumsi, Raiskumsi, Rozula, Stalbe vallad).

Kuigi enamik uurijaid, alates juba F. J. Wiedemannist[2], on idumealased samastanud liivlastega, tekib paratamatult küsimus, mispärast kroonik neid üsna järjekindlalt nimetab eraldi mitte ainult lätlastest, vaid ka liivlastest.[3] A. Bielenstein märkis õigusega, et idumealased pidid olema «midagi erinevat», võrreldes liivlaste ja lätlastega. Uurija arvates seisnes mainitud erinevus aga põhiliselt ainult selles, et Idumeas elas liivlaste kõrval ka lätlasi.[4]

Peale kirjalike ajalooallikate on idumealaste küsimuse selgitamisel oluline tähtsus arheoloogilisel materjalil. Jättes kõrvale kaugemad ajalooperioodid, võib märkida, et m. a. I aastatuhande esimesest poolest ja keskosast on selle piirkonna lõunaosast — hilisemast Lielstraupe vallast — teada mitmeid lamedaid, kiviringiga ümbritsetud balti hõimudele iseloomulikke kääpaid. Maa põhja- ja kirdeosast on aga tuntud rida

---

[1] A. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St. Petersburg 1892, lk. 66 jj.

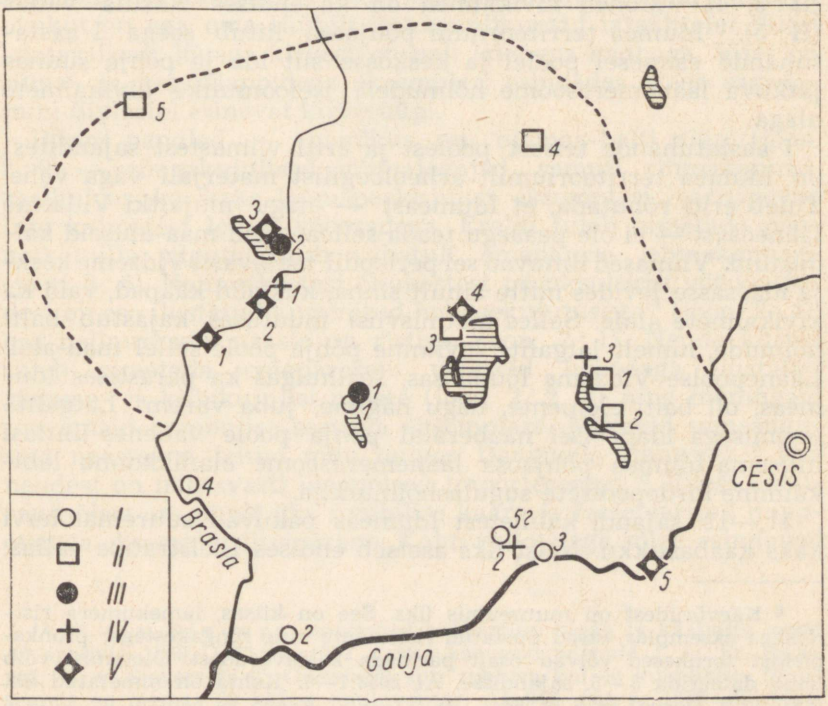
[2] J. A. Sjögren, Livische Grammatik nebst Sprachproben. Bearb. und mit einer historisch-etnographischen Einleitung versehen von F. J. Wiedemann. St. Petersburg 1866, lk. XXIV.

[3] Vrd. eriti Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. Москва-Ленинград 1938, XXII : 4.

[4] Bielenstein, lk. 64.

kivikalmeid (joon. 1). Lisaks kirjanduses üldiselt käsiteldud kääbastele Pūrica ehk Ikulda järve ääres, samuti endiste Lielgaujmaļi ja Ķūķise talude lähedal (vt. I : 1—3 kaardil joon. 1)[5], tuleb nimetada veel üht C. v. Sieversi kaevatud liivakuhelikku Brasla idakaldal (I : 4). Sellest leiti inimluid, sealhulgas alumine lõualuu. Viimase lähedusest saadi kitsad käevõrud, mõned spiraaltorud, pronksplekist torukesed ning tükk

[5] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I. Teil. *ÕES Toim. XXV*, Tartu 1929, lk. 50 ja 51, 47 ja 48, 78 ja 79; R. Šnore, Latvijas aizvēstures kartes, I. *Acta Universitatis Latviensis. Philologorum et Philosophorum Ordinis Series, t. I. supplementum, II*, Rīgā 1936, nr-d 5 ja 4, lk. 9, nr. 1, lk. 29. Leiud AI 953, 2060 : 1—4, 2615 : 1—3.



Joon. 1. I aastatuhande ja II aastatuhande alguse muistised Idumea alal.
I — varasemad kääpad; II — kivikalmed; III — 11.—12. sajandi kääbastikud; IV — samaaegsed maa-alused kalmistud; V — linnused (1 — Kranču kalns, 2 — Batereja, 3 — Ērģļu kalns, 4 — Baznīckalns, 5 — linnamägi endise Kvēpenesi talu juures).

rauašlakki.[6] Üht lõhutud kääbast võib oletada veel endise Jätnieki talu maal (I : 5), kust teadete kohaselt olevat leitud I aastatuhande esimesest poolest ja keskosast pärinevaid asju.[7]

Kuigi kirjeldatud kääbaste iseloom — eriti matmisviisi osas — jääb mõneti ebaselgeks, kuuluvad nad ilmselt samasse kultuuri- ja etnilisse piirkonda, mida esindavad balti hõimude kääbaskalmed siit vahetult lõuna ja kagu suunas jätkuval territooriumil.

Idumea põhjaosas on samal ajajärgul levinud kivikalmed, millest tuntumad on kaks kalmet endises Raiskumsi vallas Auciemsis (II : 1).[8] Teised siinsed kivikalmed on uurimata. Nendest üks, osaliselt lõhutud kalme asub Auciemsist umbes 1,5 km lõuna poole, Raiskumsi järve põhjaotsa lähedal (II : 2).[9] Edasi tuleb märkida kaht kivikalmet endises Kūdumsi vallas (II : 3, 4).[10] Mõned kivikalmed on ka endises Rozula vallas (II : 5).[11] Idumea territooriumi põhjaosa liitub seega I aastatuhande esimesel poolel ja keskosas siit ida ja põhja suunas jätkuva läänemeresoome hõimudele iseloomulike kivikalmete alaga.

I aastatuhande teisest poolest ja eriti viimastest sajanditest on Idumea territooriumilt arheoloogilist materjali väga vähe. Tuleb eriti rõhutada, et Idumeast — nagu mujaltki Vidzeme lääneosast — ei ole peaaegu teada selleaegseid maa-aluseid kalmistuid. Viimased ilmuvad sel perioodil teatavasti Vidzeme kesk- ja idaosasse, levides mitte ainult sinna, kus olid kääpad, vaid ka kivikalmete alale. Selles matmisviisi muutuses kajastub balti hõimude, nimelt latgalite levimine põhja poole sellel maa-alal. Läänepoolse Vidzeme lõunaosas, sealhulgas ka pärastises Idumeas, oli balti elemente, nagu nägime, juba varem. Latgalite levimisega idapoolsel naaberalal põhja poole vähenes ühtlasi hilisema Idumea põhjaosa läänemeresoome elanikkonna läbikäimine kirdepoolsete sugulashõimudega.

11.—12. sajandi kalmetest Idumeas pakuvad suuremat huvi kaks kääbastikku. Neist üks asetseb endises Lielstraupe vallas,

---

[6] Käevõrudest on muuseumis üks. See on kitsas, lamekumera ristlõikega eksemplar, otsad ilustatud ristisoonte ning rõngakestega; pronksplekist torukesed võivad osalt pärineda kaelavõrudest. Oletamisi võib leiud dateerida 3.—5. sajandisse. AI 2058:1—4. Kohta on nimetatud Sb. GEG 1874, Dorpat 1875, lk. 65.

[7] Andmed CVVM arhiivis. Leide muuseumis ei ole.

[8] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland, lk. 34 jj.; R. Šnore, Latvijas aizvēstures kartes, nr. 117, lk. 19.

[9] Andmed CVVM arhiivis.

[10] R. Šnore, Latvijas aizvēstures kartes, nr. 103 ja 104, lk. 17.

[11] Vt. J. Graudonise inspektsiooniaruanded a. 1962 ja varasemad teated CVVM arhiivis.

Pūrica ehk Ikulda järve põhjakaldal, eespool mainitud varasemate kääbaste lähedal (III : 1). Siinsed kääpad — neid on kalmistus olnud umbes sadakond[12] — on suhteliselt väiksed, enamikus läbimõõduga 4—6 m, kõrgusega 0,4—0,5 m ümber. Välja arvatud üks-kaks oletatavat põletusmatust, on surnud olnud maetud põletamata, igas kääpas tavaliselt üks surnu. Mõnes kääpas on olnud paarismatus, vähemalt ühes ka kolmikmatus. Surnud olid maetud kas algse maapinna tasemele või õige madalatesse kääpaalustesse haudadesse. Vähemalt osas kääbastest on mehed olnud maetud latgalipäraselt peaga ida, naised peaga lääne poole.[13]

Erinevalt enamiku liivi kalmistute leiumaterjalist, puuduvad Pūrica kääbastiku leidude hulgas mõõgad või mõõgaosad. Kaheksast odaotsikust on viis putkega eksemplari üldiselt samalaadsed, milliseid leitakse liivi kalmistutest; kolm rootsuga otsikut on aga oma tüübilt iseloomulikumad latgalitele. Viiest laiateralisest lõuaga kirvest on neli laieneva kannaga. Viies on silma- ja kannalappidega eksemplar, esindades kõige sagedamini liivlastel esinevat kirvetüüpi.

Pūrica pandlad — enamikus nn. ojamaa-balti tüüpi (joon. 2 : 8) —, rõngakujulised rihmajagajad, samuti rihmakannad, sealhulgas ka kaks loomapeakujulist eksemplari, sarnanevad liivi kalmetest leitud vööosadega. Eraldi tuleb nimetada pannalt, mille tilguti liitub vahetult omapärase rihmakannaga (joon. 2 : 6). Nelinurksetest õhukestest pronksplekist vöönaastudest on osa ilustatud kummitud hobusekujutusega[14] (joon. 2 : 4); osa nelinurkseid naaste on ristiga (joon. 2 : 1). Nende kõrval tuleb nimetada omapäraseid väikseid hõbedaga ilustatud südame- ja kilbikujulisi naaste (joon. 2 : 2, 3) ning mõningaid suuremaid hambulise servaga eksemplare. Mitmeid samasuguseid naaste on leitud muu hulgas Daugmale linnusest.[15] Osa nendest on nähtavasti idapoolsed importesemed.[16] Viiest hoburaudsõlest on ainult üks rombilise kaare ja fasseteeritud nuppotstega eksemplar liivipärane. Kolm rullotstega sõlge esindavad

---

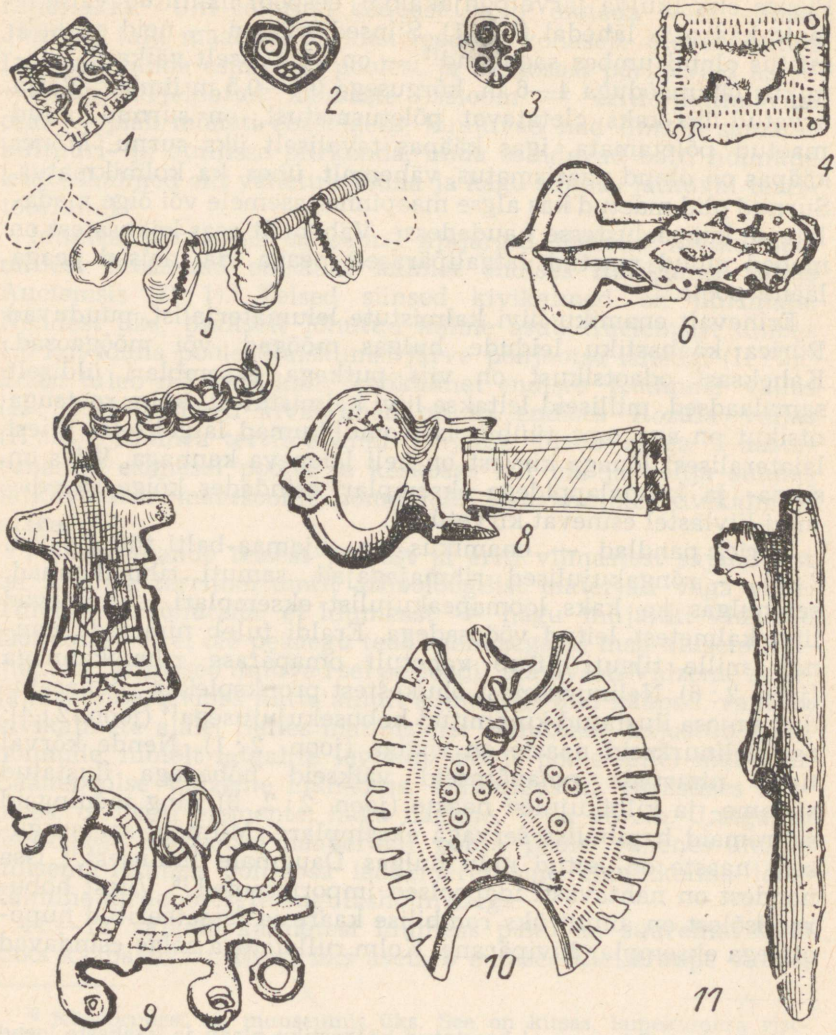
[12] Vt. C. v. Sieversi koostatud kääbastiku plaan ja kääbaste loend AI arhiivis. 1869., 1871. ja 1872. aastal kaevasid parunid J. ja Fr. Rosenid, C. v. Sievers ja C. Grewingk siin rohkem kui 40 kuhelikku. Muuseumis on olemas 20 kääpa leiuinventar. AI 947—951 ja 1935—1945; vt. RK 573—579.

[13] Vt. Sb. GEG 1874, lk. 117.

[14] RK, tahv. 14:7.

[15] Vt. näiteks V. Ģinters, Daugmales pilskalna 1936. g. izrakumi. *Senatne un Māksla, 1936, IV*, joon. 17:2,4.

[16] Vrd. Э. С. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига 1965, lk. 80.



Joon. 2. Leide Lielstraupe Pūrica kääbastikust.

esijoones tüüpe, mis olid levinud kogu latgalite alal. Viies sõlg on jämenevate otstega kuršipärane eksemplar.

Pūrica kalmistu leidude hulgas on vähe liivipäraseid rinnaehteid. Näiteks puuduvad kilpkonnsõled täielikult. Ainult ripatsite hulgas on mõningaid liivlastele iseloomulikke eksemplare, nimelt kaks pronksist loomakujulist ja üks noakujuline ripats (joon. 2 : 9, 11); nende juurde võib arvata ka kolm karukihva. Eraldi tuleb nimetada omapärast trapetsikujulist ripatsit (joon. 2 : 7).[17] Latgalipärasteks on õhukesed trapetsikujulised ja üks kaksikkammikujuline ripats (joon. 2 : 10). Esijoones latgalitele iseloomulikeks eheteks on Pūrica kalmistust leitud kuljustest, väikestest spiraaltorudest ja kaurikarpidest koosnevad kaelakeed (vrd. joon. 2 : 5). Üldse on Pūrica kääbastikust leitud ligikaudu 300 kaurikarpi. Tüüpilistes liivi kalmetes leidub aga ainult mõni üksik kaurikarp. Ühiseks nähtuseks liivi kalmistute leiumaterjaliga on arvukad Pūricast leitud klaashelmed.

Liivipäraseks jooneks Pūrica kalmistus on kaelavõrude vähesus. Viimaseid on ainult kaks eksemplari, mõlemad oma tüübilt latgalipärased.[18] Pūrica kalmistust leitud üheksa käevõru, mille hulgas on mõned spiraalvõrud ja rida loomapeaotsalisi eksemplare, on üldiselt latgalipärased. Täiesti latgalipärased on ka spiraaltorudest pärjad ja nende osad.

Teine kääbastik, mis on tuntud endise Zvejnieki talu järgi, asetseb endises Mazstraupe vallas Riebiņi järve kirdekaldal (III : 2). Kalmistu sai teatavaks 1936. aastal. Samal aastal avas E. Šnore siin kaks kuhelikku, millest kumbki sisaldas mehe ja naise paarismatuse.[19] Naiste luustikest oli üks peaga idakirdesse, teine idasse. Meeste luustikest võis määrata ainult ühe suuna — see asetses peaga läände. Seega osutus luustike suund erinevaks nii latgalite kui ka liivlaste haudadele iseloomulikust surnute orientatsioonist.

Zvejnieki leiumaterjalis, mis pärineb põhiliselt 11. sajandist, paistab samuti silma relvaleidude vähesus meeste ja rinnaehete vähesus naiste matuste juures. Siingi on arvukalt kaelaja käeehteid. Ent erinevalt Pūrica hauainventarist on Zvejnieki kalmistu leiumaterjalis savinõusid, mis, muide, on tehtud

---

[17] Selliste ripatsite kohta vt. lähemalt Мугуревич, lk. 87 jj. ning joon. 34.

[18] Nad on sama tüüpi nagu Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд, *Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I.* Рига 1957, tahv. I : 3, 5.

[19] 1936. gadā izrakto pieminekļu izstāde. Rīgā 1936, lk. 18. Leiumaterjal CVVM 62531—62534 A 9425—9428. Samast varem saadud leiud CVVM 62317 A 9175, CVVM 62071 A 8922.

käsitsi. Siin puuduvad aga täielikult kaurikarbid ja kaelakeed koosnevad kuljustest ning helmestest. Peamiseks kaelaehteks on Zvejniekis olnud kaelavõrud, mida on suhteliselt vähese leiumaterjali hulgas viis eksemplari, kõik latgalipärased.[20] Kalmistust leitud 12 käevõru hulgas on rida õhukesest pronksplekist, ristlõikes ööneskumeraid eksemplare, millele leidub vasteid liivi kalmistutes nii Koiva kui Väina ääres. Nende kõrval aga esineb ka latgalitele iseloomulikke loomapeaotsalisi võrusid. Lõpuks tuleb leidude hulgas nimetada liivipärast merevaigust ripatsit.

Mõlema kääbastiku leiumaterjalis on seega nii liivlastele kui ka latgalitele iseloomulikke esemeid. Nii ühed kui teised esinevad aga kääbastes niivõrd läbisegi, et ei saa eraldada haudu, mis oleksid puhtalt liivi- või latgalipärased. Sealjuures on mõlema kalmistu leiuinventar teineteisest mõnevõrra erinev.

Kääbastike kõrval on Idumeast teada ka maa-aluseid kalmistuid. Neist üks asetseb endisest Mazstraupe mõisast kirde pool endise Baukalnsi talu maal (IV : 1). Siit saadud leidudest tuleb nimetada umbes 70 cm pikkust ketti kuljuste ja ripatsitega.[21] On võimalik, et see on sama koht, kust juba möödunud sajandil saadi muuseumi spiraaltorukestest kett, hõbedast sõrmus ja kaks õhukesest hõbeplekist käevõru laiusega keskel 2 cm.[22] Üks võrudest on paelja, teine õige veidi nõguskumera ristlõikega.

Maa-alune kalmistu on olnud nähtavasti eespool juba nimetatud Jātnieki talu juures endises Lielstraupe vallas (IV : 2), kust muuseumisse on saadud silma- ja kannalappidega lõuaga kirves ning odaotsik.[23]

Üks vaadeldavasse perioodi kuuluv maa-alune kalmistu on endises Raiskumsi vallas Auciemsi lähedal (IV : 3), kust muuseumi on saadud luunulakujuline keekandja, mille küljes ripub

---

[20] Nad on sama tüüpi nagu Шнорe, Зейд, tahv. I : 2,5.

[21] CVVM 65250. Kalmistut nimetab ka E. Brastiņš, Latvijas pilskalni. IV, Vidzeme. Rīgā 1930, lk. 81.

[22] Vrd. Inland 1844, lk. 828. Leiud CVVM 64633 DM I 767—770, RK 572 : 1—4. Sõrmus RK, tahv. 21:12. Tuleb märkida veel 3 pronksist käevõru, spiraalsõrmust, kuljust ja kee katkendit CVVM 64634 DM I 771—776, RK 572 : 5—10, millede leiukohana on märgitud ainult Straupe. Käevõrudest on kaks samalaadsed nagu ülalmärgitud hõbevõrud, kuna kolmas on stiliseeritud loomapeaotstega.

[23] CVVM 60431 A 7243 ja CVVM 59926 A 5879. Vanemas kirjanduses on nimetatud veel üht maa-alust kalmistut Lielstraupes, kust saadi muuseumi kahe haua inventar. Sb. GEG 1874, lk. 117, 119. Leiud AI 2056 : 1—5 ja AI 2057 : 1—8. Tõenäoliselt ühest-kahest kalmistust pärinevad ka juba 19. sajandil Lielstraupest saadud spiraalkäevõru CVVM 64634 DM I 3458, samuti mõned noad, neli kaurikarpi, hoburaudsõlg jm. CVVM 64632 DM I 3463—3468.

spiraaltorukestest ketiga 2 kuljust.[24] Nähtavasti samast kohast pärinevad ka kahe vaheliti ulatuvate plaatotstega ja ühe sadulotsise kaelavõru katkendid.[25]

Mainitud vähestest leidudest võib siiski järeldada, et Idumea maa-aluste kalmistute leiuinventar on põhiliselt samasugune nagu kääbastest saadud leiud.

Vaatamata mitmetele üsna olulistele ühisjoontele, erinevad Idumea kalmistud siiski märgatavalt nii matmisviisilt kui ka leiuinventarilt tüüpilistest liivi muististest mitte ainult edelapoolsel naaberalal Krimuldas-Siguldas-Turaidas, vaid ka põhja pool, Vainižis. Samal ajal ilmneb neis sarnasust idapoolsete, eriti Cēsise ümbruskonna kalmistutega.[26]

Keeleteaduse andmete alusel võib arvata, et Idumeas kõneldi läänemeresoome keelt, mis oli nähtavasti üsna lähedane liivi keelele.[27] Pealegi nimetab kroonika idumealaste kõrval Idumeas 13. sajandi algul otseselt ka liivlasi. Kuna kirjalikud allikad märgivad siin aga ka latgaleid, siis tunnistab see seda, et siin, eriti piirkonna ida- ja kaguosas, kõneldi ka latgali keelt.

Eespool öeldust järgneb, et Idumea rahvastik oli kujunenud esijoones vana kohaliku elanikkonna alusel, ühendades endas juba varakult mitmeid etnilisi elemente. Suhteliselt väikesel territooriumil ei saanud loomulikult moodustuda püsivamat ühtse kultuuri ja keelega seotud etnilist tervikut. Paljude sajandite jooksul püsisid siin kõrvuti balti ja läänemeresoome etnilised elemendid, jäädes siiski kokku sulamata. Küll aga kujunes siin pikaajalise kooselu ja ühtsete huvide alusel välja omaette administratiiv-territoriaalne piirkond oma keskustega (vrd. linnused joon. 1 : V) ja ühiskondliku organisatsiooniga.[28] Sellest kõigest saab mõistetavaks, mispärast kroonik siinset maad ja selle elanikke eraldi nimetab.

---

[24] CVVM 63746 A 10608.

[25] CVVM 59573 A 3847. Endistest Kūdumsi, Rozula ja Stalbe vallast on küll mitmed teated maa-alustest kalmistutest, ent kuna leide muuseumis ei ole, ei saa nende vanuse kohta midagi kindlamat ütelda.

[26] Nimetaksime nendest eraldi näiteks kääbaskalmistut endises Lenči vallas Bundese talu maal (tuntud endise Striķi mõisa järgi).

[27] Keeleteaduse andmetel kuulub Idumea tervikuna nn. liivi murde alale. Vt. kaarti M. Rudzīte, Latviešu dialektoloģia. Rīgā 1964, lk. 407.

[28] On iseloomulik, et Idumeasse ehitati 13. sajandi algul omaette kirik ja pandi ametisse vaimulik. Vt. Хроника Ливонии, XI, 2.

К ИСТОРИИ ИДУМЕИ

Э. ТЫНИССОН

Резюме

В «Хронике Ливонии» небольшая округа, расположенная по речке Брасла, правому притоку Гауи, называется Идумеей (*Ydumea*), а население ее — идумейцами (*idumei, ydumei*). Согласно хронике, в Идумее жили и ливы и латгалы. Тем не менее, Генрих последовательно отличает Идумею как от ливских, так и от латгальских земель. Дошедшие до нас в пределах древней Идумеи археологические памятники 11—12 веков (рис. 1 : III, IV) носят смешанный, латгальско-ливский характер (см. рис. 2). Ввиду того, что памятники 2—6 веков н. э. на юге данной территории представлены курганными могильниками балтийского типа (рис. 1 : I), а на севере— каменными могильниками прибалтийско-финского характера (рис. 1 : II), надо полагать, что уже в этот период здесь обитали две различные этнические группы населения. В течение последующего почти тысячелетнего периода обе этнические группы не слились друг с другом, но в результате общности экономических и общественных интересов настолько сблизились, что образовали единое территориальное объединение, сходное с эстонскими «кихелькондами».

ZUR GESCHICHTE DER LANDSCHAFT IDUMEA

E. TÕNISSON

Zusammenfassung

In Heinrichs Livländischer Chronik werden ein an dem Flüsschen Brasla, einem rechten Nebenfluss der Gauja (Livländische Aa) gelegenes kleines Gebiet *Ydumea* und seine Bevölkerung *idumei, ydumei* genannt. Der Chronik zufolge bewohnten dieses Gebiet sowohl Letgaller als Liven. Heinrich unterscheidet indessen dieses Gebiet stets von den livischen und den lettgallischen Landschaften. Die aus dem Gebiet von Idumea bekannten Bodendenkmäler und -funde des 11.—12. Jahrhunderts (Abb. 1 : III, IV) weisen einen gemischten, lettgallisch-livischen Charakter auf (vgl. Abb. 2). Da aus dem 2.—6. Jahrhundert aus dem Süden dieses Gebiets Hügelgräber baltischer Art (Abb. 1 : I), aus dem Norden aber Steinsetzungen von ostseefinnischem Typ (Abb. 1 : II) vorliegen, ist es anzunehmen, dass es bereits zu jener Zeit von zwei verschiedenen Volksstämmen bewohnt war. Im Laufe der folgenden fast eintausend Jahre waren die beiden Volksgruppen noch nicht miteinander verschmolzen, hatten sich aber infolge der Gemeinschaft ihrer wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Interessen dermassen einander angenähert, dass sie einen gemeinsamen Gau bildeten, der seiner Art nach offenbar mit den estnischen *kilegunda*-Gauen verglichen werden kann.

SAMMASKALMETEST EESTIS

A. VASSAR

Ligi kolmkümmend aastat tagasi avastati põhjarannikul Valklas Eestis varem tundmata tüüpi muistne kalme (joon. 1 : a).[1] Kaevamistel saadud leidude järgi kuulub see 3.—4. sajandisse. Läbikaevatud alal leiti neli hauda, millest üks põletusmatus asus väikese kiviringi sees, kolm aga olid tähistatud kivisammastega, kõrgusega 108—145 cm. Kahe samba lõunapoolsel jalamil leidus põletusmatus koos metallpanustega. Kõige kõrgema kivisambaga tähistatud haud oli aga juba varem läbi kaevatud ning hävitatud. Pole võimatu, et siin oli tegemist laibahauaga, kuna segipuistatud kruusas märgati vaid üksikuid väikesi luukilde, sissekaeve oli aga umbes 2 m pikk ja enamvähem põhja-lõuna suunas.

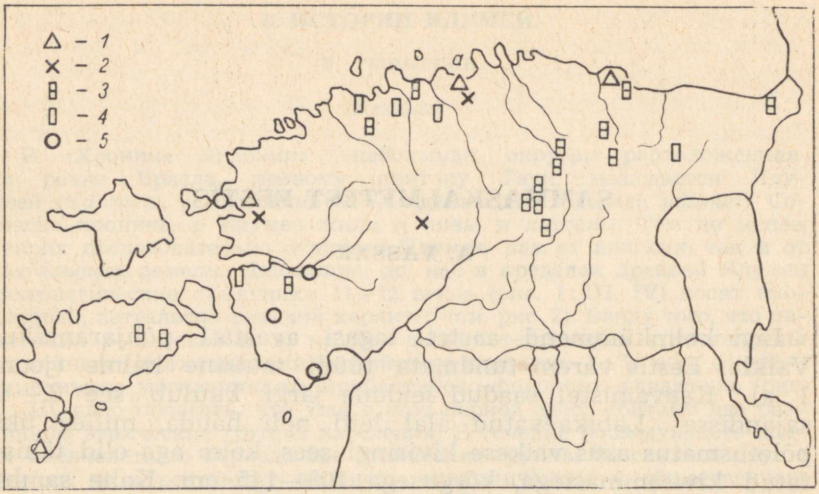
Erandlik oli ka kalme asukoht madalal liivasel mererannikul metsases piirkonnas. Asukoha ja matmisviisi erandlikkus, samuti asjaolu, et samalaadsed bautakivi-kalmed on levinud eriti Kesk-Rootsis, viis mõttele, et Valkla kalme on pärit rootsi meresõitjatelt või kaupmeestelt. Kahest hauast saadud metallpanused aga olid põhiliselt omased Põhja- ja Kesk-Eestile.

Millega see näiline vastuolu on seletatav?

Lähemal käsitlemisel püüame selgitada, kuivõrd erandlik või skandinaaviapärane see matusekoht Eestis on.

Kõigepealt kalme asukohast. Juba ammu on arheoloogid kindlaks teinud, et Põhja-Eesti rannikul, eeskätt Virumaal, oli meie ajaarvamise algussajandeil vilgas mereühendus kaugemate Läänemere-äärsete piirkondadega kuni Visla suudmealani ning Rootsi rannikuni välja, rääkimata lähemal asuvast Soomest. Ajaliselt lähevad need ühendused tagasi vähemalt I aastatuhandesse e. m. a. ja olid paljude põlvkondade vältel kujunenud traditsiooniliseks. On arusaadav, et see eeldab rannikul asuvate looduslike sadamakohtade, eriti jõesuudmete ja varjulisemate lahtede pidevat kasutamist. Need kuulusid

[1] O. Saadre, Ein neuer kaiserzeitlicher Grabtypus aus Nordestland. *ÕES Ar. 1937, I*, Tartu 1938, lk. 381—396.



Joon. 1. Kivisambaga või rahnuga märgitud kalmed Eestis.
1 — sammaskalme; 2 — kivirahnuga märgitud kalme (3.—8. saj.); 3 — inimesekujuline kivirahn; 4 — kivisammas; 5 — «kivistunud pulmalised» (kivikülv).

teatud hõimu või sugukonna valdusse, kuigi püsiasustus ise oli mõnevõrra kaugemal sisemaal, paremate põllu- ja karjamaade piirkonnas. Nende põliskülade juures või läheduses asusid ka kogukondlikud kivikalmed. Kuid mõned kalmed võidi rajada ühel või teisel kaalutlusel ka sadamakoha juurde.

Mereranniku hoidmist kohalike sugukondade valduses näitab ilmekalt juba varaste kindlustatud asulate ja linnuste levik. Asva ja Ridala Saaremaal, Iru, Muuksi, Purtse, Mummassaare ja Narva põhjarannikul või jõesuudme piirkonnas on otseselt seotud lähedal asuvate sadamakohtadega. Viimaste läheduses leiduvad muistised aga kuuluvad kõige tõenäolisemalt kogukondadele, kelle valduses oli vastav sadamakoht.

Et eesti rannikuhõimudel polnud tundmatu kalmete rajamine otse mere äärde, näitab kõige selgemini Vaivara-Utria kalmistu. See koosneb mitmest kivikangrute rühmast ligi 2,5 km pikkusel glindialusel rannikuribal Pimestiku kohalt kuni Utria küla alla välja. Suurem osa neist on mattunud liiva. 1895. ja 1896. aastal kaevati seal 18 kangrul.[2] Ühes õige suures kangrus Utria

[2] R. Hausmann, B. Körber, Steinhügelgräber von Waiwara. *Sb. GEG 1895*, Dorpat 1896, lk. 88—100; B. Körber, Steinhügelgräber in Waiwara. *Sb. GEG 1897*, Jurjew 1898, lk. 49—68.

Männikoksa maal leiti kaks paeplaatidest kirstu põletusmatusega.[3] Triikmanni maal asuv kivikalme oli väikse nelinurkse tarandi kujuline.[4] Maetud oli nii põletatult kui põletamata, leidudest saadi aga ainult mõned ornamendita savinõukillud, kaks ebamäärast lõigatud luu katkendit ning veise, hobuse ja lamba luid. On ilmne, et tegemist saab olla vaid paikse kogukonna muistisega.[5] Sellest räägivad kalmistu suurus, selle kauaaegne kasutamine, ka laste ja õige vanade inimeste luude esinemine. Utria-Vaivara mereäärne, sadamakoha juures asuv kangurkalmistu on tõenäoliselt pärit kivikirstkalmete ajast, ulatudes aga vähemalt 1.—2. sajandisse, mil siin algas juba üleminek tarandkalmetele.

On tõenäoline, et Valkla ja Utria-Vaivara kalmed pole ainsad selletaolised oma asukoha suhtes. Vahetult mereäärsete muististe väljaselgitamine on raskendatud, võrreldes põllumaadel ja külade läheduses leiduvate muististega: traditsioon on kohati juba ammu katkenud, muistised ise mattunud liiva või kattunud metsaga. Ka II aastatuhande algusest tunneme Eesti rannikult mitmeid muistseid kalmistuid vahetult omaaegse sadamakoha läheduses, otse endise merelahe ääres (näiteks suur Viltina kalmistu Saaremaal). Kolga lahe idapoolselt kaldalt, Valklast 15—16 km lennujoones kirde poole on Kolga-Aablast ja Leesilt teateid põletuskalmetest, mis asuvad samuti mere ääres, on aga lähemalt dateerimata. Valkla kalme ehituses on samuti jooni, mida võime kohata eesti hõimudel.

Samasuguseid väikesi kiviringkalmeid nagu Valkla D[6] leidub Eestis ka mujal, esindades ühte kangurkalmete arengu hilist joont, kui endised suured kollektiivkalmed ürgkogukondliku korra lagunemisega hakkasid pikkamööda asenduma üksikhaudadega. Siin-seal ilmusid nad suurte kogukondlike kalmete kõrvale juba 3.—5. sajandil, esindades nähtavasti perekogukonnast eralduvate üksikperede haudu. Sellise kõrvuti esineva arengu näiteks on Nõo Unipiha suur kalmistu, mida kaevati 1889. aastal.[7] Tarandite kõrval leiti siin kümmekond väikest kiviringkalmet, mille läbimõõt oli ainult 3—4 m. Leidude järgi otsustades olid need peamiselt üksikhauad ning kuuluvad

[3] K ö r b e r, lk. 58, 63 ja 64.

[4] Sealsamas, lk. 59 ja 66.

[5] Juba B. Körber kinnitas, et need kalmed kuuluvad kohalikele rannaelanikele-kaluritele «paganlikust ajast», vt. Sb. GEG 1895, lk. 99 ja 1897, lk. 66. Lisaks teistele põhjendustele arvas ta, et pole juhuslik kaluripaatide randumiskohtade vahetu lähedus muistsetele kangurkalme rühmadele.

[6] Vt. plaani S a a d r e, lk. 384 ja fotot, lk. 389.

[7] Sb. GEG 1889, Dorpat 1890, lk. 83 jj.; Hausmanni aruanne ja Belowi joonistatud plaan on säilinud AI arhiivis, esemed AI 1995.

3.—5. sajandisse. Mõni neist haudadest oli rikkamate panustega, osa sisaldas ainult mõne savinõutüki või oli hoopis ilma leidudeta. Saarte ja loode-eesti hõimudele aga oli eriti omane kiviringkalmete kasutamine. Niisiis liitub Valkla D kalme eesti hõimude matmiskommete arengu üldpilti, olles seotud ürgkogukondlike suhete alal toimunud muutustega.

Valkla haudadest oli enne kaevamisi näha ainult püstkivide otsi. Ometi ei ütle see veel, milline oli siinkohal maapind üle poolteise tuhande aasta tagasi. Tollal võis D kalme olla maapinnal märgatav ning püstkivid hoopis pikemalt nähtaval. Teiselt poolt võime meenutada, et kõrvuti kivikalmetega tuntakse Eestist I aastatuhande esimesest poolest ka üksikuid maa-aluseid haudu, eriti saarte, lääne- ja loode-eesti hõimudel, ning ka mõned suuremad kivikalmed on osaliselt jäänud mulla alla. Näiteks Heimtali kivikalme Viljandi lähedal ei tõuse üldse maapinnal esile.

Tahaks veel juhtida tähelepanu asjaolule, et Valkla haudadest saadud panuste koosseis on selline, mis on iseloomulik just tolleaegsetele harju hõimudele: ehetest nõel ja sõrmused, tarbeesemeist noad, harva naaskel. See koos kiviringkalmega näib kinnitavat arvamust, et kalme on rajatud kohalike rannikuasukate poolt.

Õieti ainukeseks skandinaaviapäraseks elemendiks Valkla kalmes on nn. bautakivi-hauad. Kuna viimane aga esineb kõrvuti eesti hõimudele tuntud kiviringkalmega ning panustega, siis on see ilmselt üle võetud Valkla meresõitjate poolt nende käikudelt Kesk-Rootsi. Seal nähtud bautakivi-kalmed võisid aga eeskujuks saada eeldusel, et nad olid lähedased oma sotsiaalselt ja maagiliselt funktsioonilt, sobisid teatud määral nii eesti hõimude ühiskondlik-majandusliku arengu astmega kui ka surnutekultuse iseloomuga.

Kivikalmete kasutamises olid eesti hõimudel sellal juba sajanditepikkused traditsioonid. Kuid ka püstkiviga või mingi kivirahnuga kalme tähistamine polnud päris tundmata.

Eesti vanim kivisambaga kalme leidub Sõrve poolsaarel Karuste küla lähedal, kus see avastati 1940. aasta kevadel. See kuulub tõenäoliselt hilispronksiaegsete skandinaaviapäraste laevkalmete hulka, asub aga koos eesti hõimudele tüüpiliste kivikirstkangrutega. Valkla kalmest kümme kilomeetrit ida pool asuva Muuksi küla ühes kivikirstkangrus leiti põletushaud, mis oli tähistatud püstiseisva paeplaadiga.[8] Ajaliselt võib see olla pärit siirdelt meie ajaarvamisele.

Kalmekirjelduste ja vanemate leiuteadete läbivaatamisel

[8] Seda laadi hauaplaadid olid levinud eriti Ojamaal.

äratavad tähelepanu nii mõnedki juhud, kus kalmet on suure kiviga tähistatud.

Territoriaalselt ja ajaliselt Valkla kalmele kõige lähem leid on saadud Kiiust, ühe kivi alt. Umbes 300. aasta ümbert pärinevate esemete järgi — 3 kaelavõru, peakilpsõlg ja spiraalsõrmus, kõik pronksist — võivad need tõenäoliselt kuuluda panustena matusele.[9] 1. sajandisse dateeritud rauast kitsaskirves on leitud Viljandi rajoonist Ärma jõe kaldalt põllult, kust härg on kaapinud selle välja suure kivi külje alt liiva seest. Kindlasti maa-alune põletushaud oli kuulus Kirimäe leid erakordselt rikaste panustega I aastatuhande keskpaigast, mis oli tasasel väljal maetud umbes poole meetri sügavusele «üsna suure kivi» alla. Rikas Paluküla leid, pärit 800. aasta ümbert, leiti suure kivi kõrvalt. Kahjuks ei tea me nende ega teiste selletaoliste teadete puhul ei «suure kivi» kuju ega asendit. Ilmselt polnud seda laadi leiud pärit tavalistest kivikalmetest, kuid ometi tähistatud kivirahnuga. Üldse teame senini väga vähe maa-alustest kalmetest I aastatuhande esimesel poolel, juhuleiud aga kinnitavad, et seda matmisviisi esines pidevalt paralleelselt kivikalmetega. On silmatorkav, et just suure maa-aluse kivi alt või kõrvalt saadud leidude hulka kuuluvad Loode-Eesti kõige rikkamad hauad ürgkogukondliku korra lagunemise ajast. Nagu märgitud, võis Valkla kalme tähistada selle algjärku.

Tähelepanu äratavad ka folkloristide kogutud teated erilistest kivisammastest Eestis, mis on seotud mitmesuguste muistendite ja pärimustega. Sellisteks on olnud peamiselt inimesekujulised kivirahnud, kuid ka lihtsad kivisambad, millele on omistatud maagilist tähendust ning seetõttu ohverdatud või teisiti tähelepanu osutatud.[10] Kaardile kantuna näeme, et selliseid kive esineb ainult Põhja-Eestis ja Saaremaal. Lääne-Virumaa ja Järvamaa kõrval leidub neid eeskätt rannikulähedases piirkonnas, üldiselt aga alal, kus püsiv asustus ulatub üle tuhande aasta, kohati isegi kuni kaks ja pool tuhat aastat tagasi. Peale Haljava ohvrisamba[11] ei märgita ühegi teise juures inimese kätetöö jälgi. Suurimadki neist ei ulatu palju üle keskmise

---

[9] Samaaegsete peitleidude kaelavõrud on tavaliselt massiivsemad ning koosnevad üksnes kaelavõrudest, Kiiu leiu koostis on aga rohkem panustepärane, kuigi ka ilmselt ühtekuuluv. Olgu märgitud, et Harju rajooni idaosast ei tea me esialgu ühtegi kindlat 2.—4. sajandi tarandkalmet ning seeaegne matmiskomme on siin lähemalt selgitamata.

[10] M. J. Eisen, Kivistunud inimesed. *Eesti Kirjandus XVIII*, Tartu 1924, lk. 453—464, 491—501; E. Laugaste, E. Normann, Muistendid Kalevipojast. Tallinn 1959, lk. 530—545.

[11] J. Jung, Muinasajateadus Eestlaste maalt, III. Tartu 1910, lk. 67: «... Härma talu põllu sees olnud üks suur kivipost, mille peal kõiksugused ümmargused lohud ja vigurid olnud.»

inimese kõrguse ning on ilmselt kõik paigalt liigutatavad, järelikult siis ka inimjõul püsti pandud. Enamik neist seisab üksikult, kuid paariskividest on teateid Viru-Jaagupist, Väike-Maarja ja Järva-Jaani kihelkonnast, kolmest kivist Pöide alal ja viiest Kirblas. Kahjuks ei ole küllaldaselt andmeid nende kivide asukoha ega lähiümbruse kohta.

Rahvatraditsioon seob kõiki neid kivisambaid surnutega ja nimelt erakordsete surmajuhtudega. Eriti levinud on versioon kahe pulmarongi vahelisest verisest kokkupõrkest mitmesugustes teisendites. Samasuguseid jutte aga on levinud ka kivikangrute ja -kalmete kohta Põhja-Eestis ning kivikülvide kohta Lääne-Eestis ja Saaremaal. Viimased on ilmselt juba puht seletusmuistendid. Teine lugu on aga üksikute või väikeses rühmas esinevate kivisammastega, mis ilmselt on inimeste poolt püsti seatud. Osa nendest tähistas tõenäoliselt kalmet, nagu Valklaski, osa võis aga olla püstitatud kuskil kaugel hukkunu mälestuseks. Mitmel juhul on need esinenud lähestikku kivikalmetega, nagu näiteks Haljava «ohvrikivi» ja «Kalevipoja» kaudu laialt tuntuks saanud Iru ämm, osalt aga koguni kivikalmes (teade Lääne-Nigulast). Rahva fantaasia sidus neid aja jooksul mitmesuguste rändmuistenditega ning hilisemate sündmustega ja seepärast ongi ühe ning sama kivisamba kohta liikvel erinevaid jutte ja seletusi. Seejuures ei tohi meid segada, et neid sambaid ühendatakse meie ajale hoopis lähedasemate sündmustega. Nii oli see muide ka Valklas, kus kohalike elanike jutu järgi need kivid olevat olnud püstitatud kolme rootsi ohvitseri haudadele mälestuseks. On tõenäoline, et vähemalt osa neist kaardile kantud kivisammastest tähistavad kalmeid ning ulatuvad ajaliselt tagasi kuni I aastatuhande esimesse poolde.

Kivisammaste leviku puhul peame veel arvestama seda, et nad kõige hõlpsamini sattusid paigalt eemaldamise või lõhkumise alla. Pikali asendis aga ei osata neile üldse enam tähelepanu pöörata. Seepärast võib arvata, et püstkivide kasutamine oli muiste rohkem levinud, kui me arheoloogiliste ja folkloristlike andmete järgi teame. Tegelikult tuleks neid teadlikult otsida ja jälgida, säilinud kivisambad aga kultuurimälestiste kaitse alla võtta. Nende iseloomu ja ajalise kuuluvuse selgitamine peaks aga olema arheoloogide üheks ülesandeks.

M. J. Eisen, E. Laugaste ja teised folkloristid on vanade kivisammaste ja inimkujuliste kivirahnude austamist Eestis ühendanud laplaste seida-kultusega.[12] Laplaste seidad seisavad surnud esivanemate austamisega lähedases ühenduses, olles pere või sugukonna kaitsehaldjaks. Eisen juhtis esimesena ühtlasi

[12] Eisen, lk. 492 jj.; Laugaste, Normann, lk. 534.

tähelepanu Põhjamaadel paganluse ajal valitsenud kombele püstitada iseäralike juhtumite mälestamiseks sambaid, niinimetatud bautakive. Ometi ei olnud tal andmeid, et neid ühendada otseselt kalmetega ja surnutekultusega. Nüüd, kus on teada bautakividega kalmetüübi esinemine Valkla rannikul, tohiks see ühendus olla tõestatud.

Ajaliselt kõige vanemad Karuste laevkalme ja Muuksi küla Sepa kangrus leitud paeplaadiga märgitud põletuskalme on tagasiviidavad Ojamaalt saadud eeskujule. Saarte, lääne- ja loode-eesti hõimude sidemeid Ojamaaga tunnistavad ka mitmed samaaegsed metallesemed. Valkla kalme aga pole mitte Ojamaa, vaid Kesk-Rootsi mandriga ühendatav, nagu juba omal ajal O. Saadre õigesti näitas. Valkla püstkividega põletushaudadele leiduvad kalmeehituse ja matmiskombe suhtes kõige lähemad vasted Upplandis, nagu nüüd rootsi arheoloogi G. Ekholmi poolt avaldatud uutest kaevamisaruannetest näha.[13] Erinevus kaasapandud esemetes jääb aga püsima (kuigi ka Upplandis on armastatud panuseks nuga ning esineb naaskel), samuti polnud Valklas põletatud luid kordagi asetatud savinõusse või karpi. Kohapealseks jooneks oleks ka arvatav laibamatus kõige kõrgema kivisamba juures.

Tõenäoliselt rajasid siis Valkla bautakivi-kalme kohalikud eesti meresõitjad, kes I aastatuhande algupoolel käisid Upplandi rannikul. Eesti rannikuhõimude aktiivsus tollal Edela-Soome suhtes on üldtuntud, mis osalt viis isegi mõningate kogukondade sinna siirdumiseni.[14] Eestipoolne mõju Päris-Soome asustuses on pidevalt tugevnenud, saavutades siin C. F. Meinanderi järgi 3.—4. sajandil ülekaalu.[15] Nähtavasti just tollal hakkasid eesti meresõitjad piki Ahvenamaa saarestikku käima ka Läänemere Rootsi-poolsel rannikul. Tõenäoliselt tunnistavad sellest Upplandi rannikult Darsgärdest saadud idapoolse värvinguga leiud, muu hulgas neli karjasekeppnõela rauast.[16] Nende ühenduste kaudu on võinud sattuda kaugemale Rootsi ka eesti rannikuhõimudele iseloomulikke 4. sajandi ehteid — emailiga hoburaudsõlg Södermanlandis ja Storkåge peitleid

---

[13] G. Ekholm, Valloxsäby logbacke, ett uppländskt gravfält från 1 : a årh. e. Kr. *Fornvännen 34* (1939), lk. 1 jj.; G. Ekholm, Uppländska gravfält från äldre järnåldern. *Fornvännen 39* (1944), lk. 83 jj.; *41* (1946), lk. 193 jj.

[14] M. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин 1955, lk. 221 jj.

[15] C. F. Meinander, Die Zusammensetzung des Finnischen Volkes im Lichte der Archäologie. Referate der Vorträge und Mitteilungen zweiter internationaler Finnougristenkongress. Helsinki 1965, lk. 164.

[16] M. Stenberger, Det forntida Sverige, Stockholm 1964, lk. 435.

Üla-Norrlandis.[17] Kaugemad leiud ei tarvitse arusaadavalt enam tähendada otsest kontakti, Upplandiga aga oli eesti ranniku-hõimudest päritolevatel meresõitjatel see ilmselt olemas. Teisiti oleks meil raske seletada Valkla bautakivi-haudu. Soome lahe piirkonna tähtsust suhtlemises germaanlastega kinnitavad ka keelelised andmed.[18] Asjaoluga, et ranniku-eesti meresõitjad olid neil sajanditel loode suunas aktiivseks pooleks, seletub nähtavasti ka, miks meil 1.—4. sajandini pole Eestist teada ainustki metall-leidu, mis oleks kindlasti pärit Rootsi mandrilt.[19] 5.—6. sajandil aga see olukord muutus.

---

[17] Sealsamas, lk. 434; Шмидехельм, lk. 214.

[18] Vt. argumentatsiooni Шмидехельм, lk. 213.

[19] Raudesemete alal võib seda siiski oletada, vt. H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil. *Verh. GEG XXIX*. Tartu 1938, lk. 608, 630 ja 631.

О ПОГРЕБЕНИЯХ С НАМОГИЛЬНЫМ КАМНЕМ В ЭСТОНИИ

А. ВАССАР

Резюме

В 1937 году в Валкла, на севере Эстонии, на крайнем побережье Финского залива был обнаружен небольшой могильник 3—4 веков н. э. (рис. 1 : 1а), состоявший из одного погребения, обнесенного каменным венцом, и трех погребений, обозначенных поставленным стоймя камнем. Ввиду того, что как погребение с каменным венцом, так и погребальный инвентарь всего могильника представляли эстонский тип, надо полагать, что могильник принадлежал местному населению. Прибрежное население, очевидно, связывалось морским путем с Упландом, центральной Швецией, откуда оно, вероятно, и восприняло обычай ставить на могилу высокий камень (шведск. *bautasten*). Погребения с намогильным камнем встречаются также в других местах (рис. 1 : 1,2). В эстонских народных преданиях упоминаются каменные столбы (рис. 1 : 4) и камни антропоморфной формы (рис. 1 : 3), которым приписывали магическую силу и приносили жертвы. Обычно речь идет об одиночных камнях, но в некоторых случаях и о группах 2—5 камней. Народные предания связывают эти камни с умершими, в особенности с людьми, умершими необычной смертью. Можно полагать, что часть этих камней отмечает погребения, восходящие к первой половине I тысячелетия, т. е. к периоду, знаменовавшему начало разложения первобытнообщинного строя.

ÜBER GRÄBER MIT «BAUTASTEINEN» IN ESTLAND

A. VASSAR

Zusammenfassung

Im J. 1937 wurde in Valkla, Nordestland, am Ufer des Finnischen Meerbusens eine kleine Grabstätte des 3.—4. Jahrhunderts entdeckt (Abb. 1 : 1a), die eine Bestattung mit Steinring und drei durch aufrecht gestellte Steine bezeichnete Bestattungen enthielt. Da das mit einem Steinring umfriedete Grab sowie die Beigaben der gesamten Grabanlage estnische Typen vertreten, ist es anzunehmen, dass in allen Gräbern die Leichen örtlicher Bewohner beigesetzt waren. Als Seefahrer dürften sie in Beziehungen zu Uppland gestanden sein, von wo sie den Brauch auf dem Grab einen Bautastein zu errichten wahrscheinlich übernommen haben. Aus dem 1. Jahrtausend stammende Bestattungen mit einem Grabstein darüber kennt man auch von anderen Orten (Abb. 1 : 1, 2). Die Volksüberlieferung weiss von Steinsäulen (Abb. 1 : 4) oder Steinen von Menschengestalt (Abb. 1 : 3) zu berichten, die magische Kraft besessen hätten oder denen man geopfert haben soll. Gewöhnlich seien es einzelne Steine gewesen, aber auch Gruppen von 2—5 Steinen werden erwähnt. Die Volksüberlieferung verbindet sie mit Toten, meistens mit ungewöhnlichen Todesfällen. Es ist anzunehmen, dass ein Teil dieser Steine Gräber bezeichnet und in die erste Hälfte des 1. Jahrtausends, d. h. ins Zeitalter zurückreicht, wo der Verfall der Urgemeinschaftsordnung begann.

О ВЕСАХ И ВЕСОВОЙ СИСТЕМЕ В ЛИТВЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Р. ВОЛКАЙТЕ-КУЛИКАУСКЕНЕ

Одним из новых явлений в эпоху раннего феодализма в Литве является появление весов и гирек. В Литве найдено в двадцати местах около 40 весов или их фрагментов. Основная часть их найдена в погребальных памятниках западной Литвы, например, в грунтовых могильниках Гинтелишке (Плунгеский район), Лайвяй (Кретингский район), Андуляй, Рамучяй, Вежайчяй (Клайпедский район), Паулайчяй (Шилутеский район), Сирайчяй (Тельшяйский район) и др. и, особенно, в исследованном в последние годы могильнике в Паланге, где инвентарь не менее 10 погребений включал весы и гирьки.[1] Только отдельные экземпляры найдены в центральной Литве (Вершвай около г. Каунаса), в северной (Дегесяй в Пакруоюсском районе и окрестности г. Биржай) и в восточной части республики (г. Вильнюс, территория нижнего замка), см. рис. 1.

Вместе с весами очень часто находили также гирьки (Гинтелишке, Паулайчяй, Паланга и др.), но последние нередко встречаются и отдельно (Яздай, Граужай, Лайвяй, Паланга и др.). Можно предполагать, что весы были дорогим прибором, поэтому в могилу нередко клали только гирьки. Гирек в Литве найдено около 90 экземпляров, основную массу которых дали погребальные памятники и только отдельные единицы — городища (Возгеляй в Зарасайском районе).

Весы были необходимым прибором для определения веса и тем самым — стоимости товаров. Небольшие размеры рассматриваемых весов, небольшой вес самих гирек и сравнительная их точность позволяют предполагать, что они были предназначены для взвешивания благородных металлов, главным образом серебра. Хотя в более позднее время весы

[1] В погребениях №№ 227, 269, 279, 284 найдены весы и гирьки, а в погребениях №№ 124, 174, 196, 201, 229 — только гирьки. Кроме того, отдельные гирьки были найдены вне погребений, в раскопах XII, XIV, XV.

употреблялись для взвешивания товаров, а не денег, они остаются связанными с занятием торговлей.[2] Поэтому погребения, в инвентарь которых входят весы или гирьки, следует считать погребениями торговцев.

[2] R. Kiersnowski, Początki pieniędza polskiego. Warszawa 1962, стр. 93.

Рис. 1. Находки весов и весовых гирек на территории Литвы.
1 — Андуляй (Клайпедский р-н); 2 — Биржай (окрестности города); 3 — Дегесяй (Пакруоюсский р-н); 4 — Гинтелишке (Плунгеский р-н); 5 — Граужай (Кедайняйский р-н); 6 — Яздай (Кретингский р-н); 7 — Ионишкяй (Клайпедский р-н); 8 — Клайпеда (окрестности города); 9 — Куршская коса; 10 — Лайвяй (Кретингский р-н); 11 — Лайстай (Клайпедский р-н); 12 — Лаздининкай (Кретингский р-н); 13 — г. Паланга; 14 — Пакапяй (Каунасский р-н); 15 — Пришманчяй (Кретингский р-н); 16 — Паулайчяй (Шилутеский р-н); 17 — Рагува (Паневежисский р-н; 18 — Рагувишкяй (Кретингский р-н); 19 — Рамучяй (Клайпедский р-н); 20 — Рингувенай (Шяуляйский р-н); 21 — Румпишкяй (Клайпедский р-н); 22 — Сирайчяй (Тельшяйский р-н); 23 — Скеряй (Мажейкяйский р-н); 24 — Страгна (Клайпедский р-н); 25 — Швекшна (Шилутеский р-н); 26 — Толишяй (Кельмеский р-н); 27 — Вершвай (территория г. Каунаса); 28 — Вежайчяй (Клайпедский р-н); 29 — Вадагяй (Мажейкяйский р-н); 30 — Вилкичяй (Клайпедский р-н); 31 — г. Вильнюс; 32 — Возгеляй (Зарасайский р-н).

Весы хорошо датированы археологическими находками. Они встречаются уже в погребениях конца 10 века и особенно в 11 веке. Например, в Паланге в погребении № 284 были найдены весы вместе с серебряным германским денарием конца 11 века.[3] Но они употреблялись и в более поздние времена. Обломок весов был найден в самом нижнем горизонте Вильнюсского нижнего замка, который датируется 13—14 веками. Это вполне понятно. Бытование весов совпадает с временем обращения в Литве весовых денег — серебряных слитков, имевших хождение с конца 10 века по 14 век.

Появление в археологическом материале весов и гирек открывает возможность уяснения двух важных вопросов. Это, во-первых, вопрос о характере имущественных и социальных отношений и, во-вторых, вопрос о господствовавшей в Литве в данный период весовой системе.

Весы и весовые гирьки, как правило, встречаются только в очень богатых инвентарем погребениях, для которых характерно обилие не только украшений, но и оружия. Очень часто в инвентарь таких погребений входят не только копья, но и боевой топор и даже меч, представлявший собой в то время характерный атрибут знатной верхушки. Типичным примером может быть одно из погребений Лайвяйского могильника,[4] датируемое точно 11 веком. В этой могиле было найдено, кроме остатков нарядной одежды (9 подковообразных фибул, богато украшенный пояс), большое количество предметов бытового назначения (топор, серп, кресало, замок с ключом, весы и др.) и конской упряжи (удила, стремена, пряжки от кожаных поясов), а также ценное вооружение: три наконечника копий, один из которых был изготовлен из дамасской стали, железный боевой топор и меч из дамасской стали с богато украшенной рукояткой. Столь же богатый инвентарь дали погребения с весами и в других могильниках, например, в Паланге, Гинтелишке и т. д.

Обстоятельства, при которых обнаружены весы и гирьки, позволяют сделать вывод, что торговля в Литве в начале II тысячелетия была в руках местной знати. И это понятно. Закупка сырья (цветных и благородных металлов) или разного рода изделий предполагала наличие определенных средств, которыми в то время могла располагать только имущая знать. Она же являлась главным потребителем привозных изделий. Кроме металла и соли, ввозились серебро,

---

[3] Дневники раскопок хранятся в Институте истории АН Лит. ССР.

[4] P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius 1961, стр. 514.

дорогие ткани, ценное оружие, породистые кони, некоторые предметы конской упряжи и, наконец, рабы.[5] Вся внешняя торговля была сосредоточена в руках богатой знати. Торговля являлась крупным дополнительным источником обогащения знати. Этим обстоятельством объясняется обилие оружия в погребениях купцов. Опасности, угрожавшие купцу, вынуждали его быть хорошо вооруженным. Имеются основания предполагать, что некоторые наиболее крупные укрепления того времени являлись не только феодальными, но и торговыми центрами.

Появление весов и гирек свидетельствует о существовании в рассматриваемый период определенной весовой системы с установившейся весовой единицей. Этот вопрос может быть решен лишь путем исследования гирек, на которых обнаруживаются вычеканенные знаки: точки, кружки или крестики. Гирьки почти одинаковой формы (низкого бочонка), отличаются только своими размерами и вычеканенными знаками. Последнее обстоятельство и обратило на себя внимание исследователей. Если гирьки разных размеров имеют разные знаки, они, следовательно, должны соответствовать какой-то весовой единице. Этим вопросом уже в конце 19 века интересовались А. Бецценбергер[6], А. Иентч[7], Й. Заксендаль[8], а в начале нашего века этот вопрос исследовал Т. Й. Арне[9]. В последние годы этим вопросом занимались многие исследователи.[10] Почти все авторы, которые за последнее время изучали найденные в Прибалтике гирьки, придерживаются мнения, что весовая единица составляла около 4 г, связывая ее то с одной, то с другой денежной единицей. Польский нумизмат Р. Керсновски подчеркивает, что гирьки, найденные на бывшей прусской территории, в пределах современной Польши, в Древней Руси, Дании и на Скан-

---

[5] Х. А. Моора и Х. М. Лиги, К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики (рукопись), стр. 24.

[6] Sb. Prussia 21, 1900, стр. 270—275.

[7] Там же, стр. 278—289.

[8] J. Sachssendahl, Das Gewichtssystem des XI. und XII. Jahrhunderts in Liv-, Est- und Kurland. (Vortrag, gehalten auf dem X. archäologischen Kongress zu Riga.) *Sb. GEG 1903,* Dorpat 1904, стр. 34—70.

[9] T. J. Arne, La Suède et l'Orient. Uppsala 1914, стр. 177—193.

[10] Я. К. Земзарис, Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). *Проблемы источниковедения, IV,* Москва 1955; А. Л. Монгайт, Рязанские гирьки. *КСИИМК XIV,* Москва—Ленинград 1947, стр. 67; В. Л. Янин, Денежно-весовые системы. Москва 1956; Kiersnowski; O. Navickaitė-Kuncienė, Seniausių svorio matų sistemos Lietuvoje klausimu (X—XIII a.). *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A,* 2 (21), 1966, и др.

динавском полуострове, имеют везде одну и ту же весовую единицу, около 4 г, основой которой был «легальный» арабский диргем.[11]

В широком смысле, конечно, подобный вывод вполне приемлем. Но все-таки в отдельных странах со временем установилась своя весовая единица. Это, в особенности, относится к восточным и западным соседям народов Прибалтики. Например, основой русской весовой системы был «легальный» арабский диргем[12], а в скандинавских странах уже в 9 веке существовала еще другая весовая система, которой соответствовала марка с ее дробными подразделениями. Марка соответствовала одной половине иракского фунта — 204 г, эра ее восьмой части — 25,5 г. и артуг двадцать четвертой части — 8,5 г. И. Земзарис пришел к выводу, что в Латвии были хорошо известны как русская, так и скандинавская весовые системы, образовавшиеся на основе одной и той же единицы.[13] Того же мнения относительно древнелитовской весовой системы в Литве придерживается О. Навицкайте-Кунцене.[14]

По этому вопросу, который еще нельзя считать окончательно решенным, нам хочется высказать некоторые соображения, исходя из данных, полученных в результате взвешивания найденных в Литве гирек. Нами были привлечены только гирьки, отличающиеся хорошей сохранностью.[15] Очень интересны данные взвешивания гирек из могильника Паланга. В погребении № 227 этого могильника была обнаружена самая малая гирька, имеющая на обеих сторонах по одному кружку. Вес ее — 8,34 г. Гирька такой же формы, с аналогичным клеймом, весом 8,18 г была найдена вне погребений в том же могильнике. Интересно отметить, что в упомянутом погребении № 227 были найдены фрагменты бронзовых украшений (головки подковообразных фибул), по-видимому, использовавшиеся в качестве весовых гирек и имевшие вес: 8,45, 8,37, 8,90 г и т. д., одним словом, средним весом 8,5 г. Того же веса (8,54 г) головка подковообразной фибулы была найдена и в погребении № 174.

---

[11] Kiersnowski, стр. 94.
[12] Монгайт, стр. 67; Янин, стр. 172.
[13] Земзарис, стр. 208—209.
[14] Navickaitė-Kuncienė.
[15] Автором были взвешены все гирьки, находящиеся в Вильнюсском историко-этнографическом музее, всего 37 единиц, и 19 бронзовых фрагментов украшений, особенно головки подковообразных фибул, которыми иногда пользовались в качестве гирек. Данные о весе гирек, хранящихся в других музеях, были использованы автором по литературным данным.

В упомянутом погребении № 227 была найдена гирька большого размера, обозначенная двумя кружками на обеих плоских сторонах, весом 17,22 г; такая же гирька из погребения № 270 весила 17,28 г. Следовательно, вес гирек с двумя кружками на обеих сторонах оказался в два раза больше веса гирек с одним кружком.

Точно с такими же кружками на плоских сторонах, но только с тремя, найдена гирька в могильнике Страгна. Ее вес составляет 25,78 г. Гирька того же веса и тоже с тремя кружками на обеих плоских сторонах найдена в Граужяй при трупосожжении № 54. Таким образом, мы здесь имеем дело с гирькой, весом больше на одну единицу. Эти примеры позволяют предполагать, что именно один кружок отмечал самую малую весовую единицу — 8,5 г, которую можно считать равной скандинавскому артугу.

Правда, А. Л. Монгайт[16], а также В. Л. Янин[17] считают, что количество знаков (кружков или точек) на обеих сторонах надо суммировать и что сумма всех кружков показывает, сколько единиц веса составляют вес данной гирьки. Если названные авторы правы, то гирька, имевшая по одному кружку на обеих сторонах, должна соответствовать двум единицам веса, гирьки с двумя кружками — четырем единицам веса и т. д. Это, однако, кажется нам сомнительным. Такое толкование числа кружков было бы вполне понятным, если бы число знаков на обеих сторонах было различным. Но, как правило, число знаков на обеих сторонах равно.

Одинаковым числом кружков клеймили обе стороны гирьки, исходя из чисто практических соображений, так как гирьками, обозначенными таким образом, было гораздо удобнее пользоваться — вес их легко определялся с каждой стороны. Во-вторых, необходимость суммировать знаки, нанесенные на обе стороны, означала бы, что существовали только гирьки, соответствовавшие четному количеству весовых единиц: двум, четырем, шести, восьми и т. д. Но трудно предположить, что не применялись и гирьки нечетных весовых единиц.

Конечно, этот вопрос требует еще более глубокого изучения. Пока неясны гирьки с крестиками, врезанными на плоских сторонах. Отличаются также самые большие гирьки весом около 100 г. Самая тяжелая из них весит 105 г, самая

---

[16] Монгайт, стр. 66.
[17] Янин, стр. 175—176.

легкая — 94,96 г.[18] Число нанесенных на них кружков никак не увязывается с их весом. Возможно, что они представляли собой какую-то более крупную весовую единицу, например, четверть фунта, которая, как и наименьшая единица, не могла быть в то время очень точной. Интересно, что их вес во многих случаях совпадает с весом серебряных слитков, для взвешивания которых они, скорее всего, и использовались.[19]

Некоторые наблюдения дают основание предполагать, что в Литве в начале II тысячелетия преобладала скандинавская весовая система. Основой этой системы был фунт, широко употреблявшийся в то время во всей Восточной и Западной Европе. Во многих странах Западной Европы он употребляется до сих пор. Интересно отметить, что даже некоторые серебряные украшения по своему весу соответствуют фунту или его мелким делениям. Например, подковообразная серебряная фибула с зооморфными головками на концах, найденная в кладе из Стаклишкес (Приенайский район), весит 423 г. Вторая фибула того же типа, но меньших размеров, весит полфунта — 204,5 г. Известно, что серебряные украшения иногда употреблялись в качестве денег, поэтому их вес совпадает с весом серебряных слитков, вес которых, в свою очередь, соответствует весовой единице. Это вполне понятно при весовой денежной системе.

Предположение о преобладании скандинавской весовой системы в Литве в начале II тысячелетия подтверждают еще и следующие факты. Купцы как самостоятельная категория населения Литвы выделяются только в начале II тысячелетия н. э. Это время как раз совпадает с заметным оживлением торговых сношений между скандинавскими странами и восточной Прибалтикой. В то время скандинавские купцы были основными посредниками между Западной Европой и Прибалтикой, особенно в торговле оружием. Только при посредничестве скандинавских купцов в восточную Прибалтику попали клинки мечей франкского происхождения.[20] Около 1000 года остров Готланд стал ведущим цент-

---

[18] Гирьки больших размеров найдены в следующих местах: Страгна (вес 105 г), Граужяй (вес 103,79 г), Паланга, вне погребений (вес 97,40 г), Сирайчяй (вес 98,46 г), Лайвяй (вес 100,72 г), Паланга, погреб. № 269 (вес 94,96 г).

[19] Вес некоторых серебряных слитков (например, Стаклишкес — 103,5 г, Граужяй — 105 г., Граужяй — 99,52 г и т. д.) совпадает с весом гирек, см. сноску 18.

[20] A. Anteins, Damascētie un ierakstu zobeni Latvijā u to asmenu technologija. *Par technikas vēsturi Latvijas PSR. Rakstu krājums VI*, Rīgā 1964, стр. 91—92.

ром торговли на Балтийском море.[21] Хотя в Литве обнаружено сравнительно мало скандинавского импорта, но возникновение оживленной торговли в непосредственном ее соседстве не могло не повлиять на развитие ее местной торговли и тем самым — на установление соответствующей весовой системы. Это находит подтверждение еще и в том, что находки весов и гирек сосредоточиваются, главным образом, в западных районах Литвы (см. рис. 1).

Подобное явление наблюдается и в других прибалтийских странах. В начале II тысячелетия, когда уменьшение торговли с арабским миром вызвало изменение весовой единицы, на первый план выдвигается скандинавская марка, которая в письменных источниках упоминается в середине 11 века.[22] В Риге система марки была официально подтверждена епископом Альбертом в 13 веке.[23] Она действовала и у пруссов, как мы узнаем из составленной в 1340 году Помезанской Правды.[24]

---

[21] M. Stenberger, Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, I. Uppsala 1958, стр. 360.
[22] Kiersnowski, стр 97.
[23] Земзарис, стр. 209.
[24] В. Т. Пашуто, Помезания. Москва 1955, стр. 148.

KAALUDEST JA KAALUSÜSTEEMIST LEEDUS VARASE FEODALISMI AJAL

R. VOLKAITĖ-KULIKAUSKIENĖ

Lühikokkuvõte

Leedust on leitud 20 kohast ümmarguselt 40 kaalu või kaaluosa ja umbes 90 kaaluvihti, mis pärinevad 10.—14. sajandist (joon. 1 : 1 — kaalud, 2 — kaaluvihid, 3 — kaalud ja vihid). Enamik neist on leitud naudadest, milles ühtlasi esineb mitmesuguseid hinnalisi panuseid. See osutab, et kaubitsemisega tegeles esijoones jõukas ülemkiht.

Kaaluühik vastas ümmarguselt 4 grammile. Leedus paistab olevat valitsenud peamiselt skandinaavia kaalusüsteem, mille aluseks oli mark (vastav 204 g). Vaadikujuliste vihtide kaalu tähistavad üldiselt nende lamedatele külgedele sisselöödud ringikesed. On arvatud (A. L. Mongait, V. L. Janin), et vihi raskust väljendab mõlemal lamedal küljel leiduvate ringikeste summa. Vastupidiselt sellele osutab autor mitmetele samasugustele Leedust leitud kaaluvihtidele, mille raskusele vastab ainult ühel lamedal küljel leiduvate ringikeste arv. Suurematel vihtidel (ca 100 g) kui ka sellistel vihtidel, mille lamedatele külgedele on löödud ristikene, ei ole veel õnnestunud määrata suhet vihi raskuse ja ringikeste või teistlaadsete kujutuste vahel.

ÜBER DIE WAAGEN UND DAS GEWICHTSSYSTEM IN LITAUEN IN DER ZEIT DES FRÜHEN FEODALISMUS

R. VOLKAITĖ-KULIKAUSKIENĖ

Zusammenfassung

Aus Litauen liegen etwa 40 Waagen oder Bruchstücke von Waagen von 20 Fundstellen und ca 90 Gewichte (Wägestücke) vor, die aus dem 10.—14. Jahrhundert herrühren (Abb. 1 : 1 — Waagen, 2 — Gewichte, 3 — Waagen und Gewichte). Die überwiegende Mehrzahl der Waagen und Gewichte ist in Gräbern gefunden worden, die in der Regel reich mit verschiedenen Beigaben ausgestattet gewesen sind. Somit deuten sie darauf hin, dass hauptsächlich die wohlhabende Oberschicht sich mit Handel beschäftigte.

Die Gewichtseinheit entsprach rund 4 g. In Litauen scheint vornehmlich das skandinavische Gewichtssystem geherrscht zu haben, dem die Mark (entsprechend 204 g) zugrunde lag. Das Gewicht der tonnenförmigen Wägestücke ist im allgemeinen durch in ihre Flachseiten eingepunzte Ringelchen bezeichnet. Es ist angenommen worden (A. L. Mongait, V. L. Janin), dass die Summe der Zahl der auf den beiden Flachseiten befindlichen Ringelchen das Gewicht des Wägestücks angibt. Demgegenüber führt die Verfasserin eine Reihe in Litauen gefundener gleichartiger Wägestücke an, bei denen die Anzahl der Ringelchen auf jeder der Flachseiten seinem Gewicht entspricht. Bei den grössten Wägestücken (von ca 100 g) sowie bei den Wägestücken, die auf den Flachseiten eine Kreuzfigur haben, lässt sich das Verhältnis zwischen der Anzahl der Ringelchen bzw. anderartigen Figuren und ihrem Gewicht noch nicht ermitteln.

LÜHENDID — СОКРАЩЕНИЯ — ABKÜRZUNGEN

KIRJANDUS — ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ — LITERATUR

ESA = Eurasia Septentrionalis Antiqua, I—XII. Helsinki 1926—1933.
FM = Finskt Museum. Helsingfors 1894 —.
КСИА = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. Москва 1960.
КСИИМК = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Москва-Ленинград 1939—1960.
МАР = Материалы по археологии России, т. 3—37. С.-Петербург 1888—1918.
МИА = Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград 1940.
RK = Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga 1896.
СА = Советская археология. Москва 1957—.
СА I—XXX = Советская археология (Сборник), I—XXX, Москва-Ленинград 1936—1959.
Sb. GEG = Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1861—1923; Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1924—1938. Dorpat (Tartu) 1861—1940.
Sb. Prussia = Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg in Pr. 1—25. Königsberg i. Pr. 1875—1924.
Sb. Riga = Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde (der Ostseeprovinzen Russland) zu Riga, 1873—1934. Riga 1874—1936.
SM = Suomen Museo. Helsinki 1894 —.
SMYA = Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki 1874 —.
Verh. GEG = Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft I—XXIII; Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXIV—XXXIV. Dorpat (Tartu) 1840—1943.
ÕES Ar. vt. Sb. GEG.
ÕES Toim. vt. Verh. GEG.

MUUSEUMID — МУЗЕИ — MUSEEN

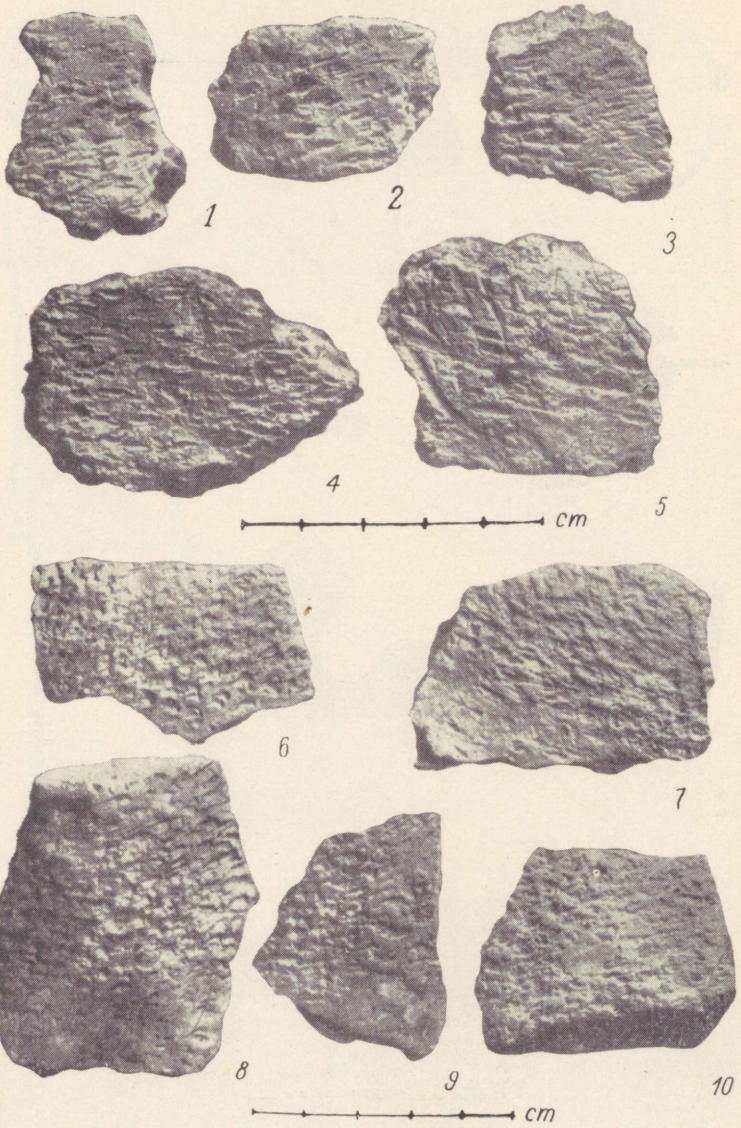
AI = Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut Tallinnas.
CVVM = Latvijas PSR Vēstures Mūzejs — Läti NSV Ajaloomuuseum Riias.
ЛОИА = Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
NM = Nationalmuseum Helsinki.

SISUKORD — СОДЕРЖАНИЕ — INHALT

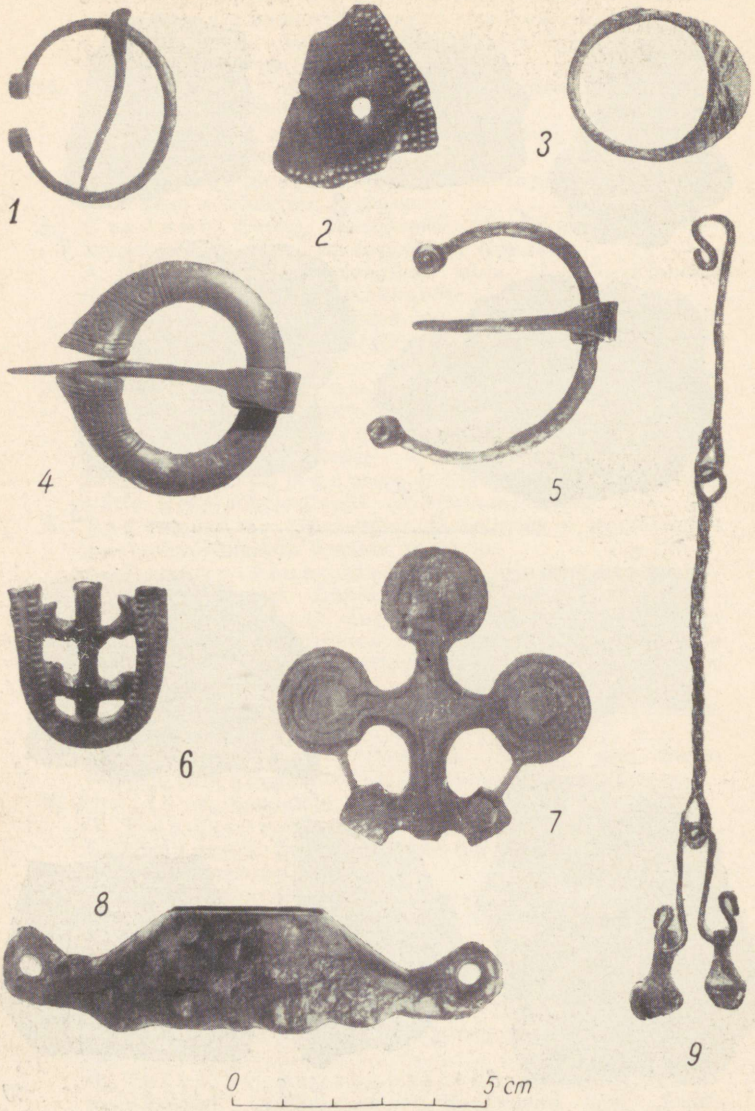
Marta Schmiedehelmi 70. sünnipäevaks 7
К семидесятилетию Марты Хансовны Шмидехельм . . 12
Marta Schmiedehelm zu ihrem 70. Geburtstag 18
M. Schmiedehelmi teaduslikud tööd — Научные труды М. Х. Шмидехельм. — M. Schmiedehelms wissenschaftliche Arbeiten 24
J. Antoniewicz (Warszawa), Einige Bemerkungen über den Getreidebau und die Viehhaltung bei den westbaltischen Stämmen in der Früh- und Mitteleisenzeit . . . 27
J. Antoniewicz, Märkusi lääne-balti hõimude maaharimisest ja loomapidamisest varasel ning keskmisel rauaajal. *Lühikokkuvõte* 36
Е. Антоневич, К вопросу о земледелии и животноводстве у западнобалтийских племен в раннюю и среднюю эпоху железа. *Резюме* 36
В. Даугудис (Вильнюс), О находках сетчатой керамики в Литве 38
V. Daugudis, Tekstiilkeraamika leidudest Leedus. *Lühikokkuvõte* 41
V. Daugudis, Über die Funde von Textilkeramik in Litauen. *Zusammenfassung* 41
Я. Граудонис (Рига), Об этнической принадлежности могильников с каменными конструкциями на территории Латвии 42
J. Graudonis, Läti kivikonstruktsiooniga kalmete etnilisest kuuluvusest. *Lühikokkuvõte* 50
J. Graudonis, Über die ethnische Zugehörigkeit der Gräber mit Steinkonstruktionen in Lettland. *Zusammenfassung* 50
Ф. Д. Гуревич (Ленинград), Прибалтийский импорт в Понеманье в 10—13 вв. 52
F. D. Gurevitš, Baltimaade import Neemeni jõgikonnas 10.—13. sajandil. *Lühikokkuvõte* 58
F. D. Gurewitsch, Ostbaltisches Einfuhrgut des 10.—13. Jahrhunderts im Nemen-Becken. *Zusammenfassung* 59
L. Jaanits, Venekirveste kultuuri asulatest Eestis . . . 60
Л. Янитс, О поселениях культуры ладьевидных топоров в Эстонии. *Резюме* 65
L. Jaanits, Über die Siedlungen der Bootaxtkultur in Estland. *Zusammenfassung* 66

E. Kivikoski (Helsinki), Akanthusornamentik an frühgeschichtlichen Funden Westfinnlands 67
E. Kivikoski, Akantusornament Lääne-Soome varaajaloolistel leidudel. *Lühikokkuvõte* 70
Э. Кивикоски, Западнофинские раннеисторические находки с аканфовым орнаментом. *Резюме* . . 71
П. Куликаускас (Вильнюс), Исследования городищ Занеманья — юго-западной части Литвы 72
P. Kulikauskas, Užnemunė (Edela-Leedu) linnamägede uurimised. *Lühikokkuvõte* 84
P. Kulikauskas, Die Untersuchungen der Burgberge des Užnemunė-Gebiets (Südwestlitauen). *Zusammenfassung* 85
A. Kustin, Kiviringkalme Kureveres Saaremaal . . . 87
А. Кустин, Курган с каменным венцом в Куревере на острове Сааремаа. *Резюме* 94
A. Kustin, Eine Grabanlage mit Steinring in Kurevere, Insel Saaremaa. *Zusammenfassung* 94
S. Laul, Tekstiilijälgedest keraamikaleidudel Eestis . . 96
С. Лаульль, Текстильные отпечатки на древней керамике из Эстонии. *Резюме* 100
S. Laul, Textileindrücke auf Keramikfunden in Estland. *Zusammenfassung* 101
V. Lõugas, Zur Geschichte der bronzezeitlichen Metallindustrie in Estland 102
V. Lõugas, Pronksiaja metallitöötlemisest Eestis. *Lühikokkuvõte* 113
В. Лыугас, К истории металлообработки эпохи бронзы в Эстонии. *Резюме* 113
C. F. Meinander (Helsinki), Zu einem Schmuck vom Pianobor-Typ aus Finnland 114
C. F. Meinander, Ühest pjanobori tüüpi ehtest Soomes. *Lühikokkuvõte* 121
К. Ф. Мейнандер, О находке украшения пьянобopского типа в Финляндии. *Резюме* 122
H. Moora, Käsitöö arenemisjärg Baltimail 12.—13. sajandil . 123
Х. Моора, Об уровне развития ремесленного производства в Прибалтике в 12—13 веках. *Резюме* . . 128
H. Moora, Zum Stand des Handwerks im Ostbaltikum im 12.—13. Jahrhundert. *Zusammenfassung* 128
T. Moora, Asustuse levimisest ühes Kesk-Eesti piirkonnas m. a. I aastatuhande esimesel poolel 129
Т. Моора, О распространении населения в одном из районов центральной Эстонии в первой половине I тысячелетия н. э. *Резюме* 136
T. Moora, Die Verbreitung der Besiedlung in einem Mittelestnischen Gebiet in der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. *Zusammenfassung* 137
Э. Мугуревич (Рига), Укрепленное поселение начала нашей эры в западной Латвии (Курземе) 139
E. Mugurevičs, Kindlustatud asula meie ajaarvamise algusest Lääne-Lätis (Kurzemes). *Lühikokkuvõte* 149
E. Mugurevičs, Eine befestigte Siedlung vom Anfang unserer Zeitrechnung in Westlettland (Kurzeme). *Zusammenfassung* 149
J. Selirand, Prillspiraalpäiste nõeltega linikukeed . . 150

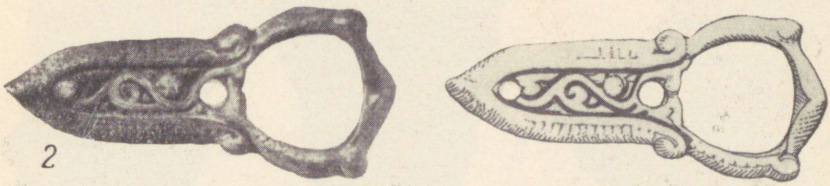
Ю. Селиранд, Украшения для головных повязок с булавками с парноспиральной головкой. *Резюме* . . 155
J. Selirand, Kopftuchgehänge mit Brillenspiralennadeln. *Zusammenfassung* 155
M. Stenberger (Stockholm), Eisenzeitliche befestigte Siedlungen in Schweden 156
M. Stenberger, Rauaaja kindlustatud asulad Rootsis. *Lühikokkuvõte* 164
М. Стенбергер, Укрепленные поселения железного века в Швеции. *Резюме* 164
А. Стубавс (Рига), Некоторые археологические находки 11—13 веков из городища Коknесе 166
A. Stubavs, Arheoloogilisi leide 11.—13. sajandist Koknese linnusest. *Lühikokkuvõte* 173
A. Stubavs, Einige archäologische Funde des 11.—13. Jahrhunderts vom Burgberge Koknese. *Zusammenfassung* 174
Э. Шноре, И. Цимермане (Рига), Поселение и могильник в Кивты (восточная Латвия) 175
E. Šnore, I. Cimermane, Kivti asula ja kalmistu (Ida-Läti). *Lühikokkuvõte* 185
E. Šnore, I. Cimermane, Die Siedlung und Grabstätte Kivti (Ostlettland). *Zusammenfassung* . . . 186
А. Таутавичюс (Вильнюс), К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров 187
A. Tautavičius, Ida-Leedu võitluskirveste kronoloogia küsimusest. *Lühikokkuvõte* 191
A. Tautavičius, Zur Frage nach der zeitlichen Stellung der ostlitauischen Streitäxte. *Zusammenfassung* 191
П. Н. Третьяков (Ленинград), О ранних и поздних городищах дьякова типа 192
P. N. Tretjakov, Varaseist ja hiliseist Djakovo tüüpi linnustest. *Lühikokkuvõte* 196
P. N. Tretjakow, Über die frühen und späten Burgen vom Djakowo-Typ. *Zusammenfassung* . . . 197
E. Tõnisson, Lisandeid Idumea ajaloole 198
Э. Тыниссон, К истории Идумеи. *Резюме* . . . 206
E. Tõnisson, Zur Geschichte der Landschaft Idumea. *Zusammenfassung* 206
A. Vassar, Sammaskalmetest Eestis 207
А. Вассар, О погребениях с намогильным камнем в Эстонии. *Резюме* 214
A. Vassar, Über Gräber mit «Bautasteinen» in Estland. *Zusammenfassung* 215
Р. Волкайте-Куликаускене (Вильнюс), О весах и весовой системе в Литве в эпоху раннего феодализма 216
R. Volkaitė-Kulikauskienė, Kaaludest ja kaalusüsteemist Leedus varase feodalismi ajal. *Lühikokkuvõte* 223
R. Volkaitė-Kulikauskienė, Über die Waagen und das Gewichtssystem in Litauen in der Zeit des frühen Feodalismus. *Zusammenfassung* 224
Lühendid — Сокращения — Abkürzungen 225
Tahvlid — Таблицы — Tafeln I—VIII



СЕТЧАТАЯ КЕРАМИКА ИЗ ЭЙГУЛЯЙ (1—5) И АУКШТАДВАРИС (6—10).
(К статье В. Даугудиса, стр. 38 сл.)

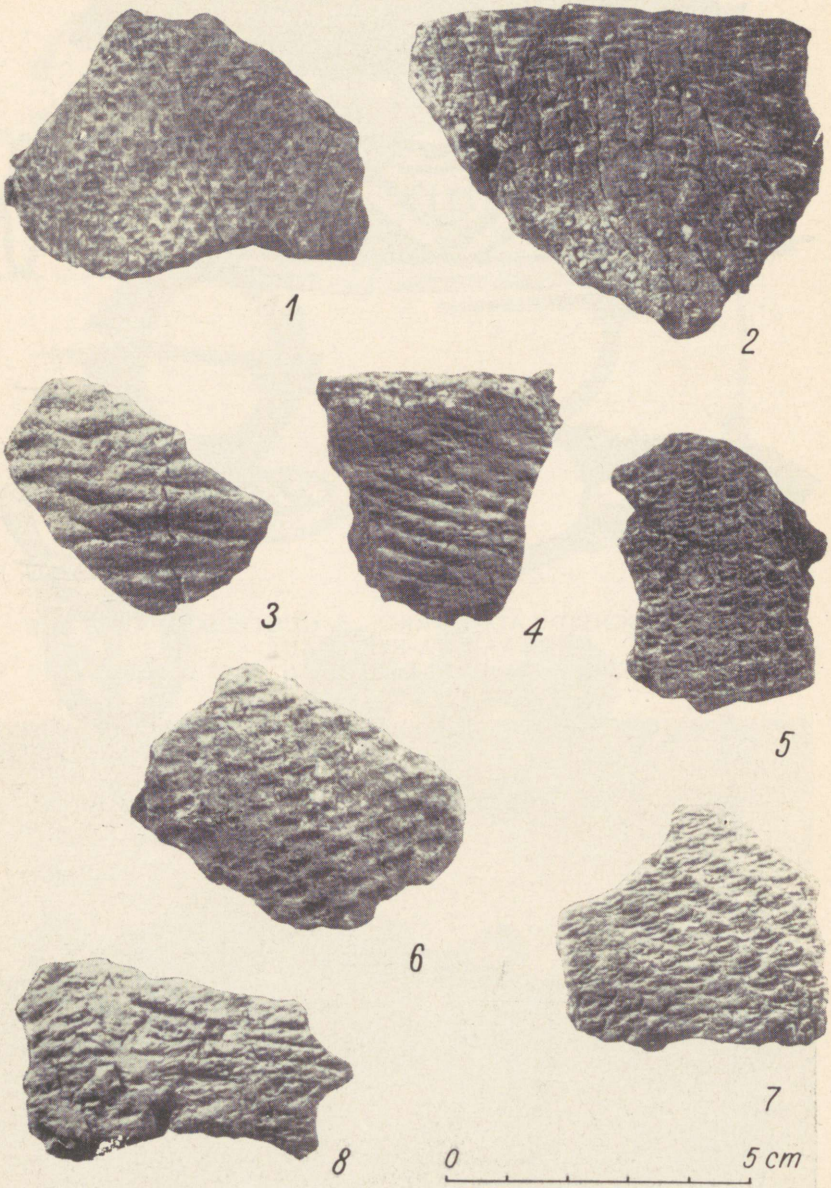


ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИЗДЕЛИЯ В НОВОГРУДКЕ.
1, 4, 5 — пряжки; 2 — часть трапециевидной подвески; 3 — перстень; 6 — наконечник ножен меча; 7 — крестовидная головка булавки; 8 — перекрестье меча; 9 — четырехчастная подвеска.
(К статье Ф. Д. Гуревич, стр. 52 сл.)



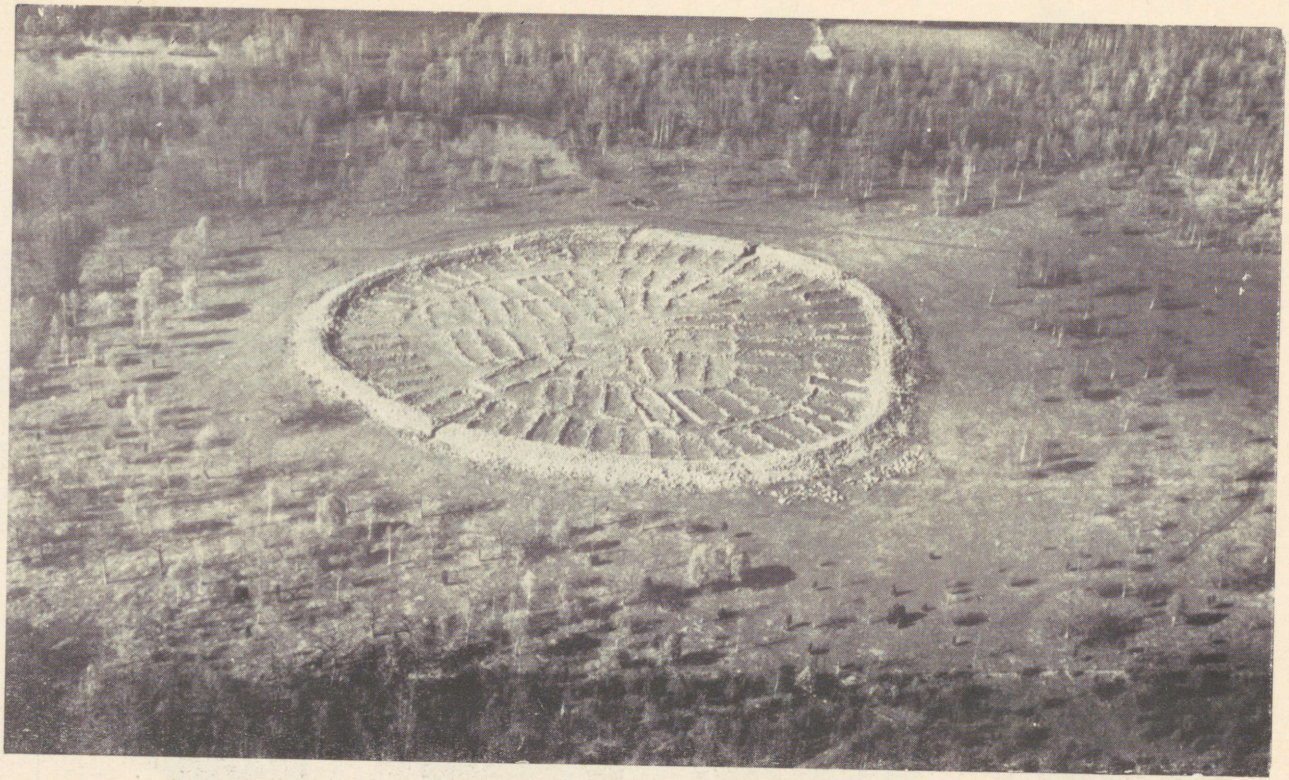
1. MESSERSCHEIDE AUS TURKU; 2. GÜRTELSCHNALLE AUS KAARINA-RISTIMÄKI.
(Zum Artikel von E. Kivikoski, S. 67 ff.)

3. ГОРОДИЩЕ РУДАМИНА С ЗАПАДА.
(К статье П. Куликаускаса, стр. 72 сл.)

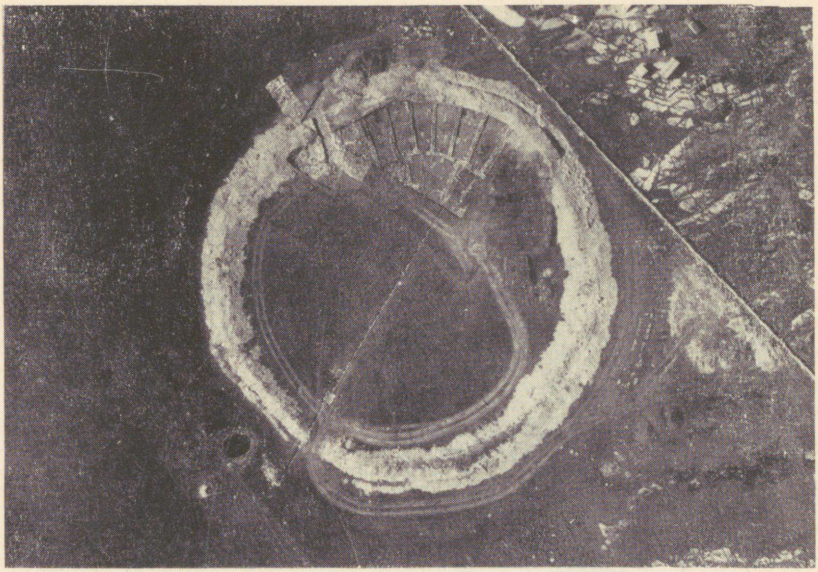


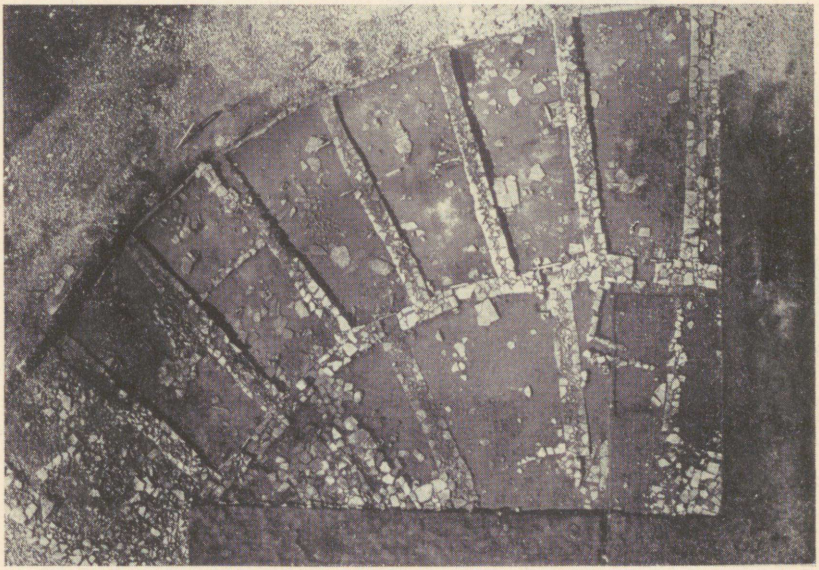
TEKSTIILKERAAMIKAT.
1, 5 — Kullamäe neoliitilisest asulast (AI 4045:1047, 511); 2 — Akali neoliitilisest asulast (AI 4013:1938); 3, 4, 6—8 — Virunuka tarandkalmetest (AI 4161:149, 553; 4262:1176, 1302, 1342).
(S. Laulu artikli juurde, lk. 96 jj.)

PLASTILIINTÕMMISEID TEKSTIILKERAAMIKALT.
1, 5 — Kullamäe neoliitilisest asulast; 2 — Akali neoliitilisest asulast; 3, 4, 6—8 — Virunuka tarandkalmetest; 9 — Asva kindlustatud asulast; 10 — Loona neoliitilisest asulast.
(S. Laulu artikli juurde, lk. 96 jj.)

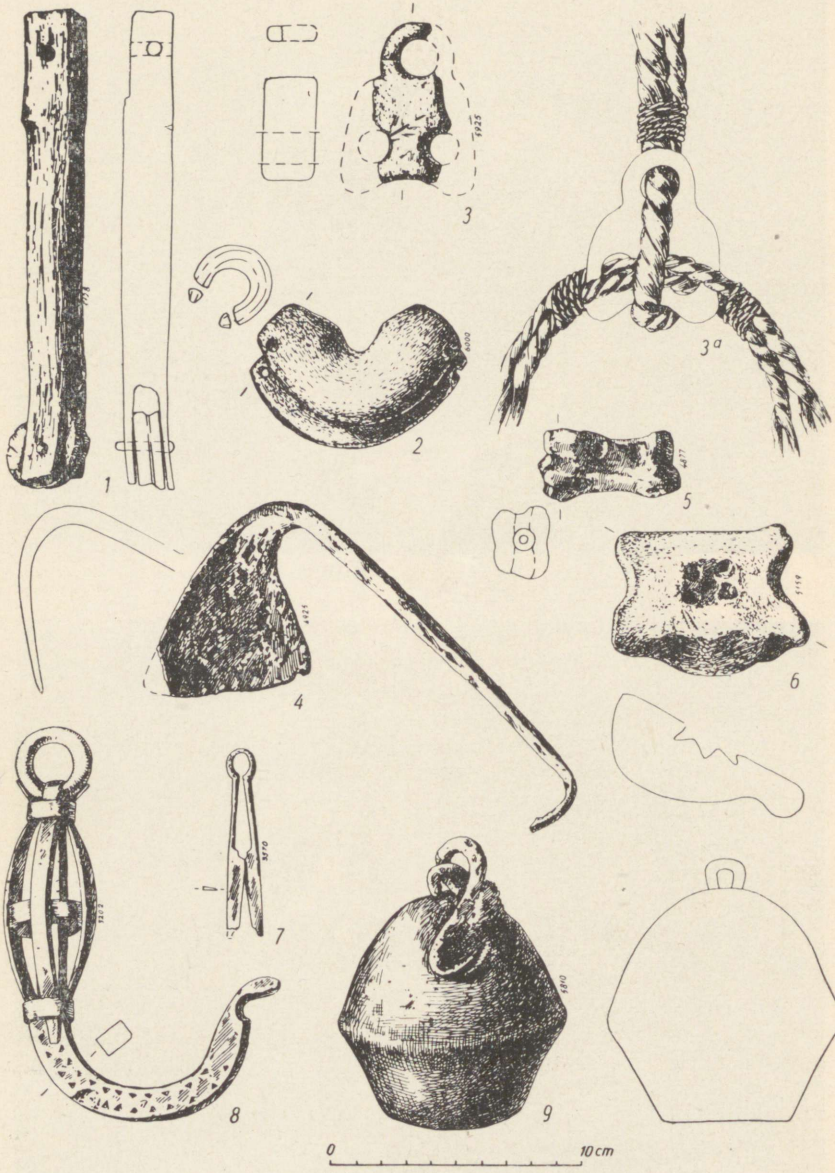


DIE BURG ISMANTORP, KSP. LANGLÖT, ÖLAND.
Luftbild aus 250 m Höhe. Photo Lars Bergström, Stockholm.
(Zum Artikel von M. Stenberger, S. 156 ff.)





DIE BURG EKETORP, KSP. GRÄSGÅRD, ÖLAND, MIT DEM 1964—1965 AUSGEGRABENEN GEBIET.
Luftbilder aus 300 m und 100 m Höhe. Photo Rune Hedgren, Ronneby.
(Zum Artikel von M. Stenberger, S. 156 ff.)



НАХОДКИ ИЗ КОКНЕСЕ.

1 — блок горизонтального стана; 2 — роговой блок — деталь лезива; 3 — роговой распределитель — деталь лезива; 4 — железный скребок для квашни; 5 — костяной юрок для наматывания основы; 6 — костяной предмет неизвестного назначения; 7 — пружинные ножницы; 8 — железный весовой крюк с оковкой; 9 — железная гиря.

(К статье А. Стубавса, стр. 166 сл.)

A
27741
1073123

TARTU ÜLIKOOLI RAAMATUKOGU
1 0300 00107312 3